

**В.Н. Даниленко
(1913-1982)**

**Валентин Николаевич
Даниленко.
Жизнь археолога**

**ВАЛЕНТИН НИКОЛАЕВИЧ
ДАНИЛЕНКО.
ЖИЗНЬ АРХЕОЛОГА**

Київ
ТОВ «Центр учбової літератури»
2013

УДК 902
ББК 63.4г
Д18

**Д18 Валентин Миколайович Даниленко. Життя археолога. /Упоряд.
М.В.Даниленко. – К.: ТОВ «Центр учбової літератури», 2013. – 256 с.**

ISBN 978-611-01-0539-2

Книга складається з двох частин. В першій - розповідається про входження в науку Валентина Миколайовича Даниленка та археологічні роботи післявоєнного періоду. У другій частині наводиться четверта неопублікована глава «Из опыта дешифровки религиозно-идеологической системы» из второго варианта монографии «Неолит Украины» (К., «Наукова Думка», 1969), яка була написана В.М. Даниленком у 1962 році.

Видання розраховане на широке коло читачів та фахівців-археологів.

УДК 902
ББК 63.4г

ISBN 978-611-01-0539-2

©М.В.Даниленко, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Видатний вчений, непересічна особистість	5
Часть I. 1 Путь в археологию В. Н. Даниленко.....	13
2 Фронтальные дороги	23
Часть II. Первые послевоенные археологические работы	41
1 Археологические работы в районе разрушенного Днепрогэса	41
2 Подготовка и защита ученых степеней В. Н. Даниленко	45
3 Археологические работы В. Н. Даниленко на древнейшем памятнике Украины «Каменная могила»	48
Фото из домашнего архива В. Н. Даниленко Иллюстрации из Научного архива ИА НАН Украины	
ВСТУПЛЕНИЕ.....	110
Из опыта дешифровки религиозно-идеологической системы древних земледельцев Южной Европы	112
Вступительные замечания	112
Глава I § 1 Буго-днестровская культура как предмет этнической истории.....	118
§ 2 Наследие буго-днестровской культуры.....	124
Глава II § 1 Сложение трипольской культуры. Историографический момент	146
§ 2 Древнее Триполье: восточный и западный районы	154
§ 3 Об основной линии и течениях в развитии трипольской культуры.....	166
§ 4 Заключение о сложении трипольской культуры	171

Глава III Реалии религиозно-идеологической системы буго-днестровской и трипольской культур.....	174
Иллюстрации	191
Примечания.....	227
Заключение	243
Приложение (домашний архив):	
1. Письмо от 15 мая 1968 г. проф. Европейской Археологии Калифорнийского Университета, Доктора Марии Гимбутас.....	245
2. Содержание очередного варианта монографии «Неолит Украины» с автографом В. Н. Даниленко.....	249
3. План – карта с. н. с. ИА АН УССР, д. и. н. В. Н. Даниленко	255

*Видатний вчений, непересічна особистість**

В історії української археології навряд чи знайдеться друга постать, яка поряд з певною суперечливістю була б такою глибокою і значущою для науки як Валентин Миколайович Даниленко. Визначний науковець був і залишається, без перебільшення, ключовою фігурою в історії вивчення пізньокам'яної доби України, а то й ширше — усього півдня Східної Європи. Наші сучасні уявлення про хід історичного процесу між Карпатами і Доном та Волгою за епохи неоліту - раннього енеоліту значною мірою склалися завдяки наполегливій праці і гострому розуму цієї непересічної особистості. Але наукові інтереси і наміри Валентина Миколайовича були значно ширшими за вузькі рамки неолітичної та енеолітичної епох. Багатьом його планам і задумам не дано було звершитися, і хто знає, як би ми зараз оцінювали його спадщину, якби життя його склалося інакше.

Народився Валентин Миколайович 6 липня 1913 року у селі Нова Михайлівка Велико-Токмацької волості Таврійської губернії (нині — Запорозької області) в сім'ї, як він сам зазначав, народного вчителя. Після закінчення початкової школи і технікумів починає працювати у Мелітопольському краєзнавчому музеї. У тому ж 1932 році вступає на історичний факультет Мелітопольського педінституту, по закінченні якого у 1935 році продовжує трудову діяльність у краєзнавчому музеї вже як науковий співробітник і водночас вчителює у середній школі.

Навесні 1936 року доля закидає Валентина Миколайовича до Ленінградської області у місто Валдай, де продовжується його педагогічна та музейна діяльність. Влітку 1937 року він повертається до Мелітополя і продовжує працювати в краєзнавчому музеї.

Восени 1939 року він вступає до аспірантури при Інституті історії матеріальної культури АН СРСР у Ленінграді, тобто за юних літ обирає шлях дослідника історії і невпинно йде цим шляхом крізь негоди і негаразди 30-х років.

*Стаття опублікована у збірці «Кам'яна доба України». — К.: Вид-во «Шлях», 2002. — С. 6-8. Цей текст виправлено і доповнено завдяки ознайомленню із дослідженнями М. В. Даниленка.

Війна не дала завершитися навчанню, і у липні 1941 року В.М.Даниленко рядовим бійцем народного ополчення іде на фронт. Отримана освіта знадобилася і на війні. У листопаді Валентин Миколайович закінчує прискорені курси підготовки командного складу і, отримавши звання молодшого лейтенанта, починає служити перекладачем, а згодом — помічником начальника розвідки 177-ї стрілецької дивізії на Ленінградському фронті.

У квітні 1942 — перше поранення, госпіталь, згодом — перша медаль «За відвагу». У липні В. М. Даниленко переводиться на Воронізький фронт, де його військова кар'єра почала швидко йти вгору. Він служить на небезпечних і відповідальних ділянках, був начальником розвідки полку, пізніше — начальником розвідки 100-ї стрілецької дивізії, начальником слідчої частини розвідвідділу Штабу 40-ї Армії 1-го Українського фронту, був ще тричі поранений, нагороджений орденами Червоного Прапора, Вітчизняної війни I-го ступеня, Червоної Зірки, багатьма медалями. Закінчив війну Валентин Миколайович начальником слідчої частини розвідвідділу Штабу 40-ї армії II-го Українського фронту у чині майора.

Продовження військової кар'єри могло б відкрити за умов тогочасного Радянського Союзу для досить молодого ще майора неабиякі перспективи. Однак В. М. Даниленко твердо вирішує повернутися до улюбленої справи і вже у січні 1946 року зараховується старшим науковим співробітником до Інституту археології АН УРСР, де одразу ж активно підключається до дослідницької діяльності, не цураючись при цьому важкої, часом «чорної» археологічної роботи.

У тому ж році В. М. Даниленком у Запорізькій області була відкрита нижнепалеолітична стоянка Круглик. Ця пам'ятка дала Валентину Миколайовичу необхідний матеріал для підготовки і успішного захисту дисертації на здобуття звання кандидата історичних наук під керівництвом академіка П. П. Єфименка, якого В. М. Даниленко називав своїм учителем. Наполеглива й успішна праця не лишилася непоміченою. У травні 1949 року молодого кандидата наук призначають завідуючим відділом первісної археології.

Палеолітична доба, однак, так і не зробилася сферою особливих наукових інтересів новоспеченого керівника відділу. Валентина Миколайовича більше приваблювали питання витоків тих культурних проявів, що їх можна було спостерігати впритул до сьогодення. Епоха неоліту

— «новокам'яної» доби з її революційним переходом до відтворюючої діяльності — землеробства, скотарства, ткацтва — становила у цьому розумінні невичерпне і досить слабко на той час ще зоране поле для застосування дослідницьких зусиль. З того часу В. М. Даниленко концентрує основну увагу саме на цьому періоді, не обминаючи жоден регіон, жодну культуру, жодну помітну пам'ятку епохи. З кінця 40-х і в 50-ті роки археолог проводить масштабні польові дослідження на Південному Бузі, у Середньому Подніпров'ї, в Надпоріжжі, Приазов'ї, розкопуючи десятки нових пам'яток доби неоліту-енеоліту-бронзи.

Перше узагальнююче дослідження з викладом концептуальних поглядів В. М. Даниленка на основні проблеми неоліту України побачило світ 1957 року у колективній праці Інституту археології АН УРСР «Нариси стародавньої історії Української РСР».

Наслідком цілеспрямованих зусиль вченого стала велика монографія «Неолит территории Украинской ССР» (у вигляді рукопису), що підводила підсумок дослідженням епохи неоліту в Україні до 1955 року (коли був в основному завершений текст книги). У цій праці, крім введення до обігу нових матеріалів, В. М. Даниленко зробив спробу по-новому оцінити місце і значення неолітичної доби для розвитку давніх суспільств на теренах України, запропонував нову періодизацію, вніс уточнення до хронології, переглянув питання походження етнічної історії ряду археологічних культур, більшість з яких була виділена дослідником ще у попередні роки (сурсько-дніпровська — в 1946 році, приазовська — в 1947 році, дніпро-донецька та буго-дністровська — в 1949 році).

Новій оцінці історичних процесів за доби неоліту сприяло підтримання наукових контактів із закордонними дослідниками, зокрема, з країн Центральної Європи. чого так бракувало вітчизняній науці у повоєнний період. Того ж 1958 року В. М. Даниленка було делеговано до Чехословаччини (де колись проходили його військові шляхи) на участь у науковому семінарі із вивчення неолітичної доби.

Однак життя науковця не було безхмарним: вже восени 1954 року В. М. Даниленка було звільнено з посади керівника відділом через «не забезпечення належного керівництва» та «заборгованість по індивідуальних планах». Протягом 50–60-х років його неодноразово звільняли і з посади старшого наукового співробітника з тим самим формулюванням: «заборгованість з експедиційних звітів» та «не-

виконання індивідуальних планів», але, відповідно, кілька разів, за підтримки колег по відділу, знову поновлювали.

Сьогодні, звичайно, важко судити, що заважало цьому обдарованому досліднику і колишньому офіцеру дружити з дисципліною. Відомо, що Валентин Миколайович був людиною імпульсивною, неспокійною, хоча і доброзичливою, але часом нестримною у діях та судженнях. Усе це нерідко ставало на заваді нормальному вживанню у колектив і, тим більше, порозумінню з начальством.

Але головна причина полягає, як здається, все ж таки дещо в іншому — як свідчать надруковані у цей період його статті, а особливо неопубліковані рукописні матеріали, поряд із основною своєю тематикою — проблемами нео-енеолітичної епохи — Валентин Миколайович багато займається і добою раннього заліза, і кіммерійською проблематикою, і давніми слов'янами, і сторінками історії давнього Києва. Дух його прагнув усе нових і нових відкриттів, все більш значущих звершень, які важко було заздалегідь передбачити і втиснути у вузькі й водночас зобов'язуючі параграфи індивідуальних планів. В. М. Даниленко був справжнім романтиком наукового пошуку, що так і сипав новими і новими творчими ідеями, надихаючи ними тих, хто його оточував. Ця нестримна імпульсивна енергія і часом, можливо, надмірний романтизм дуже часто заважали. Валентин Миколайович мав справді дивовижну, неймовірну наукову інтуїцію, що допомагала йому робити не передбачувані відкриття. В більшості випадків він оприлюднював висновки, при цьому не показуючи так звану «наукову кухню» — процес просування від археологічних знахідок до кінцевих, майже глобальних узагальнень. Яскравий талант дослідника проявлявся у Валентина Миколайовича у блискучому знанні та розумінні археологічних матеріалів. Колеги часто у скрутних ситуаціях при неможливості визначити той чи інший артефакт зверталися до В. М. Даниленка, і той, чудово знаючи відповідні публікації, іноземні видання (вільно володів багатьма європейськими мовами), майже без винятків вірно інтерпретував знахідку.

Тільки у 1969 році — через понад чотирнадцять років по завершенню (в основному) рукопису — побачила світ монографія «Неолит України», що стало справжньою подією не лише для української науки, але й для археологічного світу всього тодішнього Радянського Союзу, а якоюсь мірою також і Європи. Свого науково-пізнавального

значення ця праця не втратила і досі, незважаючи на те, що протягом останніх десятиріч археологія кам'яної доби в Україні зробила величезний стрибок уперед.

Після успішного захисту у грудні 1970 року другої дисертації Валентин Миколайович отримує звання доктора історичних наук. Незабаром вийшла у світ наступна його велика монографія «Энеолит Украины» (1974), що підводила підсумок дослідженням доби переходу від кам'яної епохи до палеометалічної на теренах України, в першу чергу, торкаючись проблем складення та процесів розвитку трипільської, давньоямної (середньостогівської), азово-дніпровської культур (етнокультурних областей). Ця праця, подібно до попередньої, може на сьогодні вважатися класичною, хоча і має цілу низку дискусійних моментів. Однак за монументальністю постановки проблем і намаганням їх осягти дана книга і досі не має собі рівних.

Незважаючи на отримане солідне звання, Валентин Миколайович не втратив запального й молодого дослідницького духу. Як і раніше, його інтереси є значно ширшими за якусь певну обмежену галузь. Варто тут згадати лише деякі його статті, що вийшли протягом 70-х: «Фрідріх Енгельс як етністорик», «Біла джерел хореографії» тощо, а також неопубліковані роботи: «Первісні Деметра і Артеміда у трипільському пантеоні», «Про першопочатки Києва», «Етністоричний комплекс Давньої Східної Європи», «Витоки давньоруської писемності»... Наведений перелік засвідчує не тільки розмаїття творчих інтересів Валентина Миколайовича, але й справжній енциклопедизм його знань, які базувалися на комплексному вивченні археологічних, писемних, палеолінгвістичних, етнографічних джерел.

В. М. Даниленка можна вважати одним з піонерів — до речі, поряд з М. Грушевським — індоєвропейстичних досліджень в Україні. Проблеми прабатьківщини і походження індоєвропейців присвячені відповідні розділи його монографій. Про те, наскільки важливим вважав Валентин Миколайович індоєвропейське питання для вітчизняної історичної науки, зокрема археології, свідчить його вислів: «Коли дослідник ставить питання про етнічну належність носіїв тієї чи іншої археологічної культури, він неминуче стикається з індоєвропейською проблемою».

В. М. Даниленко був не тільки автором 43 публікацій, майже кожна з яких стала науковим відкриттям, дослідником десятків пам'яток

археології доби палеоліту — епохи Київської Русі, керівником декількох великих новобудовних експедицій (Південнобузької, Приазовської, Донецької тощо). Валентин Миколайович був справжнім генератором ідей. Без таких людей будь-яка наука стає буденнішою, втрачає смак блискучого романтизму. В. М. Даниленко щедро ділився з колегами своїми ідеями, які в більшості випадків пережили випробування часом. Як це сталося, наприклад, з виявленими дослідником пам'ятками «київського типу», що довго не визнавалися фахівцями, а тепер зайняли чільне місце серед ранньослов'янських старожитностей України.

Було б невинно сказати, якби ми хоча б наприкінці нашої невеличкої розвідки про життя і діяльність В. М. Даниленка не зупинилися на вивченні ним пам'яток, що, вірогідно, і привела його в археологію, а потім була натхненням протягом усього життя. Звісно, йдеться про Кам'яну могилу на Мелітопольщині. Ще дев'ятнадцятирічним хлопцем Валентин Миколайович захопився цим унікальним уособленням величі природи та творчої наснаги давньої людини і не зміг відійти від пам'ятки до свого останнього подиху (помер у жовтні 1982 року). Дослідник почав вивчати кам'яно-могильські зображення на пісковикових плитах та розкопувати первісні поселення навколо пагорбу ще з 1932 року, у 1938 році обстежував околиці Кам'яної могили разом з О. М. Бадером, потім повертався сюди знов і знов (у 1947, 1952 — разом з М. Я. Рудинським, з 1969 до 1974 року як начальник експедиції). З Кам'яною могилою пов'язаний перший виступ Валентина Миколайовича перед науковцями — на Всесоюзній конференції, присвяченій викопній людині, він зробив доповідь про семантику наскельних зображень, після чого молоду людину запросили до аспірантури. У 1973 році, під час останніх польових досліджень, В. М. Даниленко відкрив два досі невідомі гроти — Грот Чуриг з рибоподібними конкреціями, прикрашеними лінійними зображеннями, та Печеру Чаклуна з кількома сотнями найрізноманітніших петрогліфів. Валентин Миколайович мріяв створити науково-дослідну установу, яка б вивчала цю дивовижну, єдину у світі пам'ятку — первісне святилище, музеєфікувала відкриті гроти, проводила науково-просвітницьку роботу. Мріяв, що будуть відтворені давні ландшафти з відповідною степовою рослинністю... Про це розповідав ще завітавшому на Кам'яну могилу на початку 1950-х Олександрову Довженку. Однак навіть монографія «Кам'яна могила» В. М. Даниленка

вийшла тільки через 4 роки після його смерті (1986). У 1990-ті роки омріяна вченим ідея почала поступово втілюватися у життя завдяки ентузіазму одного з його учнів — Б. Д. Михайлову.

Валентин Миколайович був однією з найбільш яскравих особистостей в археології України з надзвичайно широким діапазоном наукових інтересів. Його гострий розум і нестримана енергія багато в чому визначили розвиток української археології у повоєнний період. За глибиною наукового пошуку, широтою захоплень, ерудованістю Валентин Миколайович Даниленко може бути поставленим в один ряд з найвизначнішими археологами ХХ століття. Тому й у ХХІ-му він з нами. Тому й сьогодні дуже актуальні публікації рукописів його наукових досліджень — звітів про археологічні роботи, статей, монографій, розділів опублікованих монографій, які не побачили світ. Вони сповнені цікавих ідей і можуть слугувати поштовхом до нових відкриттів.

В цьому ми будемо відзначати 100 років від дня народження Валентина Миколайовича. Його син, Мирослав Валентинович Даниленко, підготував до видання невелику книгу. Завдяки їй ми можемо дізнатися багато нового з біографії вченого, вчителя, батька, сміливого офіцера. Син написав про батька, і багато в чому Валентин Миколайович постав перед нами по-новому.

Директор Центру пам'яткознавства
НАН України і Українського товариства охорони
пам'яток історії та культури,
кандидат історичних наук, доцент,
Заслужений працівник культури України,
дійсний член ICOMOS

О.М.Титова

Доцент Національного університету
«Кієво-Могилянська академія»,
кандидат історичних наук

С.В.Конча

*100-летнему юбилею отца посвящаю.
Мирослав Даниленко.*

1.1. ПУТЬ В АРХЕОЛОГИЮ

I. Выдающийся украинский ученый-археолог, филолог и этно-историк Украины, доктор исторических наук, профессор Даниленко Валентин Николаевич (1913-1982 гг.), владевший 26-ю иностранными языками и большим количеством древних, первый, начиная с 1932 года, приступил к изучению и исследованию Каменной могилы, одного из древнейших исторических памятников Украины. Он посвятил этой работе всю свою жизнь. Вместе с тем В. Н. Даниленко занимался исследованием палеолитических, неолитических и других эпох Украины.

Валентин Николаевич Даниленко родился 6 июля 1913 года в селе Ново – Михайловка, Больше – Токмакской волости, Бердянско-го уезда, Таврической губернии (ныне Запорожская обл.). Его отец – народный учитель Украины Николай Яковлевич (владел десятью иностранными языками, фото 1, 2), мать – Агафья Леонтьевна Даниленко. Валентин в семье был третьим ребенком. Старшими были сестры. - Антонина (впоследствии заслуженный учитель Украины) и Любовь (учитель средней школы). Когда Валентину исполнился год, началась I Мировая война. Его отец был призван воевать по так называемому «Учительскому набору» в Иностранный Легион, который проводил боевые действия против Германии на Севере

Фото 1.

Фото 2.

Николай Яковлевич Даниленко – отец Валентина Николаевича, Народный учитель Украины

Африки. Там, в самом начале военной кампании, он попал в плен и содержался в лагере для военнопленных. После окончания войны, в начале 1918 года, его освободили и интернировали на юг Франции без какого-либо

денежного содержания. Пешком он пересек всю Францию с юга на север. На Украину он сумел добраться лишь через несколько месяцев, подрабатывая по дороге на пропитание. На первые заработанные деньги он купил немецко-французский разговорник (немецкий язык знал досконально) и при помощи его договаривался о более выгодные и квалифицированные условия работы. Благодаря хорошей памяти к концу пути он уже хорошо владел и французским языком. В тот же год семья переселяется в Мелитополь, где к концу 1918 года семейство пополнилось вторым сыном, Николаем.

Валентин очень рано научился читать. Он перечитал почти всю большую библиотеку отца. Особенно его увлекала историческая литература, что впоследствии повлияло на выбор профессии. Подростком, прихватив лишь краюшку хлеба, он уходил из дома путешествовать по окрестностям Мелитополя. Он любил общаться с местными, многонациональными, поселенцами Юга Украины на их родном языке, который легко осваивал, благодаря феноменальной памяти, в довольно короткий срок. От местных жителей Валентин слышал много старинных легенд об интересных исторических событиях, происшедших на этой земле. Среди сверстников он отличался удивительной способностью фантазировать, во всем видя приметы старины. Особенно его привлекала расположенная вблизи Мелитополя, на р.

Молочной, Каменная могила с ее загадочными посланиями древних обитателей этих мест.

После окончания обучения в школе, техникумах Мелитополя и Бердичева по специальности кожевенное производство (фото 3), несомненно, интересуясь историей Украины, он посещал в этих городах краеведческие музеи. Верный своему призванию, в 1932 году Валентин поступил на исторический факультет Мелитопольского педагогического института. Одновременно, в том же голодном 1932 году, он посту-

Фото 3. Студент техникума, 1930 г.

пил на работу в Мелитопольский краеведческий музей на должность научного сотрудника. Как рассказывал В. Н. Даниленко, он вынужден был уйти из родительского дома, чтобы не быть лишним ртом. В автобиографии по этому поводу он писал: «перешел на собственные хлеба».

Институт В. Н. Даниленко окончил досрочно в 1935 году и приступил к работе в качестве учителя истории средней школы г. Мелитополя, совмещая с работой в музее.

Работая в музее (фото 4) и изучая дореволюционные научные публикации в одном из сообщений Императорской Археологической Комиссии за 1893 год, Валентин Николаевич нашел короткую публикацию про обследование в 1890 году Каменной могилы выдающимся российским археологом Н. И. Веселовским, который в то время пребывал в Таврической губернии. Узнав из местных газет, поднявшим необычайный шум, о найденном на Каменной могиле кладе, он поспешил туда, однако клада не нашел. Зато он первым установил, что Каменная могила является не курганом, а природным творением. Н. И. Веселовский в своей публикации указал: «Стены открытой пещеры

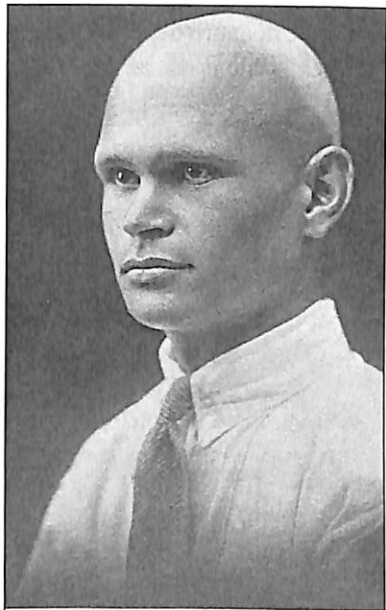

Фото 4. Научный сотрудник Мелитопольского краеведческого музея, 1935 год

имеют реалистичные изображения животных...» (Н. И. Веселовский «Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1890 г.», СПб, 1893, С. 2-4). В своей монографии «Кам'яна могила» В. Н. Даниленко предположил, что «Поскольку такие изображения на Каменной могиле есть лишь в одном месте – гроте «Мамонта», можно предполагать, что в поисках клада Н. И. Веселовский попал именно в этот грот. Исследователь осмотрел и иные места Каменной могилы, но ничего, что, на его взгляд, привлекало бы внимание, не нашел и через это [обстоятельство] прекратил обследование. Позднее про Каменную могилу как археоло-

гический памятник забыли» (В. М. Даниленко, «Кам'яна могила», К., «Наукова Думка», 1986, С. 6). Ознакомление с данной публикацией В. Н. Даниленко послужило тому, что с 1932 года Мелитопольский краеведческий музей включил в постоянный план работ обследование и изучение Каменной могилы. Молодому научному сотруднику В. Н. Даниленко было поручено возглавить исследование уникального памятника древности Украины.

«К Каменной могиле и ее склонам первобытные люди не относились как к обычной территории заселения. Сюда более 10000 лет назад с правого берега р. Молочной начали проникать первые группы людей, используя ее лишь в культовых целях, так как в нескольких десятках гротов открыто тысячи культовых изображений и нигде не было следов обычных жилищ. ...К 1934 году было открыто до десяти пещер со следами схематичных изображений, а также поселений древних восточнее Каменной могилы» (там же С. 5, 7).

Отчеты о проделанных работах на историческом памятнике поступали в краеведческий музей Мелитополя, а многочисленными археологические находки с письменами древних и другими артефактами становились интересными экспонатами, что привлекало большое количество посетителей, желающих ознакомиться с древней историей края.

Фото. 5. 1935 г., Сотрудник Мелитопольского краеведческого музея. В.Н. Даниленко (выделен на фото кругом) с разъяснительной беседой о значении для Украины исторического памятника «Каменная Могила»

Большую экскурсионную и разъяснительную работу среди местного населения, о значении для истории Украины этого уникального памятника проводил научный сотрудник краеведческого музея В. Н. Даниленко (фото 5), так как зачастую жители близлежащих поселений использовали камни Каменной могилы, для строительных целей.

Весной 1936 г. обстоятельства заставили В. Н. Даниленко переехать на работу в г. Валдай, Ленинградской обл., где он совмещал преподавание в школе общественных дисциплин с работой в местном краеведческом музее. Экскурсии, которые проводил Валентин Николаевич, в краеведческом музее, были всегда интересными и содержательными (фото 6). Летом того же года он познакомился с заве-

Фото 6. 1936-37 учебный год. После посещения Валдайского Краеведческого музея. В.Н. Даниленко (на заднем плане)

дующей отделом народного образования, высокообразованным человеком, Александрой Васильевной Левашовой. Александра Васильевна была направлена на работу из г. Ленинграда в 1934 г. Со временем она стала его женой. Ее знакомство со своим будущим мужем состоялось в конце лета 1936 г. Учителя школы и работники городского отдела народного образования ходили в общую столовую, зачастую по дороге ведя интересные беседы. Валентин Николаевич оказался умным

Фото 7. 1936 год.

Александра Васильевна и Валентин Николаевич Даниленко

и интересным собеседником. Он выделялся своей образованностью среди многих её коллег и учителей, претендовавших на её руку. После регистрации брака 8 декабря 1936 года Валдайским бюро Райггорзгаса г. Валдая, взяла фамилию мужа, которую носила до конца своих дней, и в её паспорте, несмотря на жизненные перепитии, стояла лишь одна печать о регистрации (фото 7).

С юных лет Валентин Николаевич любил сочинять стихи на разные темы. Он их читал своим друзьям и знакомым. Читал он стихи и в школе г. Валдая своим ученикам. Когда же директор школы узнал, что Валентин Николаевич на уроках читает стихи, не прошедшие цензуру, то во избежание неприятностей со стороны карательных органов, под надуманным предлогом срочно уволил его. Слух об «умном» учителе, быстро разлетелся по городу. По этой причине, руководство учебных заведений города, опасаясь «неприятных» последствий, отказывалось брать его на работу.

Валентин Николаевич предложил жене, оформившей к тому времени декретный отпуск, поехать на Украину, в г. Мелитополь, рожать ребенка, где, в то время жили его родители и где он сможет найти себе работу, так как денег, полученных на декретный отпуск, хватит не надолго.

Фото 8. 1938 год.

Александра Васильевна Даниленко с сыном Мирославом

Приехав в Мелитополь летом 1937 года, семья поселилась на окраине города в селе Песчаном, где 4 сентября 1937 г. родился их первый сын Мирослав (Фото 8). По приезду на Родину, Валентин Николаевич вновь поступил на работу в Мелитопольский краеведческий музей в качестве научного сотрудника и продолжил работы по обследованию Каменной могилы.

Осенью 1936 г. в Мелитополь, во время отсутствия в городе В. Н. Даниленко, приезжал О. Н. Бадер, который от сотрудников музея узнал об интересных находках Валентина Николаевича на Каменной могиле. Он обследовал грот Мамонта и сделал первую официальную, научную публикацию о наскальных изображениях на памятнике. Данная информация послужила поводом для создания Азово-Черноморской археологической экспедиции Института археологии АН УССР.

Об участии в работе экспедиции Валентин Николаевич вспоминал:

«В апреле 1938 г., в процессе подготовки к работам Азово-Черноморской экспедиции ИА АН УССР, в которой позднее под руководством О. Н. Бадера я также принял участие, мною было произведено дополнительное обследование окрестностей Каменной могилы. Результатом этого обследования явилось открытие многослойной и обширной стоянки, находящейся к западу от Каменной могилы, на западном берегу старицы р. Молочной, имевшей в 1938 г. вид болота,

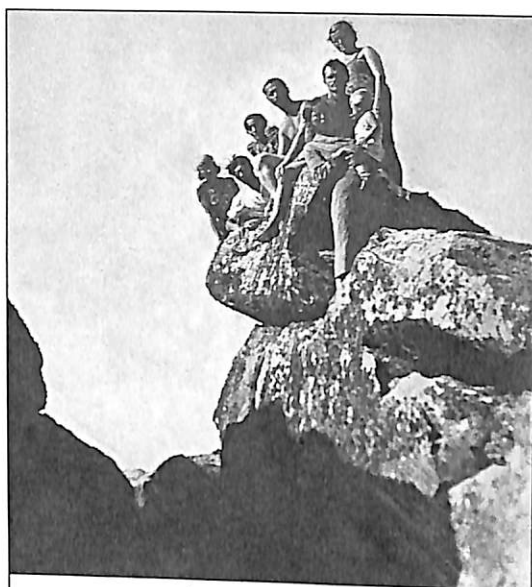

Фото 9. 1938 год.
На переднем плане Александра Васильевна
с сыном Мирославом,
за ней Валентин Николаевич Даниленко
и Отто Николаевич Бадер

которое пересыхало в летнее время» (НА ИА НАН Украины 1947/5, № 2027, С. 1), и «... которое явилось не менее ценным, с научной точки зрения, чем сама Каменная могила», (В. М. Даниленко, «Кам'яна могила», К., «Наукова думка», 1986, С. 7). [Еще] «в 1932 г. вблизи этой стоянки был заложен раскоп – траншея 10 x 2 м. В результате проведенной работы была установлена очень интересная стратиграфическая картина залегания несколь-

ких археологических, главным образом, неолитических горизонтов, нередко разделенных стерильными прослойками. В период войны археологический материал и полевая документация сильно пострадали, что обусловило неполноту и значительную путаницу, содержащуюся в отчетной заметке О. Н. Бадера». (НА ИА НАН Украины, 1947/5, № 2027, С. 1, 2).

Одним из свидетельств о крупных хищениях оккупационными войсками фашистской Германии музейных коллекций служит письмо сотрудницы Мелитопольского краеведческого музея Н. И. Волчковой на имя В. Н. Даниленко. Она пишет: «... после [ухода] немецких захватчиков [выяснилось, что] музей был разграблен и никаких экспонатов и фондов нет...». (НА ИА НАН Украины).

Вызывает явное удивление тот факт, что, после окончания Великой Отечественной войны, Министерство культуры СССР и УССР не потребовало возвращения из Германии древнейших исторических артефактов и научной документации, похищенных в период 1942-1943 гг. во время проведения археологических работ на Каменной могиле

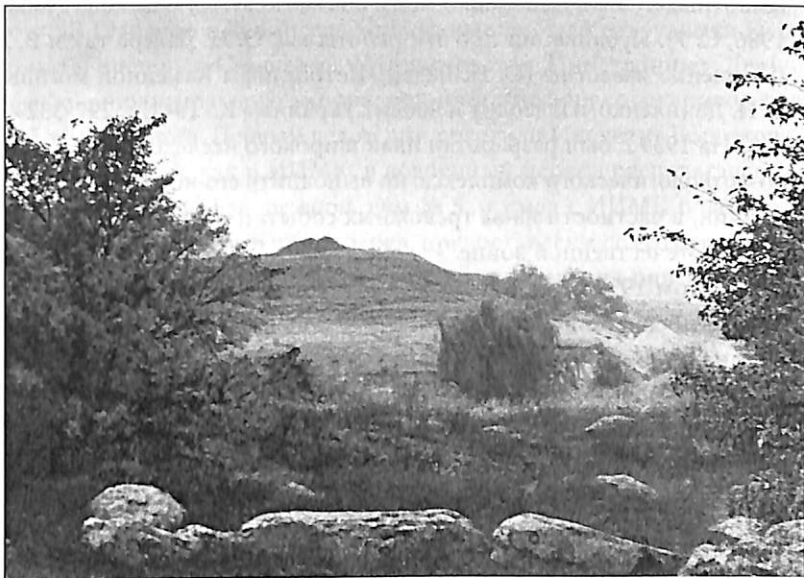

Фото 10. Каменная Могила

немецкими учеными и их пособниками, исповедующими нацистскую идеологию.

Видимо, уже пришла пора руководству независимой Украины поставить вопрос о возвращении из Германии либо других стран всего похищенного с древнейшего исторического памятника Украины «Каменной могилы».

Кроме того, в своем письме Н. И. Волчкова просит включить ее в состав, планируемой на 1947 год, археологической экспедиции.

Утверждение Б. Д. Михайлова в ряде его публикаций, что В. Н. Даниленко (его Учитель) приступил к научно – исследовательским работам на Каменной могиле лишь в 1938 году ошибочны.

...Летом 1938 года работы на Каменной могиле возобновились. Их проводила Азово-Черноморская Археологическая экспедиция возглавляемая О. Н. Бадером. От музея на правах заместителя начальника экспедиции в ее состав входил В. Н. Даниленко (Фото 9). Последний писал: «параллельно с О. Н. Бадером автор [В. Н. Даниленко] вел собственный вариант описи изображений, что дало возможность выявить некоторые существенные детали, в частности следы культовых постукиваний, то есть ритуального «убивания» изображенных

животных». (В. М. Даниленко, «Кам'яна могила», К., «Наукова думка», 1986, С. 7). Публикации про эти работы как О. Н. Бадера так и В. Н. Даниленко известны (О. Н. Бадер «Петроглифы Каменной могилы», В. Н. Даниленко «Палеолит и неолит Украины» К., 1941, с. 297-332».

На 1939 г. был разработан план широкого исследования историко-археологического комплекса, но выполнить его не удалось по ряду причин, в частности из-за тревожных событий предшествующих Великой Отечественной войне.

Летом 1939 г. на первой Всесоюзной научной конференции в Киеве, посвященной ископаемому человеку, В. Н. Даниленко выступил с сообщением про семантику наскальных изображений Каменной могилы. Особый интерес доклад вызвал у ленинградских ученых из Института истории материальной культуры (ИИМК) им. Н. Я. Марра А. П. Окладникова и С. Н. Бибикова. В конце июля 1939 г. Валентин Николаевич был приглашен в аспирантуру института. (Письмо от 29.07.1939г. № 5/8, за подписью Ученого секретаря ИИМК С. Н. Бибикова). В октябре месяце того же года, семья переезжает в Ленинград и поселяется в «Доме Аспирантуры Академии Наук СССР» на Петроградской стороне [ныне Институт истории РАН]. Успешно сдав полагающиеся экзамены, В. Н. Даниленко был зачислен в аспирантуру института. Его научным руководителем стал выдающийся ученый-археолог, доктор исторических наук П. П. Ефименко, определивший предмет его исследований. В ноябре 1939 г. в семье родился второй сын Владимир.

В. Н. Даниленко всегда был интересным собеседником, поэтому многие видные ученые – археологи были гостями в его семье. Часто навещал его семью и П. П. Ефименко.

Во время учебы в аспирантуре Валентин Николаевич получал стипендию 41 рубль в месяц, половину которой тратил на приобретение нужных книг. Денег на питание оставалось мало. Видя, что он приобретает много ценных книг, которые приносил показывать коллегам, сотрудники института спрашивали: «Как на такие деньги кормит вас жена?» Он отвечал: «Она кормит меня три раза в день и всегда очень вкусно и сытно». По просьбе мужа Александра Васильевна не работала, а занималась лишь воспитанием детей.

Из рассказа Александры Васильевны:

«В 1940 году в Ленинград из Москвы прибыли сотрудники Наркомата Внешних Сношений [Министерство Иностранных Дел] с целью дополнительного набора, дипломатических сотрудников для работы в Турции. Первым делом они посетили Институт Востоковедения, который, как и ИИМК, в довоенный период располагался на Университетской набережной, дом № 5, и имел с ИИМК общий отдел кадров. Тщательно просмотрев, предоставленную сотрудниками отдела кадров картотеку Института Востоковедения они не смогли найти нужную им кандидатуру. Тогда же сотрудники отдела кадров предложили кандидатуру аспиранта ИИМК В. Н. Даниленко, который, по их мнению, соответствует предъявляемым требованиям, так как знает большое количество иностранных языков и обладает феноменальной памятью и способностью в короткий срок выучить незнакомый ему язык. Валентин Николаевич был приглашен для беседы в отдел кадров, где сотрудниками Наркомата ему была предложена работа в составе Посольства СССР в Турции. Валентин Николаевич сказал, что ответить согласием сразу не может, так как ему необходимо посоветоваться с женой. Приехав домой, он рассказал о «заманчивом» предложении жене. Жена посоветовала ему не давать согласие на работу в Турции, так как по информационным сообщениям там постоянно погибают наши дипломатические представители. «Я не хочу, чтобы наши дети остались без отца. Ведь если они узнают о твоих способностях тебя сразу убьют», - сказала она. На следующий день он сообщил о своем отказе».

И в будущем он всегда ценил трезвые и взвешенные советы своей жены. Он говорил: «Шура, ты даешь мне советы, и всегда все получается хорошо». На что жена отвечала: «Валентин, как я могу плохо к тебе относиться, ведь я мать твоих детей, мы, я и сыновья, видимо, помеха твоей научной работе. Когда мы потребуемся, ты сам нас позовешь»...

1.2. ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

Учеба в аспирантуре продолжалась до начала Великой Отечественной войны. С первых дней войны, охваченный всенародным порывом как можно быстрее покончить с врагом, Валентин Николаевич с ополченцами Васильевского Острова, состоящего, в основном, из студентов Университета, ушел на фронт добровольцем. Как ученый, он не был сразу же отправлен на передовую, а оставлен в

резерве. Позднее Валентина Николаевича направили на офицерские курсы. Резервистам и иждивенцам по установленным блокадным нормам, полагалось 125 грамм хлеба в сутки, который содержал менее 30 % муки. Остальное составляли всяческие добавки - жмых, древесные опилки и прочие. Резервная воинская часть, в которой находился Валентин Николаевич, размещалась в Военной Академии на Московском проспекте.

С первых дней объявления блокады Ленинграда были введены продовольственные карточки, которые содержали хлебные и крупяные талоны, но крупа не выдавалась. Однако в закрытой столовой Академии наук, располагавшейся на Васильевском острове, проход в которую производился строго по пропускам, на эти талоны ученым выдавали крупяной супчик. Жена Валентина Николаевича ходила в столовую, чтобы «отovarить» карточки, жижу с размоченным хлебом отдавала сыновьям, а оставшуюся кашу через весь город, несла мужу, чтобы накормить и его. Уже в самом начале блокады от голода начали умирать люди. Эти «хождения» жены к Валентину Николаевичу продолжалось до его отправки на фронт. От усталости и истощения Александра Васильевна заболела, но все равно продолжала ходить кормить мужа. Валентин Николаевич горел желанием как можно быстрее отправиться на фронт, чтобы покончить с врагом. Посоветовавшись с женой, они решили, что Валентину Николаевичу стоит после окончания кратковременных офицерских курсов попросить командование направить его на фронт, где в сутки выдавали по 500 грамм натурального ржаного хлеба и где он будет более полезен.

Из рассказов Валентина Николаевича сыновьям:

«После окончания кратковременных офицерских курсов в г. Ленинграде и присвоения мне в ноябре 1941 г. воинского звания мл. лейтенант, получив оружие, он был направлен на передовую линию фронта в качестве переводчика немецкого языка. в 177 стрелковую дивизию, проводившую боевые действия на Ленинградском и Волховском фронтах.

Оружие, которое было положено фронтовому офицеру, состояло из пистолета и палаша, который при каждом шаге бил по ноге, так как полагавшийся по Уставу для передвижения офицера конь отсутствовал. Валентин Николаевич, прибыв на фронт, «потерял» палаш, а взамен взял на вооружение добытый во время разведывательной операции немецкий автомат.

...Полком, в который был направлен Валентин Николаевич, командовал бывший сельский учитель, воевавший солдатом в 1-ю Мировую войну, а затем и Гражданскую на должности красного командира. Он приказал Валентину Николаевичу, как можно ближе подобраться к передовой линии противника и с помощью рупора агитировать немцев «брататься», как это они делали в 1-ю Мировую, а под конец своей агитационной речи для большей убедительности закончить крепким словом. Никакие убедительные доводы Валентина Николаевича, что немцы 1 Мировой отличаются от немцев, которые противостоят в данный момент, на командира полка не подействовали. Он пробовал убедить, что новое поколение немцев воспитано в духе человеконенавистнической фашистской идеологии и не будут «брататься». Командир полка дал ему в сопровождение солдата – автоматчика, с которым они ползком добрались до ближайшей к окопам противника воронки и, руководствуясь солдатской приметой, что «снаряд дважды в одну и ту же воронку не попадает», расположились в ней. После произнесенной «агитатором» первой фразы, противник открыл бешеный огонь из автоматического оружия. Валентин Николаевич, руководствуясь тем, что «уж если и погибать с музыкой, то лучше в одиночку», приказал солдату возвратиться в расположение полка. Когда же он закончил речь, в «работу» вступили вражеские минометы и орудия, желая все и вся смешать с землей. Комья земли непрерывным потоком сыпались на голову «агитатора», но прямого попадания удалось избежать. Когда обстрел немного ослаб Валентин Николаевич выскочил из воронки и, петляя, как заяц, бросился бежать в расположение полка. Прибежав в расположение, он схватил командира полка «за грудки» и начал трясти его «как грушу», высказывая ему все, что он о нем думает. «Прости, прости меня старого дурня, сынок. Я не знал, что они такие гады», – единственное, что непрерывно повторял он...».

Из рассказа Александры Васильевны:

«После успешно проведенной очередной разведывательной операции, командование дало Валентину Николаевичу кратковременный отпуск, так как знало, что его семья голодает в блокадном Ленинграде. На полковой кухне ему выдали сухой паек на неделю вперед: несколько буханок хлеба и мясных консервов. Пока Валентин Николаевич ехал на поезде с передовой линии фронта, от непомерной усталости он уснул. Пока он спал, вор разрезал вещевой ме-

шок, находившийся на его спине, вытащив все содержимое. Домой он приехал с пустыми руками и голодный. Жена, чтобы накормить мужа, побежала в магазин и после долгих уговоров сумела выкупить хлеб по продовольственным карточкам на три дня вперед...».

С января 1942 года, благодаря необычайному трудолюбию и своим способностям правильно оценивать боевую обстановку, Валентин Николаевич был назначен помощником начальника разведки полка, 177 стрелковой дивизии.

В апреле 1942 г. при проведении разведоперации за линией фронта В. Н. Даниленко получил серьезное ранение в левое бедро. Полковые разведчики помогли своему командиру перебраться через линию фронта. С апреля по июль месяц Валентин Николаевич находился на излечении во 2-ом эвакогоспитале г. Вологды. После выписки из госпиталя, в июле 1942 года, ему был предоставлен кратковременный отпуск, во время которого он навестил семью в блокадном Ленинграде и сообщил, что его переводят на Воронежский фронт и что в дальнейшем он не сможет часто приезжать. Тогда же по просьбе жены он дал согласие, чтобы часть его офицерского денежного довольствия выплачивали семье. Деньги ежемесячно выплачивали до его демобилизации... Это помогло семье выжить в блокадном Ленинграде.

С июля 1942 г. В. Н. Даниленко был назначен на должность начальника разведки полка и помощника начальника разведки 100 стрелковой дивизии Воронежского фронта.

Из рассказа В. Н. Даниленко:

«Оперативным командованием 100 стрелковой дивизии передо мной была поставлена задача срочно представить разведывательные данные о наличии живой силы противника, вооружении и дислокации противостоящей дивизии группировки вражеских войск. Для выполнения поставленной задачи за линию фронта Валентином Николаевичем была направлена группа разведчиков. Их путь преграждал глубокий танковый ров, наполненный водой, поверх которой немцы разлили мазут. Переплыв его, они попадали на территорию противника. В установленное время группа не вернулась, это означало, что она уничтожена. «Сверху» потребовали, чтобы он направлял следующую группу. Не вернулась с задания и вторая группа. Руководство потребовало направить следующую группу. «У меня больше нет разведчиков», – ответил Валентин Николае-

вич. – «Я пойду сам в разведку». – «Если не предоставишь разведывательные данные, расстреляем», – последовал короткий ответ. Валентин Николаевич хорошо знал немецкий язык, но не владел баварским акцентом и поэтому решил подстраховаться. Он взял форму плененного недавно возвращавшегося из госпиталя в свою часть немецкого офицера польского происхождения. Она отличалась от формы немецкого офицера. Форму и большой флакон французского одеколона был плотно упакован им в клеенку. Взяв в сопровождение солдата, он переплыл ров. Солдат одеколоном удалил все мазутные следы с тела Валентина Николаевича. После, одев немецкую форму с погонами обер-лейтенанта, пошел по дороге в «свою» воинскую часть, фиксируя на карте дислокацию противника. Пройдя довольно значительное расстояние, он заметил стоящую вблизи дороги походную кухню и решил подойти к немецким солдатам-поворам, чтобы «разузнать», как пройти в «свою» часть. Солдаты, польщенные таким вниманием, с большим удовольствием рассказали, где находится «его» часть и предложили пообедать у них. «Не побрезгуйте солдатской кухней, господин офицер», – сказали они, – «Ведь у вас неблизкая дорога». Валентин Николаевич с большим удовольствием пообедал, а солдаты рассказали ему, сколько солдат и офицеров они кормят и где кто находится. Довольный «добытым» материалом Валентин Николаевич направился в обратный путь. По дороге навстречу ему шел офицер, оберст, старший по званию, по уставу ему необходимо было отдать честь. Не доходя до него пяти шагов, Валентин Николаевич перешел на строевой шаг и, как видел в кино, выкинул руку в нацистском приветствии. «Них наци (я не нацист), приветствуйте меня, как положено приветствовать армейского офицера», – сказал оберст. Сидевшие невдалеке солдаты с большим удовольствием наблюдали за тем, как один офицер муштрует другого. Валентин Николаевич взял за правило, помимо штатного оружия военного офицера, носить под гимнастеркой с «фальшь-пуговицей», за брючным ремнем, подаренный ему разведчиками, всегда заряженный дамский браунинг с патроном в патроннике и снятым предохранителем. Он решил, что если и во второй раз офицер остановит его и начнет «воспитывать», Валентин Николаевич, не смотря на то, что и сам рискует погибнуть, пристрелит его. Валентин Николаевич развернулся и опять перейдя на

строевой шаг, проходя мимо него отдал честь. «Гуд (хорошо), спасибо, вы свободны», – услышал он за своей спиной. Когда он дошел до рва, ждавший его солдат, спросил, – «Что вы так долго не приходили товарищ старший лейтенант. Я уже думал, что вы погибли. Давайте переодеваться». «Потом расскажу», – ответил Валентин Николаевич, и, не снимая немецкую форму, прыгнул в ров, поплыл на противоположную сторону...»

Для успешного ведения боевых действий дивизии В. Н. Даниленко часто приходилось тщательно готовить, инструктировать и направлять группы разведчиков в тыл противника для захвата пленных. После допроса пленных он получал необходимые разведывательные данные которые предоставлял командованию.

За успешное выполнение ответственного разведывательного задания командования 100 стрелковой дивизии, в период подготовки наступательных действий войск Красной Армии, В. Н. Даниленко был представлен к Правительственной награде.

Наградной лист № 207.

Фамилия имя и отчество – Даниленко Валентин Николаевич. Воинское звание – Старший лейтенант.

Должность, часть – Пом. нач. 2 отделения Штаба 100 стр. дивизии.

Представлен к – (графа не заполнена).

1. Год рождения – 1913. 2. Национальность – Украинец.
3. С какого времени состоит в Красной Армии – 1941.
4. Партийность – беспартийный.
5. Участие в боях (где и когда) – Отечественной войне Ленинградский фронт с 25. 11. 41 г. по 13. 04. 42 и с 11. 07. 42 г. Воронежское направление.
6. Имеет ли ранения и контузии – имеет ранение в ногу.
7. Чем награжден (за какие отличия) – Не имеет.
8. Каким РВК призван (надпись закрыта при ксерокопировании).
9. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению или его семьи (надпись закрыта).

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Тов. Даниленко – исполняя должность помощника Начальника Отделения по разведке, принимал участие в операциях 100 СД

под Шилово и под Чижовкой. Свою работу тов. Даниленко любит и вкладывает в нее всю свою энергию 27. 07. 42 г. ему было поручено разведать противника и взять языка на западном берегу реки Дон в районе [деревни] Отитчиха. Тов. Даниленко тщательно продумал организацию разведки, сам лично повел разведчиков к переправам, детально проинструктировал их и сутки оставаясь на месте, сигналами управлял разведчиками. В результате хорошей организации задача была выполнена, было взято два пленных, которые и доставлены, не смотря на то, что доставка их связана с переправкой через реку Дон. Во всех операциях т. Даниленко лично организовывал разведку и сутками просиживал перед передним краем противника стремясь выполнить задачу. Достоин награждения правительственной награды медалью: «За Отвагу».

Нач. Штаба 100 С.Д. Полковник – (Коробейников).

Военком Штаба Бат – комиссар (Алипов).

Медаль «За Отвагу» вручена В. Н. Даниленко 22. 08. 1942 года, удостоверение №140851.

В январе 1943 г. В. Н. Даниленко получил второе ранение, но остался в строю, как сообщил он, во время предоставленного ему кратковременного отпуска в блокадный город к семье, из-за опасения, что после излечения в госпитале, он вновь может быть направлен в другое подразделение.

Из рассказа В. Н. Даниленко:

«После отпуска В. Н. Даниленко, прибыв в свое фронтовое подразделение, решил изучить положение дел на передней линии фронта. Окоп по которому он шел, беседуя по дороге с солдатами о сложившейся на фронте обстановке, был выкопан в полный рост. Однако, из-за скалистого грунта окоп прерывался, и чтобы пройти в продолжение окопа, нужно было с десятков метров идти по открытой местности. Старшина, сидевший в конце окопа, предупредил, что дальше ему идти не следует, так как этот участок простреливает «политический» снайпер. «Снайперов «политических» не бывает», – возразил Валентин Николаевич, - он либо есть, либо его нет». Старшина сообщил, что снайпер стреляет только в офицеров. Прибывший к ним на днях, командир взвода, лейтенант, так же не поверил ему – и был убит. Чтобы доказать правоту сказанного, он взял котелок с кашей и, мино-

вав открытую площадку, спокойно отдал его солдату, находящемуся в продолжение окопа. Сомневаясь в правоте сказанного старшиной, Валентин Николаевич решил перебежать открытый участок. Первая пуля снайпера попала в камень, расположенный впереди, вторая разорвалась сзади, «Третья явно моя», – подумал Валентин Николаевич и прыгнул за большой камень. Его офицерская фуражка отлетела в сторону. Так пролежал он около часа. Руки и ноги от холода начали неметь. Вспомнилась недавно случившаяся история с нашими разведчиками возвращавшимися с задания. Разведчики доползли до наших окопов, но перебраться через бруствер в окоп не смогли из-за того, что бруствер был «пристрелен» снайпером. Любая солдатская каска, поднятая выше бруствера, сразу «получала» пулю снайпера. Солдаты, находящиеся в окопе, переговаривались с разведчиками. Однако, спустя какое-то время, разведчики перестали говорить с ними. Когда стемнело, солдаты из окопа перелезли через бруствер и обнаружили, что разведчики от холода замерзли. Валентин Николаевич, собрав все оставшиеся силы, в два прыжка добежал до продолжения окопа. Старшина, наблюдавший за происходящим, после того как Валентин Николаевич был уже в окопе, подобрал его фуражку и принес ему. Валентин Николаевич сумел заметить дерево, на котором сидит снайпер. Он сообщил координаты командиру батареи и приказал уничтожить снайпера. Осколочным снарядом дерево, вместе сидящим на нем снайпером, было разбито «в щепки»...

В марте 1943 г., выполняя сложнейшее боевое задание в Курской обл., В. Н. Даниленко получил тяжелое пулевое ранение в левое легкое. Лечился с марта по май в госпитале города Воронежа.

За успешное выполнение ответственного разведывательного и боевого задания командования 472 полка 100 стрелковой дивизии в период наступательных действий войск Красной Армии в Курской области (Курская битва) в глубоком тылу противника В. Н. Даниленко, за проявленный героизм, выдающееся стратегическое мышление и смекалку по «обескровливанию» противостоящих лично составу дивизии, передовых частей противника, был представлен к высокой Правительственной награде.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ № 286.

Фамилия, имя и отчество – Даниленко Валентин Николаевич.

Воинское звание – Старший лейтенант.

Должность, часть – Помощник начальника штаба 472 стр. полка по разведке, 100-й стрелковой дивизии.

Представлен к – Ордену «Александра Невского».

1. Год рождения – 1913. 2. Национальность – Украинец.

3. С какого времени состоит в Красной Армии – с 1941 года.

4. Партийность – Беспартийный.

5. Участие в боях (где и когда) – Отечественная война с ноября 1941 года, Воронежский фронт.

6. Имеет ли ранения и контузии – ранен 09. 02. 42 г. [апрель 1942 г.- М. Д.].

7. Чем ранее награжден (за какие отличия) – не награждался, [награжден медалью «ЗА ОТВАГУ» 22. 08. 1942 г.- М. Д.].

8. Каким РВК призван – (не указано).

9. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению или его семьи, (надпись закрыта при ксерокопировании).

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Организуя разведку впереди наступления полка тов. Даниленко показал способности, мужество и отвагу. В результате смелости и отваги силой разведки полка в д. Яблоновой, Курской области был захвачен обоз немцев и 25-ть пленных. В Стариково взято две исправных машины и шестеро немцев взято в плен.

Достоин Правительственной награды – орден «АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО».

Командир 472 СТР. ПОЛКА

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
(БЕРЕЗИН).

За выполнение сложнейшего боевого разведывательного задания, силой разведки полка В. Н. Даниленко был награжден 24. 04. 1943 г. орденом Красного знамени, удостоверение № 561817. Как говорил он, – позднее за подобный подвиг присваивали звание «Герой Советского Союза. Видимо сказалось то обстоятельство, что к тому времени он не был членом ВКП (б). Этот орден он считал са-

мой главной боевой наградой Великой Отечественной войны и как самую дорогую реликвию до конца своих дней постоянно носил на лацкане своего пиджака.

С мая 1943 года В. Н. Даниленко, благодаря необычайному трудолюбию и способностям стратегически оценивать боевую обстановку, был назначен на должность начальника следственной части Разведывательного отдела Штаба 40 Армии, 1-го Украинского фронта.

Работая начальником следственной части разведотдела штаба 40 (фото 11) Армии, он всегда правильно и в срок представлял командованию необходимые разведывательные данные для стратегического планирования при проведении наступательных операций войск Армии, за что был представлен к награде.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ № 302. (10. 04. 44.).

1. Фамилия, имя и отчество – Даниленко Валентин Николаевич.

2. Звание – капитан.

3. Должность, часть – начальник следственной части Разведотдела Штаба 40 Армии.

4. Год рождения – 1913. 5. Национальность – Украинец.

6. Партийность – Канд. ВКП (б).

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) – Участник Отечественной войны с июля 1941 года.

Фото 11. Осень 1943 года.
Капитан В.Н. Даниленко
На обороте фото:
«Моей дорогой жене Шуручке любящий Валя»

8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне – четыре ранения.

9. С какого времени в Красной Армии – 1941 года.

10. Каким РВК призван – Приморским РВК гор. Ленинград.

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) – орден «КРАСНОЕ ЗНАМЯ», медаль «ЗА ОТВАГУ».

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению или адрес его семьи, (надпись закрыта при ксерокопировании).

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Тов. Даниленко работая начальником следственной части Разведотдела ШТАРМА [Штаб Армии – М. Д.], своей умелой и кропотливой работой над вопросами допроса пленных и изучения захваченных документов у противника, всегда правильно ориентировал командование о группировке, нумерации и намерениях противника, чем способствовал успешным действиям наших частей.

В период нахождения частей армии в обороне т. Даниленко, имея достаточный опыт в разведке, выезжая в части, организовывал и руководил разведоперациями по захвату контрольных пленных. В результате проделанной работы в частях под руководством т. Даниленко в декабре и ноябре месяце 1943 г. было захвачено 4 пленных и три документа.

За время работы в отделе т. Даниленко выполнял ряд боевых заданий командования.

Достоин правительственной награды орденом «ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войны I-й степени».

1 сентября 1944 г.

Начальник РАЗВЕДОТДЕЛА

ПОЛКОВНИК (Старчевский).

ШТАРМА.

Награда, – орден «ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войны I-й степени», удостоверение № 1-657339, вручен 22. 10. 1944 г.

Из рассказа В. Н. Даниленко:

«...Один из городов Чехословакии переходил «из рук в руки». Стоило его занять нашим войскам, как появлялся противник и «выбивал» наши войска. С группой разведчиков, под покровом ночи, Валентин Николаевич вошел в город, захваченный против-

Фото 12. На обороте фото: Дорогому мужу Валичке. Шура.
19.03.1944 г.

ником. Разведчикам удалось установить, что противником закопано в землю несколько танков и орудий, и кроме того им вырыты подземные ходы для передвижения к передовой линии фронта пехоты. Когда разведчики возвращались, светом ракет они были обнаружены. Противник, чтобы уничтожить их, открыл автоматный и минометный огонь. Чтобы переждать обстрел, разведчикам пришлось спрятаться в ближайший подвал. В подвале было темно и тихо. Вдруг старшина шепотом сообщил Валентину Николаевичу: «Здесь кто-то есть, командир», – и ползком двинулся вглубь подвала. Поднялся шум и старшина громко сказал: – «Взял», – и засветил фонарик. Перед взором Валентина Николаевича и разведчиков предстал наш солдат, казах. Вокруг него штабелями лежали деньги советские и немецкие, мясные консервы, немецкие галеты и прочий провиант. «Расстрелять мародера», – приказал Валентин Николаевич. «Командир, это слишком легкая смерть для него. Пусть он, чтобы искупить вину, лучше с нами в разведку походит», – попросили разведчики.

...Во время очередного выезда Валентина Николаевича на передовую линию во фронтовые подразделения с целью оценки боевой об-

становки, он вместе со своим адъютантом зашел в полковую штабную землянку. «Посиди, отдохни, «разведка», - предложили ему, - «наш блиндаж имеет три наката из бревен, а сверху еще насыпано кучу камней. Его перекрытие выдержит даже прямое попадание снаряда». Посидев немного и разузнав об обстановке на их участке фронта, Валентин Николаевич вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха и он, попросившись, поспешил выйти. За ним без задержки вышел и его адъютант. Не успели они пройти и нескольких метров от блиндажа, как за их спиной разорвался снаряд, отбросив их на пару метров в сторону. Когда они поднялись с земли, то решили посмотреть, куда же он угодил. Снаряд попал прямо в блиндаж, ставшего для полковых штабистов братской могилой...

...В 1944 году, в связи с приближением войск Красной армии подпольщиками Чехословакии было поднято национальное восстание. Для совместной координации боевых действий в район охваченный восстанием была выброшена с самолета группа военных специалистов, состоящая из опытных разведчиков стран антигитлеровской коалиции. В нее входили на равных правах от каждой из стран по одному человеку. Представитель Красной армии - начальник следственной части разведотдела 40 Армии В. Н. Даниленко, англичанин, француз и их проводник - чех. К тому времени, когда состоялось десантирование, восстание было подавлено и вся повстанческая территория была занята немецкими войсками. Немцы засекали приземлившуюся группу. Разведывательной группе пришлось, в спешном порядке, уходить, с оккупированной территории. Проводник рассказал, что единственное место, куда следует идти, - это горы Татры. Однако ни англичанин, ни француз не могли его понять, так как не знали чешского языка. Валентину Николаевичу, знавшему все европейские языки, пришлось весь дальнейший путь быть у них переводчиком. Немцы, по всей вероятности, рассчитывая взять их живьем, не очень спешили. Путь разведчикам преградили непреступные Татры. Горы поднимались вертикально, но опытный проводник, живший в этой местности, по едва заметным расщелинам, как по акробатической лестнице, помог разведчикам подняться на гору...

...Прибыв вместе с наступающими передовыми частями в один из городов Чехословакии - Валентин Николаевич увидел, что на од-

ной из улиц города разброшены какие-то игрушки, похожие на авторучки. Валентин Николаевич взял одну из них, решив проверить, что же там внутри. Когда он повернул колпачок «авторучки», услышал слабый щелчок. Инстинктивно он отбросил ее в сторону. Прозвучал довольно сильный взрыв. Валентин Николаевич приказал саперам собрать «игрушки» и уничтожить...

За успешное проведение большого количества разведывательных операций и участие в боевых действиях, при освобождении ряда городов Чехословакии В. Н. Даниленко был представлен к Правительственной награде.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ № 94.

1. Фамилия, имя и отчество – Даниленко Валентин Николаевич.
2. Звание – капитан.
3. Должность, часть – начальник следственной части Разведотдела ШТАРМА 40.
4. Год рождения – 1913. 5. Национальность – Украинец.
6. Партийность – член ВКП (б).
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) – Участник Отечественной войны с 1941 года.
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне – имеет три ранения: в апреле 1942 г., январе 1943 г., феврале 1943 г.
9. С какого времени в Красной Армии – 1941 года.
10. Каким РВК призван – Ленинградским ГВК.
11. Чем ранее награжден (за какие отличая) – орден «КРАСНОЕ ЗНАМЯ», 24. 04. 43г., «ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войны 1-й степени»
22. 10. 44 г., медаль «ЗА ОТВАГУ» 22. 08. 42 г.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению или адрес его семьи, (надпись закрыта при ксерокопировании).

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Капитан Даниленко В. Н. предан делу партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА и социалистической родине, грамотный, инициативный офицер. В бою отличается мужеством и личной храбростью.

В боях за ВИЛКОВО, ЗВОЛЕН, БАН БИСТРИЦА, УТЕРСКИ ВРОД капитан Даниленко тщательными и своевременными допросами пленных и неоднократными личными выездами в передовые части для организации разведки способствовал вскрытию группировки и обороны противника.

Все боевые задания капитан Даниленко выполнял добросовестно, аккуратно, с должной напористостью и инициативой.

Капитан Даниленко достоин награждения орденом «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

НАЧ. РАЗВЕДОТДЕЛА
ШТАРМА 40

ПОЛКОВНИК (СВАРЧЕВСКИЙ).
20 мая 1945г.

Награда,- орден «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА», был вручен 04. 06. 45 г., удостоверение № 6-906688. <http://podvignaroda.ru> (награды)

Кроме того, как рассказывал Валентин Николаевич, он своими умелыми и своевременными действиями, способствовал освобождению Праги от противника «малой кровью» [так называемая «Пражская операция»].

Предлагаю читателю заключительный эпизод из жизни фронтового разведчика 40 Армии Валентина Николаевича Даниленко, рассказанного им сыновьям:

«После подписания Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии германским военным командованием, некоторые группировки войск продолжали оказывать яростное сопротивление. Столица Чехословакии г. Прага оставалась в руках отборных немецких войск. Румынское правительство после подписания Акта о капитуляции немецким генералитетом немедленно вышло из Договора о совместном ведении боевых действий против СССР. Румынские войска покинули город и разместились в пригороде г. Праги, где располагался всемирно известный музей обувной фирмы Бати (в послевоенный период переехавшей в США и начавшей поставлять обувь для американской армии). Деморализованные румынское воинство, сбив замки с дверей музейных запасников, начало разворовывать обувь. Как раз в этот момент, на американском виллисе к Праге подъехал В. Н. Даниленко, привыкший по роду службы всегда быть впереди наступающих войск, в сопровождении лишь одного автоматчика и водителя машины. Своего ординарца он оставил в расположении

штаба 40 Армии. Выйдя из машины, чтобы оценить обстановку, он заметил, что к нему бежит человек в гражданской одежде. Подбежав к Валентину Николаевичу, он снял шляпу и на чешском языке попросил остановить разграбление бесценной музейной коллекции, которой насчитывалось более 100 лет. Как оказалось позднее, он был директором этого музея. Валентин Николаевич сказал, что это сделать невозможно, так как в его распоряжении лишь один автоматчик и водитель, но пообещал попробовать навести порядок. Осмотревшись он заметил, что по дороге навстречу ему идет румынской солдат неся через плечо солдатские сапоги, а по противоположной стороне улицы идет румынский офицер, держа под мышкой модельные туфли. Когда солдат поравнялся с Валентином Николаевичем, он сорвал с его плеча сапоги и закричал на румынском языке, что сейчас расстреляет его за грабеж, искоса поглядывая на реакцию офицера. Заметив, что офицер бросил за осветительный столб туфли, он жестом руки приказал подойти к нему и сообщил, что через три часа придут наши войска и всех причастных к грабежу расстреляют - (Правда передовые войска, со слов Валентина Николаевича, подошли лишь на третий день). Валентин Николаевич потребовал от офицера вернуть все в музей, повесить на двери замки и выставить часового. Спустя некоторое время, к нему подошел директор музея и сообщил, что всю обувь возвратили и в качестве благодарности он хочет сделать ему подарок. Валентин Николаевич поблагодарил его и сказал, что у него добротные хромо-вые сапоги и в обуви он не нуждается, на что директор ответил, что от такого подарка он не откажется и попросил пройти с ним. Они вошли в длинный коридор административного здания. По отработанным годами привычке солдата - разведчика, он пропустил хозяина вперед, опасаясь непредвиденных событий. С первых дней его службы в разведке, помимо штатного оружия военного офицера, он всегда носил заряженный дамский браунинг.

Коридор, по которому они передвигались, имел большое количество дверей. Подойдя к одной из них, хозяин открыл дверь и любезно попросил зайти в комнату, расположенную за ней. - После вас,- так же любезно ответил гость. Комната, в которую они вошли, была просторной. Все стены ее были заставлены книжными шкафами. Подойдя к одному из шкафов с книгами, хозяин нажал тайную кнопку и к удивлению гостя шкаф вдруг поехал в сторону, за ним в стене нахо-

дилась маленькая дверь. Открыв ее, хозяин зашел в расположенную за ней небольшую комнату, предложив последовать за ним. В комнате с маленьким окном, за столом, оборудованным пультом телефонной связи и картой города, усеянной множеством сигнальных лампочек, сидел человек, вставший, чтобы поприветствовать гостей. Директор сообщил, что о существовании подобных комнат, предназначенных для управления производственным процессом подразделений фирмы, расположенных в разных концах города, знают лишь несколько человек из администрации фирмы. Сотрудники фирмы, работающие в этих секретных комнатах, проходили тщательный отбор и подготовку еще в мирное время. По этой причине о существовании секретных комнат немецкому командованию не было известно. Директор попросил дежурного оператора соединить его со всеми другими пунктами связи. На карте загорелись сигнальные лампы, говорящие о том, что на связь вышли все операторы, дежурившие в разных концах города. Взяв в руки поданный ему микрофон, он сказал: «Слушайте меня все внимательно, рядом со мной стоит русский офицер, вы должны отвечать на любые его вопросы, которые, он будет вам задавать». Затем он предложил Валентину Николаевичу указать на карте, с каким районом города он хочет связаться. Выбор пал на пересечение двух улиц в центре города. Валентин Николаевич спросил дежурного оператора, что он видит на этих улицах. Последовал четкий ответ: «На одной улице стоит оружие и рядом с ним пять вооруженных автоматами немцев, на другой улице стоит танк, автомашина и рядом несколько десятков солдат». Опрос других операторов превзошел все ожидания.

Когда через 3 дня подошли основные части 40 Армии, «секретную» комнату заняло стратегическое командование Армии. Командирам дивизий и подчиненным им полкам была поставлена задача точечными ударами, зайдя, по возможности, в тыл противника, уничтожить его, так как при отходе немцы могли взорвать заминированные исторические и административные здания, а так же и другие подготовленные к ликвидации объекты и сооружения. Благодаря таким четким и оперативным боевым действиям, столице Чехословакии удалось избежать больших разрушений. Вместе с войсками 40 Армии в боях принимала участие и бригада генерала Людвиг Свободы...»

За проведение этой и других выдающихся разведопераций и участие в боевых действиях на территории Чехословакии В. Н. Да-

ниленко, как указывалось выше, был награжден орденом «Красная звезда». Умелые, своевременные и героические действия, а также проявленная напористость и смекалка В. Н. Даниленко спасли от разрушения один из красивейших городов мира, столицу Чехословакии г. Прагу. Подобный героический подвиг явно сравним с подвигом героя Украины майора Вихря. Не оценены должным образом, как говорил он, и его героические действия в тылу противника во время ведения наступательных боевых действий войск 40 Армии в Курской области (Курская битва), которые ослабили противника, и позволили, значительно сократить потери личного состава войск Красной Армии.

Кроме того, В. Н. Даниленко награжден медалями «За победу над Германией» и «За оборону Ленинграда», Грамотой Верховного Главнокомандующего – за успешное проведение разведывательных операций и участие в боях при освобождении ряда городов Чехословакии: Рожнява, Зволен, Банська Бистрица, Кремница, Превидза.

В. Н. Даниленко прошел боевой путь с первых дней войны, на Ленинградском, Волховском, Воронежском, I и II Украинских фронтах. Закончил Великую Отечественную войну В. Н. Даниленко в звании майора, на должности начальника следственной части Разведывательного отдела Штаба 40 Армии (фото. 13). Невосполнимой утратой в семье была гибель младшего брата Николая – по официальным данным он пропал без вести на фронте в 1943 году.

Приведенный в данной работе, не выдуманный документально подтвержденный материал убедит читателя в том, что Валентин Николаевич был лишь фронтовым разведчиком, беспощадным, бесстрашным и жестоким лишь к врагам, оккупировавшим нашу Родину.

В мирное время в честь 1500 летнего юбилея Киева, за заслуги перед Отечеством, В. Н. Даниленко был награжден орденом: «Трудового Красного Знамени», который после его кончины, в октябре месяце 1982 года получила его жена Александра Васильевна Даниленко в здании Киевской Городской Администрации.

Демобилизовался В. Н. Даниленко в октябре 1945 г. Вернувшись в г. Ленинград, он восстановился в аспирантуре ИИМК. В военкомате при постановке на военный учет, он был снят со всех видов военного довольствия. Семье предстояло жить на его стипендию и мизерную

Фото 13. Надпись на обороте: «Моему другу от страшного кадрового майора Даниленко. Вторгайся в бес- смертие, дверь в него - желание, путь, трудолюбие

заработную пла- ту жены. Ему, как бывшему боевому офицеру, выдали ордер на квартиру в Ленинграде. Од- нако получать ее он не спешил...

Его научный руководитель П. П. Ефименко с 1945 года возглавил Институт археологии АН УССР. В ИИМК Валентин Николаевич по- лучил деньги на командировку в Киев, за которые по возвращению должен был от- читаться. Перед своим отъездом он сообщил жене

и детям, что планирует с семьей в ближайшее время переехать в Киев и попросил подготовиться к переезду. Однако переезд затянулся...

II.1 ПОСЛЕВОЕННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ.

С 1 января 1946 г. В. Н. Даниленко приказом директора Институ- та археологии АН УССР за № 6 от 07. 01. 1946 г., был зачислен в штат на должность старшего научного сотрудника.

Археологические работы в районе разрушенного Днепрогэса

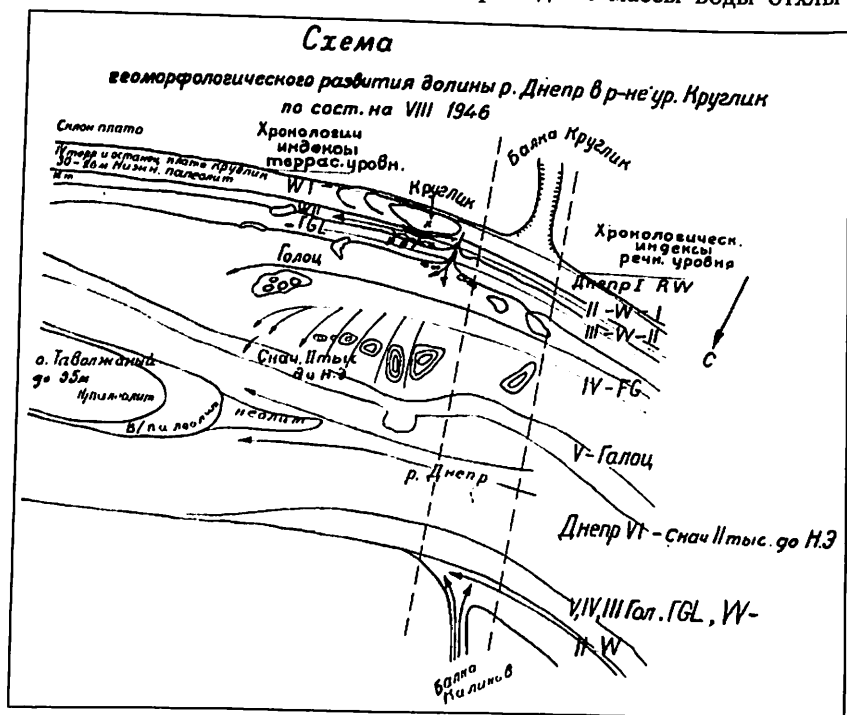
Первым серьезным заданием В. Н. Даниленко, которое дал ему директор ИА АН УССР, его учитель П. П. Ефименко, было обследо- вание в 1946 г. порожистой части Днепра в районе, разрушенном во время Великой Отечественной войны Днепрогэса.

II. В своем отчете (НА ИА НАН Украины 1946/6а, № 2153) по работам Днепровской экспедиции В. Н. Даниленко писал:

«Весной 1946 г., в район Днепрогэса, была направлена комплексная Днепровская экспедиция, руководимая, В. Н. Даниленко. Были исследованы археологические памятники:

- 1) поздненеолитическое местонахождение на о. Малый Дубовый в Надпорожье;
- 2) ранне-неолитические памятники на Сурском острове в Надпорожье;
- 3) позднеашельское стойбище в урочище Круглик.

Начиная весенние полевые исследования на стойбище в урочище Круглик, в пределах порожиистой части Днепра, Днепровская экспедиция не ставила своей целью поиски и раскопки ниже-палеолитических памятников, но специфические условия работы, сложившиеся в ту пору в Надпорожье, не могли не привлечь пристального внимания археологов. Сущность этих условий сводилась к тому, что в связи с разрушением плотины Днепрогэса, громадные массы воды отхлы-

нули, значительно видоизменив облик освободившегося русла реки. Гумусовый слой во многих местах оказался сорванным, что содействовало открытию значительного количества эпилеолитических и неолитических памятников. Особенно видоизменилось русло реки в пределах Верхне-Хортицкого района, где ранее уровень воды был высоким. Здесь линия размыва нередко превышала уровень III террасы, на которой в свое время были открыты многочисленные верхне-палеолитические стоянки.

Параллельно с экспедицией автора [В. Н. Даниленко] разведывательные работы вел сотрудник ИА АН УССР А. П. Черныш и некоторые сотрудники Днепропетровского музея. Уровень III террасы соответствовал береговой линии разлившегося Днепра. Здесь встречались единичные верхне-палеолитические кремни и более поздние находки. Зато разведка на уровне IV террасы правого берега Днепра в районе с. Федоровка, В. Хортицкого района Запорожского обл. (около 30 км сев. Запорожья) вознаградила усилия работавших. В урочище Круглик (2 км ниже с. Федоровки) на уровне старого днепровского размыва, в непосредственной близости от массивного гранитного выступа, неизвестного до Днепротеса, внимание разведывательной группы привлекла находка нескольких сильно патирированных осколков кремневой породы, не известной в этих местах ни из естественных, ни из палеолитических местонахождений. Следует отметить, что сразу же оценить значение сделанной находки помогло предметное знакомство с Кииккобинскими и абхазскими материалами. С другой стороны, было известно, что в этих местах верхний уровень размыва днепротесовского Днепра почти на 30 м превышал обычный уровень зеркала реки. Предполагалось, что вновь открытая находка древнее всех до сих пор известных в этом районе археологических памятников. Результаты сбора на поверхности подтвердили правильность этого мнения. Наибольшее количество находок было сделано в непосредственной близости от упомянутого скального выступа и глыб различной величины к нему примыкающему. Археологический материал отыскивался в пределах полосы шириной 20 м. и длиной свыше 100 м. вытянутой в направлении течения Днепра. Наибольшей плотности находки достигали у большого скального выступа. Возник вопрос о той роли, которую мог играть этот большой гранитный барьер на древнем стойбище. В ту пору это больше всего интересо-

вало исследователей в плане выяснения наличия и местоположения культурного слоя. С точки зрения геологии, это место представляло собой интересное явление. Только здесь наблюдался размыв обнаженных красно-бурых глин, перекрывавших гранит и продукты его выветривания. Именно на размывтой поверхности этих красных глин и было собрано подавляющее большинство находок. Последние за пределами выступания этих глин, почти закономерно, отсутствовали. Заложённые в этой породе шурфы показали ее полную археологическую и фаунистическую стерильность. Убедившись в связанности находок с горизонтом выветривания столь древних пород автор [В. Н. Даниленко] окончательно убедился в глубокой древности находки. Полное отсутствие фаунистических находок затрудняло уточнение датировки. Однако в пользу немалой древности говорил собранный материал: грубые ручные рубила из халцедонового кварцита, архаического облика отщепы со следами подправки стесыванием и, несмотря на наличие сотен кремней, редкость изделий с грубой ретушью. В ходе стационарных исследований надлежало изменить сложившиеся представления о памятнике или подкрепить их новыми материалами. Стационарные исследования памятника были проведены в продолжение июля и первой половины августа 1946 г. Работы ассигновались ИА АН УССР и были проведены под руководством автора [В. Н. Даниленко]. В конце работ геологическое обследование местонахождения и его окрестностей производил палеонтолог-геолог И. Г. Подопличко.

В начале июля уровень Днепра упал на 20 м, и река, протекавшая весной у самого обреза террасы Круглика, отступила на 300 м. Поиски материалов на открывшихся ниже лежащих террасовых уступах, осязаемых результатов не дали. Но тем приятнее было констатировать факт недавнего размыва и притом, видимо, лишь части памятника.

В связи с тем, что во время работ Днепрогэса, до 1941 г., позднейший лесс перекрывавший скалу, уходившую в северном направлении, был размывт не полностью, наличие сохранившегося слоя под полуразмытым лессом было почти очевидным фактом. Полуразмытость лесса (было смыто свыше 3 м породы) обусловила значительное сокращение объема земляных работ в пределах полосы размыва шириной около 25 м. В пределах этой полосы красно-бурые и серо-зеленые суглинки нигде не выступали и поэтому инвентарь Круглика здесь

полностью отсутствовал. Ниже этого лессового останца на 1,0-0,75 м следовал нижний уровень размыва шириной 40-45 м, простиравшейся до края террасы Круглика. Наличие нижнего уровня размыва, обусловившего своим образованием разрушение «культурного слоя» на части местонахождения, объяснялось тем, что во время немецкой оккупации ДнепрогЭС действовал некоторое время при пониженном уровне подпорной воды. Следовательно, культурный слой размывался непродолжительное время, не более года – двух. Именно на этом нижнем уровне днепровского размыва и были сделаны вышеупомянутые весенние находки и производилось зондирование. Работать пришлось в трудных условиях острой нехватки рабочей силы. Большая часть земляных работ была проведена малочисленной группой студентов Днепропетровского университета, не достигшей на этот раз всех тонкостей исследования палеолитических стоянок, но зато спасших для науки памятник. Вопреки разнообразным трудностям работы нужно было форсировать, ДнепрогЭС вставал из руин и через несколько месяцев после окончания работ снова дал электроэнергию. Ныне днепростроевский Днепр снова перекачивает свои воды через древний Круглик, уже исследованного памятника».

II.2. ПОДГОТОВКА И ЗАЩИТА УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ В. Н. ДАНИЛЕНКО

Собранный, во время Днепровской экспедиции 1946 года, бесценный археологический материал на Нижнепалеолитическом стойбище Круглик послужил материалом для написания В. Н. Даниленко кандидатской диссертации на тему: «Нижнепалеолитическое стойбище Круглик как исторический памятник». Обсуждение, написанной им кандидатской диссертации проходило летом 1948 г. в ИИМК г. Ленинграда. В обсуждении интересной научной работы соискателя ученой степени приняли участие многие видные ученые-археологи Союза. Отзыв на научную работу дал доктор исторических наук А. П. Окладников. Он в частности пишет: «работа В. Н. Даниленко «Нижнепалеолитическое стойбище Круглик как исторический источник» имеет главной целью публикацию недавно открытого им замечательного памятника каменного века по мнению самого исследователя, позднеашельской эпохи. Эта задача выполнена им в точном соответствии с правилами публикации подобных памятников, принятыми в науке, и хорошо отражает

методику раскопок, которая была осуществлена здесь неукоснительно и с пользой для дела. Как справедливо отмечает автор, такое скупуплезное исследование – с точной фиксацией находок в плане, вообще не имеет аналогий для раскопок нижнего палеолита на Западе. Все это дает ясную и достаточно полную картину Крутлика, как остатков стойбища глубочайшей древности. Столь же любовно и тщательно описан инвентарь поселения, ... это первое в нашей отечественной литературе исследование такого обширного объема, посвященное памятнику данного рода, если не считать, конечно, монографии Бонч-Осмоловского о пещере Киик-Коба в Крыму.

Применяемая автором методика исследования кругликовского материала в существенных чертах приложима и к исследованию других нижнепалеолитических памятников. Вторая его задача несравненно шире первой. Здесь Крутлик является лишь трамплином для постановки ряда кардинальных проблем нижнего палеолита в мировом масштабе... Язык работы, в общем, хороший и ясный, ... Это произведение не начинающего новичка в науке, а искушенного в теориях и опытного в полевой практике исследователя. Не может быть никакого сомнения, что автор этой работы вполне заслуживает присуждения ему искомой ученой степени».

23/VI – 1948 г. (подпись).

Большое количество отзывов на интересную научную работу В. Н. Даниленко хранится в НА ИИМК РАН г. Санкт-Петербург.

Защита диссертации на тему: «Нижнепалеолитическое стойбище Крутлик как исторический источник» состоялась при многолюдной аудитории видных ученых Союза в ИИМК г. Ленинграда 4 мая 1949 года (Рукопись диссертации хранится в НА ИИМК, АН РФ ф. 35. Оп. 2-д, д. 41, г. Санкт-Петербург).

После защиты в 1949 г. кандидатской диссертации, в ЛО ИИМК, приказом директора ИА АН УССР за № 78-6 от 30. 05. 1949 г. В. Н. Даниленко с 01. 06. 1949 года был назначен на должность заведующего отделом первобытной археологии. Вероятно, видя в нем своего приемника, Петр Петрович обязал его срочно приступить к написанию докторской диссертации, работу над которой постоянно контролировал, эту точку зрения высказал и А. Д. Столяр. На должности заведую-

щего отделом В. Н. Даниленко проработал в связи со сменой руководства Института археологии до октября месяца 1954 года.

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Неолит Украины» была написана В. Н. Даниленко к началу 1955 г. Указанная монография состояла из шести глав и содержала 923 страницы. Защита не состоялась. Машинописный вариант рукописи монографии хранится в НА ИА НАН Украины ф. 12, № 377.

Второй вариант монографии «Неолит Украины, буго-днестровский неолит как основа периодизации», состоящий из четырех глав (594 стр.), был написан В. Н. Даниленко к началу 1962 года (рукопись хранится в НА ИА НАН Украины ф. 12 н. р. № 521) была направлена на отзыв в Институт Археологии АН СССР в Москве на имя директора, академика Б. А. Рыбакова, который поручил редактирование монографии к. и. н. Н. Я. Мерперту. Отзыв на работу, датированный 24. 06. 1964 г., с замечаниями редактора и экземпляром рукописи был возвращен автору. Глава IV: «Из опыта дешифровки религиозно-идеологической системы древних земледельцев Южной Европы» с правками зелеными чернилами, сделанными, предположительно, рукой Н. Я. Мерперта, хранится в НА ИА НАН Украины (ф. 26 №№ 55, 56). Работа с некоторым количеством найденных иллюстраций предлагаются читателю.

Определенной сложностью, вероятно, для В. Н. Даниленко было своевременно подготовить качественный иллюстративный материал к IV главе, так как это требовало длительной работы опытного художника. По этой причине в ИА АН СССР после доработки был направлен обновленный третий вариант монографии «Неолит Украины», состоящий из 5-ти глав (602 стр.) и не содержащий этой IV главы. Положительное заключение редактора Н. Я. Мерперта датированное 01. 05. 1966 года, было направлено вместе с рукописью автору. Тогда же монография была утверждена к печати и передана в издательство «Наукова Думка». Обязательным условием, которое, поставил Б. А. Рыбаков: «...защита докторской диссертации должна состояться лишь после выхода в свет монографии». Блестящая защита докторской диссертации состоялась 17 декабря 1970 года в

Ленинградском Государственном Университете при большом собрании коллег. Текст диссертации хранится в научной библиотеке ЛГУ инв. № 71406/02.

Следует отметить, что обе защиты намечались в Киеве, но...

III. Археологические работы В. Н. Даниленко на древнейшем историческом памятнике Украины Каменной Могиле.

Лишь летом 1947 года В. Н. Даниленко вновь удалось вернуться к обследованию Каменной могилы. По указанию П. П. Ефименко, директора ИА АН УССР, он возглавил Приазовскую археологическую экспедицию. Рекомендацию, которую дал Петр Петрович (его Учитель), состояла в том, чтобы сосредоточить работу экспедиции на обследовании и изучении поселений в районе Каменной могилы, так как «поиски местонахождения новых наскальных изображений [на тот момент] результатов не дали» (В. М. Даниленко, Кам'яна могила К., «Наукова думка», 1986, С. 8).

На основании представленного В. Н. Даниленко отчета по полевым исследованиям, Приазовской археологической экспедиции видим, что (НА ИА НАН Украины 1947/5, №744):

«Приазовская комплексная археологическая экспедиция ИА АН УССР приступила к работам 07. 07. 1947 г. и продлилась до 20.10.1947 г.

В состав экспедиции входило три группы:

- Терпеньевская (основная), занимавшаяся исследованием двух неолитических поселений близ Каменной могилы. Состав группы: Даниленко В. Н. (начальник экспедиции), Амбургер Н. П. (заместитель начальника) – [зав. научными фондами института археологии], Волчкова Н. И. (младший научный сотрудник, – Мелитопольский музей), Харченко [Шапошникова] О. Г. (младший научный сотрудник).

- Тамбовская, обследовала курганы эпохи бронзы. Состав группы: Мазин С. М. – начальник группы (Запорожский музей) и сотрудники Запорожского и Мелитопольского музеев (3 чел).

- Ново – Филипповская, исследовала курганы сарматского времени. Состав группы: кандидат наук Оболдуева Т. Г. и младший научный сотрудник Гоженко Д. Е.

Основным объектом исследований Терпеньевской группы было неолитическое многослойное поселение, расположенное близ Каменной могилы, вдоль реки Молочной, известное еще с 1938 г., было обнаружено во время работы Азово – Черноморской экспедиции ИА АН УССР, возглавляемой О. Н. Бадером.

Главной задачей отряда в 1947 г. являлось выяснение стратиграфии этого единственного в своем роде поселения.

«В настоящее время», - как писал в отчете, Валентин Николаевич – «урочище, некогда заселявшееся неолитическим населением, представляет собой невысокое всхолмление, вытянутое вдоль старицы р. Молочной. Поперек выступа террасы поселения, расположенной близ правого коренного берега р. Молочной (длина 250, ширина около 150 м), был заложен раскоп длиной – 25 м и шириной – 2 м почти с севера на юг. На глубине около 4 м находки прекратились и углубление не производилось из-за проступания грунтовых вод. Уже в этом раскопе удалось получить выразительный геологический разрез:

а) сильно гумусированная супесь, задернованная с поверхности. Находки начались с глубины около 60 см и относятся к греко-скифскому периоду – грубая лепная керамика и амфорные фрагменты; находки продолжались до глубины около 1,70-1,80 м, однако в нижней трети находки амфорного материала прекратились.

б) гумусированная супесь постепенно, через горизонт с солончакковой пунктуацией, содержащей находки ранней бронзы (керамика из черной глины с полосатыми расчесами и фрагмент боевого топора), переходила в верхний слой алювиально-делювиальных суглинков серого цвета. Они продолжались до глубины 2,3 м и содержали находки различных культурных горизонтов неолита от среднего до раннего. Характерными признаками первого являлось: плоскодонная керамика с накольчато-скоростным орнаментом и микролитовидный кремль, в составе форм которого налицо мелкие округлые скребки и трапеции с оструганной спинкой.

Ранний неолит характеризовался микролитическим кремнем и костаными вкладышевыми орудиями. Все неолитические горизонты хорошо сохранились, они содержали большое количество костей животных и выразительные кострища. Ниже dna раскопа следовал нижний, более светлый, слой суглинка. Он характеризовался несколькими культурными слоями, характерным признаком которых являлось наличие скоплений

костей, сопровождавшихся кремневой индустрией тарденуазского облика, в значительной степени напоминавшей материалы памятников V Сурско-го острова. Находки и кострища находятся в одном культурном горизонте.

Затем были заложены 3 раскопа – параллельно и под прямым углом относительно раскопа № 1, давшие картину, на площади свыше 60 м, аналогичную наблюдавшейся в выше упомянутом раскопе.

Всего на поселении прослежено 13 культурных горизонтов.

1. Скифо-греческий – амфорный бой и грубая лепная керамика, глиняные прясла и скифская архаическая стрелка.

2. Поздне-бронзовый – только фрагменты баночных сосудов и кости животных.

3. Ранне-бронзовый, помимо других признаков характеризовавшихся двумя захоронениями. Одно из погребений сопровождалось интересным височным кольцом.

4. Поздне-неолитический. Он характеризуется кремнем робенгаузского типа и, в том числе крупными треугольной формы наконечниками стрел и ромбовидными наконечниками дротиков, исполненных в хорошей отжимной технике (аналоги в материалах Изюма поселения IV и поселения V). Керамика находит аналогии в материалах Среднего Стога II и Стрельчей Скели II.

5. Средне-неолитический – один из самых мощных 25 – 40 см. Кремль – микролитовидный, в одной части, включающей небольшие пластинки, округлые скребки, трапеции с оструганными спинками, а в другой – робенгаузской: – скребки на пластинках, нуклеусы средних размеров. Керамика весьма близка к соответствующему материалу Среднего Стога I, но в числе орнаментальных мотивов явно преобладает, накольчатый, отмечено употребление ангоба ярко – охристого цвета.

6, 7, 8. Маловыразительные, в виду небольшого количества археологического материала. Весьма мало и керамики. Но в целом горизонт хорошей сохранности, горизонт 8 характеризуется самым большим количеством кострищ (свыше 10). Есть основания надеяться на наличие более выразительных находок именно в этом слое (горизонте). Выдержанная микролитичность кремня и стратиграфическое положение находок позволяет датировать находки ранним неолитом.

9. Ранне-неолитический (архаико-неолитический) кремневый материал имеет эпитарденуазский характер. В 1938 г. в этом горизонте была встречена архаическая керамика типа выявленного в Крыму – в

Аш-Баше и Балин-Коше. В 1947 г. было найдено несколько костяных орудий с вкладышами.

10 – 13. Залегают в нижнем слое суглинков. Характеризуются эпипалеолитическим материалом.

Горизонты 1 и 2, иногда 3 разбирались под лопату, 4 – 13 – зачищались небольшими лопатками, затем расчищались ножами. Находки фиксировались в горизонтальном плане, после чего слой разбирался ножами. Разрезы зачерчивались через каждые 2 м, что в конечном итоге даст возможность весьма точно фиксировать положение находок, глубина залегания которых замерялась в каждом квадрате отдельно (1х1м), в среднем – между пикетами.

Считается установленным:

1. Терраса, занимаемая поселением представляет собой более позднее образование подпойменной террасы р. Молочной (4,5 – 5м).

2. Находки из горизонтов 4 – 13 свидетельствуют о посменном бытовании здесь временных (сезонных) охотничье-рыболовных лагерей.

3. Основное поселение у Каменной могилы содержит достаточное количество безупречно стратифицированных (кроме горизонта 1 – 3) культурных напластований, в полной мере отображающих процесс сложения, развития и исчезновения южно-украинского варианта неолитической культуры.

Значение наблюдений, сделанных в 1947 г. при исследовании первой неолитической стоянки у Каменной могилы, в научном отношении велико. Эти наблюдения показывают, что переход на неолитический этап развития на юге Восточной Европы в значительной степени совпадал с процессом сложения скотоводства, возникавшего на основе усложнения охоты. Имеющиеся в нашем распоряжении данные указывают на очень раннюю дату одомашнивания тура и следовавшее затем приручение коз и свиней. Показателен единичный характер костей собаки, по-видимому, при неолите не употреблявшейся в пищу населением Приазовья. В равной степени, имеющиеся материалы позволяют думать, что начало одомашнивания лошади произошло здесь значительно раньше, чем это обычно предполагают.

Появляется глиняная посуда и шлифованные орудия из кремня, которые играли большую роль в развитии неолитической культуры. Однако оба эти элемента материальной культуры не являются основными признаками неолитической эпохи, равно как и сохранение

древних хозяйственных форм – охоты и рыбной ловли, в условиях воспроизводящего хозяйства и неизменно связанного с ними обмена, не являются показателями палеолитического хозяйства. Сложение воспроизводящего хозяйства – скотоводства и земледелия и возникновение первоначального межплеменного обмена является, по-нашему, основными признаками неолитической культуры на этапе ее сложения. Наиболее существенным общественно-историческим следствием перехода на неолитическую ступень развития является также начало процесса первого общественного разделения труда. Начало этого процесса в конкретных условиях Восточной Европы связано со степью и началом скотоводства, а конец его, определившийся в начале медного века, когда в лесостепи Правобережья сложилась земледельческая культура, а в Азово-Черноморских степях возникли и обособились экспансивные племена пастухов, также связанные с развитием скотоводства и степью.

Приблизительно в это же время, то есть не ранее завершения этого процесса на юге, под воздействием южных племен, в средней полосе Восточной Европы также складывается местная неолитическая культура, развивавшаяся не только как культура охотников и рыболовов, но и как культура племен, компенсировавших слабость воспроизводящего хозяйства (приручение собаки, возможно, некоторых других животных, разведение льна и прочее) интенсивным развитием охотничье-пушного промысла, дававшего ценные для обмена продукты.

Технические признаки неолита (керамика, рубящие орудия, сверление и прочее) несомненно в той или иной мере характеризуют развитие неолита конкретных территорий, но не они, а историко-экономические факторы составляют основу неолита как особого исторического периода.

Вторым объектом исследований этой же группы было неолитическое поселение, отделенное от первого старицей, шириной около 150 м и расположенное почти на самом берегу (правом) р. Молочной (высотой около 3 м над уровнем реки).

Местонахождение характеризуется следующей геологической структурой:

а) сильно гумусированная супесь, содержащая финально-бронзовый материал (фрагменты керамики баночного типа, обычно сопровождавшихся костями быка, коня, овцы) – около 1 м;

б) слабо гумусированная супесь, содержавшая горизонт с находками типа Средний стог II и ниже его на 15-20 см – горизонт с находками крупного кремня, сопровождающегося керамикой с гребенчатым орнаментом типа, встречавшегося на поселении Собачки, мощность – 45-50 см;

в) серая с бурыми пятнами, селиментированная супесь – 35-40 см;

г) белый речной песок.

В ряду других фактов, это поселение, раскопанное на незначительной площади (меньше 60 м), интересно тем, что помогает укрепиться в мнении о расчленении среднего степного неолита на две фазы: более древнего, характеризующегося отсутствием гребенчатой керамики и переживаниями в кремне и более позднего, характеризующегося противоположными признаками.

Состав тамбовской группы:

Начальник Мазин С. М. (Запорожский музей) и сотрудники Запорожского и Мелитопольского музеев, числом 3 человека. Группа не предпринимала раскопок хорошо сохранившихся курганов, а исследовала памятники этого типа на так называемой Красной горе, расположенной к югу от Каменной Могилы и представляющей собой образование правого коренного берега реки Молочной, к которому примыкает основное поселение близ Каменной Могилы.

Курганы сильно попорчены фортификационными сооружениями прошлой войны. Несмотря на это, один из них оказался весьма интересным; он содержал целый ряд погребений, относящихся ко всем типам захоронений эпохи бронзы, кроме катакомбного. Кроме того, курган содержал два поздненеолитических захоронения, сопровождавшихся сожжениями костей животных (главным образом козлов) и датированных керамикой типа Среднего стога II. Этот факт представляет значительный интерес для решения вопроса о генезисе так называемой древнейшей культуры. Кроме того, группа по моим указаниям производила разведки на юго-восточной окраине села Терпенье, где было констатировано наличие остатков средне-неолитического и поздне-неолитического поселений.

Состав Ново-Филипповской группы:

Начальник кандидат наук Оболдуева Т. Г., младший научный сотрудник Гоженко Д. Е.

В 1935 году мною [В. Н. Даниленко] на пойме левого берега реки Молочной близ с. Ново – Филипповка было исследовано богатое коллективное сарматское погребение, датированное рубежом. В плане разработки своих плановых тем Т. Г. Оболдуева заинтересовалась возможностью отыскания новых сарматских захоронений в Приазовьи. В связи с этим мне представилась правильным ориентироваться на небольшие курганы близ Ново – Филипповки, расположенные необычно – в пойме реки. Исследовалось два кургана. Первый из них оказался начисто разграбленным, но содержал керамические фрагменты сарматского типа и времени.

Второй, в центре, в большой квадратной грунтовой яме содержал полностью сохранившееся погребение сарматского война с обильным инвентарем, позволяющим датировать погребение рубежом Н. Э.

Наиболее существенным результатом в этих небольших, но в высшей степени интересных работах считаю установление локальных признаков сарматских погребальных сооружений, исследование которых вместе с соответствующими поселениями совершенно необходимо для юго-восточного угла Украины». (НА ИА НАН Украины 1947/5, № 744).

«В результате раскопок 1947 г. стало очевидно, что предложенная О. Н. Бадером раннемезолитическая дата нижнего слоя поселения вблизи Каменной Могилы не находит подтверждения в археологическом материале». [См. Бадер О. Н. «Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции, С. 174-180] (В. М. Даниленко, «Кам'яна могила», К., Наукова думка, 1986, с. 17).

Ниже приводится часть дневниковых записей В. Н. Даниленко за 1947 год (НА ИА НАН Украины № 1947/5, ф. о. № 2030).

«7/VIII-1947. Во второй половине дня, члены экспедиции, прибыли на место работ в село Терпенье. Произведены обследования стоянки, давшей несколько неолитических слоев, и самого урочища Каменная Могила. Она [Каменная Могила] и древнеолитические стоянки в порядке. На стоянке определены границы раскопок 1938 года. Вид Каменной Могилы несколько изменился. Берут песок. Появились новые бытовые надписи на северном склоне Каменной Могилы. Изображения Центрального Грота сильно испещрены надписями посетителей.

8/VIII-1947. Работаем одни, без рабочих. [В совхозе идет уборка урожая]. Произведена зачистка северной осыпи на раннеолитиче-

ской стоянке. Четко видно на глубине 0-0,4-0,5 м сильно гумусированная супесь с расколотыми костями животных. Далее на глубине 0,7-1,10 м встречается микролитический инвентарь (пластинки), сопровождающийся расколотыми костями животных и отдельных раковин *Unio*. Ниже 1,10 м находок не обнаружено. Снова были на Каменной Могиле. Зафиксировал находку небольшого схематичного изображения.

9/VIII-1947. Продолжаем оставаться без рабочих. На южной оконечности Каменной Могилы найден новый пункт с линейно-геометрическими изображениями (несколько перекрещенный, черный). В 1938 году его, кажется, не было. Кажется, раскоп недавний.

10/VIII-1947. Рабочих все еще нет. Работал один. Зачистил часть склона восточнее Каменной Могилы. Наличие двух слоев подтверждается. В гумусе на глубине 1 м – слой поздней бронзы с баночной керамикой и расколотыми костями животных

11/VIII-17/VIII-1947. Без рабочих. Силами сотрудников, в твердом грунте, на первой стоянке, заложен шурф с целью описи дна раскопок 1938 года (близ его северо-восточного угла).

19/VIII-1947. Наконец начаты стационарные раскопки основного поселения у Каменной Могилы. Имею в виду закладку траншеи шириной 2 м. Заложены раскопы квадратов 1-10. Первый раскоп расположен параллельно раскопу 1938 года и юго-восточнее от него.

24/VIII-1947. Воскресенье. Все отдыхаем.

26/VIII-1947. Производится расчистка горизонта. Это – архаиконеолитический или раннеолитический горизонт. В нем в 1938 году было найдено большое количество керамики, содержащей обильную примесь толченой раковины, а также характерное донце с типобразным (?) выступом. Такая керамика нам еще не встречалась.

27/VIII-1947. Шел большой дождь, не давший работать.

28/VIII-1947. Не работали на стоянке из-за большого количества воды. Рабочих передал Ново-Филипповскому отряду. Присутствовал на раскопках Т. Г. Оболдуевой. Приехала Н. П. Амбургер».

Дневниковые записи В. Н. Даниленко заканчиваются 18 сентября 1947 года.

«Поскольку в 50-е годы было запланировано, что через вершину Каменной Могилы пройдет гребля Мелитопольской ГЭС необходимо

было всячески форсировать спасательные археологические работы в районе комплекса. В связи с этим в 1951 г. на Каменную Могилу была направлена экспедиция, возглавляемая Н. Я. Рудинским. Ее основным заданием было зафиксировать и опубликовать выявленные изображения. В работе, которая продлилась до 1957 года, Н. Я. Рудинскому помогал В. Н. Гладилин». [В 1952 году, по просьбе Н. Я. Рудинского на Каменную Могилу прибыл В. Н. Даниленко]. «Автор [В. Н. Даниленко] обследовал грот Мамонта. Было установлено два важных факта: во-первых, плита с изображением мамонта и стилистично подобных ему фигур оторвалась от стены и упала на поверхность находок, которые на основании анализа кремневого инвентаря и отдельных фрагментов керамики может быть отнесена ко времени распространения древнейших памятников стоговского типа; во – вторых, было выяснено, что к этому периоду относятся линейно-геометрические изображения коней, которые тянут волокушу, а также возникновение барьера из камней на границе Грота Мамонта и плиты, что не имеет изображений. ...В 1952 – 1953 гг. «мамонта» вырезали из скального массива, так как ему угрожало уничтожение во время строительства. Несколько лет он сберегался в плохо загерметизированном ящике и утратил слой некогда довольно интенсивных красок группы охры, однако появилась возможность не в глубине пещеры, а в условиях лаборатории детально рассматривать комплекс мамонта. Прежде всего, было установлено, что ни техникой исполнения, ни условиями сбережения он ничем не отличается от изображений быков. Однако нельзя не обратить внимание на то, что сзади опознанного мамонта выявлены явные остатки изображения не менее высокого, чем он, животного, крайне плохой сохранности, переломанной трещиной разлома. Сбереглась передняя часть изображения животного, о котором ранее шла речь.

Анализ сохранившейся части этого загадочного животного установил присутствие короткого хобота, интенсивно закрученных бивней, высокого в передней части хребта и, возможно, сравнительно коротких колодоподобных ног. Следовательно, мы имеем дело с изображением всех существенных деталей фигуры мамонта. Это дает возможность отстаивать мысль, что в комплексе Грота Мамонта первоначально было выполнено его изображение. Со временем в стене образовалась трещина, которая способствовала осыпанию значитель-

ных полянок изображения. На протяжении веков оно сберегалось, но постепенно разрушалось. Поскольку охотники уважали изображение, возникла потребность его возобновить. Некогда до подобной мысли склонялся и один из исследователей изображений Каменной Могилы О. Н. Бадер, и сейчас он вызывает в нем мамонта. (О. Н. Бадер, «Об изображении мамонта с Каменной Могилы, – В книге: «Восточная Европа в древности», М., 1974, С. 26-32). (В. М. Даниленко, Кам'яна могила К., «Наукова думка», 1986, С. 8, 57).

С 1969 года Приазовская экспедиция ИА АН УССР, руководимая В. Н. Даниленко, возобновила свои постоянные работы по обследованию Каменной могилы. Однако научного отчета по экспедиционным работам 1969, 1971 гг., на которые имеются ссылки в монографии, обнаружить не удалось. В папке, хранящейся НА ИА НАН Украины, № 1973/4, находится экспедиционный дневник В. Н. Даниленко (ф. о. № 6821). Дневниковые записи за 1971 год с 28. 09. по 28. 10. 1971 г., и за 1973 год с 17. 07. по 17. 10. 1973 г.

Основной задачей Приазовской археологической экспедиции 1973 года было ведение подготовительных работ по превращению Каменной могилы из Заповедной территории в Действующий Заповедник. [Однако] «пользуясь инертностью АН УССР в отношении своей Заповедной территории «Каменная Могила», некоторые местные деятели, – запорожские и мелитопольские, – вместо обещанной помощи и поддержки, вопреки практике прошлых лет, начали мешать нашим работам, руководствуясь соображениями превращения Каменной могилы в летний аттракцион для местных нужд. Очень отрицательную роль в этом играл директор Мелитопольского музея, который был выдвинут определенной группой лиц. Эти действия не разрешили осуществить стоявшие перед Приазовской археологической экспедицией задачи в полной мере. (В. Н. Даниленко отчет по Приазовской археологической экспедиции 1973 года, НА ИА НАН Украины № 1973/4, ф. о. № 6819, С. 2).

Ниже приводится часть дневниковых записей В. Н. Даниленко за 1971 и 1973 годы: (НА ИА НАН Украины № 1973/4 ф. о. № 6821).

«28. IX. 1971, вторник. Вместе с договорным младшим сотрудником Личмоном Александром Васильевичем самолетом добрались до г. Запорожья, а оттуда – до остановки Мирный, [что] на трассе Москва

– Симферополь, а далее пошли на околицу Мирного к охраннику Каменной могилы Никифору Андреевичу Базарову.

29. IX. 1971, среда. Осмотр с Личмоном А. В. и Базаровым Н. А. заповедной территории «Каменная Могила».

30. IX. 1971, четверг. Продолжили осмотр склонов Заповедника. Прибыл договорной младшим сотрудник Данилейко Владимир Григорьевич, а вечером сотрудники Мелитопольского музея: Михайлов Б. Д. и другие.

1. X. 1971, пятница. Совместно Данилейко В. Г. начали расчистку конской плиты № 26 с целью ее экспонирования. Вечером прибыл мелитопольский персонал экспедиции: Алексеев А. Н., Ковальчук О. Д., Лоза [Михайлова] Н. И., Борисов Ю. Решено, с целью экспонирования расчистить, конский комплекс (плита № 26), грот мамонта...

2. X. 1971, суббота. Реализовали задуманные работы. Утром прибыл мой диссертант Б. Д. Михайлов.

3. X. 1971, воскресенье. Продолжили вчерашнюю работу. Трудимся на расчистке конской плиты № 26. Ковальчук О. Д. на расчистке профиля на поселении. Вечером отпустил музейных работников для выполнения основных обязанностей по музею.

4. X. 1971, понедельник. Основное внимание экспедиции на расчистке плит (№№ 25-27)...

5. X. 1971, вторник. Работы в основном сосредоточены на комплексе конских плит и на зачистке профиля на основном поселении...

7. X. 1971, четверг. Продолжение работ предыдущих дней на конском комплексе и на поселении. Из Мелитополя в сопровождении Михайлова Б. Д. прибыли, для ознакомления с ходом работ ответственные партийные работники.

10. X. 1971, воскресенье. Продолжение работ предыдущих дней. Сдвинули с места плиту № 27, а с нею и соседнюю, что слева. На последней выявлены геометрические композиции в виде перемежающихся черточек.

11. X. 1971, понедельник. Приостановлены опасные работы по установке плиты № 27 в прямостоячее положение.

12. X. 1971, вторник. Продолжены работы по установке плиты № 27. С помощью группы, весьма компетентных инженеров, руководи-

Фото 15.

1971 год. Расчистка прохода в грот.
На заднем плане: В.Н. Даниленко.
Перед ним В.Г. Данилейко

Фото 16.

1971 год. В. Н. Данеленко
(на переднем плане)

мых полковником, при помощи двух мощных домкратов ее удалось установить в прямостоячее положение.

13. X. 1971, среда. Вместе с Михайловым Б. Д. ездил в Запорожье с предложением пригласить на Каменную Могилу ответственных партийных работников. На конских плитах завершены работы.

14. X. 1971, четверг. С 9 до 16 часов по телефону связался с Михаилом Михайловичем Всеволожским – первым секретарем Запорожского обкома КПУ. Он согласился прибыть на наши раскопки 15 или 16. X. 1971 г. Хочу рассмотреть с ним дальнейшее существование Заповедника на Каменной Могиле.

15. X. 1971, пятница. Ждем запрошенных гостей. Готовим также Грот Мамонта, второй разрез на поселении рядом с Красной горой, обследованный мной в 1934 году.

16. X. 1971, суббота. Продолжили уборочные работы. Ждем запорожских гостей – снова напрасно.

17. X. 1971, воскресенье. Продолжены работы на северной половине основного поселения.

20. X. 1971, среда. Наши работы посетили секретари Обкома КПУ Василий Иванович Неприков, Жариков М. Л. и другие партийные

деятели, а также представители строительных организаций. Провел экскурсию.

23. X. 1971, суббота. Довольно долго, в продолжение целого дня, консервировали Грот Мамонта и комплекс стоп.

26. X. 1971, вторник. Консервация объектов. Прибил из Запорожья инженер Вишневецкий Александр Викторович.

27. X. 1971, среда. Зачистка нижнего слоя приазовской культуры, который залегает на глубине 1,5-1,55-1,6 м;

28. X. 1971, четверг. Фотографирование, (последняя запись, стр. 15)».

Фото 17. Осень 1971. Перекрытие грота «Конских плит». На переднем плане В.Н. Даниленко, Я.П. Гершкович, А.И. Хребцов и Б.Д. Михайлов

Согласно научного отчета В. Н. Даниленко (НА ИА НАН Украины № 1973/4, ф. о. № 6819) Приазовская Археологическая экспедиция института археологии АН УССР продолжила свои работы на Каменной Могиле, – Заповедной территории Академии наук УССР

В 1973 году работы проводились с 20 июля по 4 ноября 1973 года.

«Основной задачей экспедиции было проведение подготовительных работ, с целью изменения статуса памятника, и

превращению «Каменной Могилы» из Заповедной территории в Действующий заповедник Украины.

Конкретные задачи которые ставила перед собой экспедиция, состояли в следующем:

1. С целью экспонирования посетителям намечалось раскрытие комплексов Конских плит и плиты со Ступнями.

2. Проведение исследований под плитами периферии Грота Мамонта, для которых установление природы и характера обнаруженных здесь остатков энеолитической эпохи, и проверки возможной их связи с рыбообразными чурингами, впервые найденными В. Н. Даниленко при исследовании Западной периферии Грота Мамонта еще в 1938 году.

3. Проникновение под первозданный песчанниковый массив Каменной могилы с целью обнаружения или создания особых полостей для получения дополнительных экспозиционных помещений.

4. Уточнение характера начертаний на плите № 19, где предварительно усматривается, по-видимому не полностью зафиксированный космологический сюжет с участием змей и драконов, а также уточнение характера комплекса плиты № 7, где предположено присутствие кос-

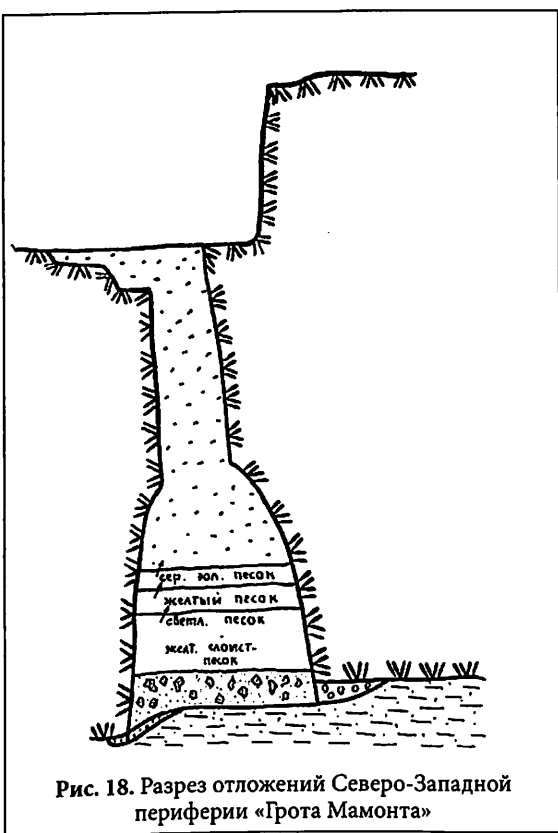

Рис. 18. Разрез отложений Северо-Западной периферии «Грота Мамонта»

мологического антропоморфного персонажа – полууженского, полужмеиноного, в нижней части.

Как уже говорилось выше, из-за отсутствия поддержки со стороны местных властей, вместо обещанной помощи и поддержки, вопреки практике прошлых лет, запорожские и мелитопольские чиновники начали мешать работам экспедиции.

Эти действия не позволили осуществить стоявшие перед Приазовской археологической экспедицией задачи в полном объеме (фото 18).

Ниже приводятся краткие сведения об исследованиях осуществленных, в соответствии с поставленными задачами, на 1973 год.

1. Конские плиты и плиты со ступнями.

В связи с тем, что деревянное перекрытие, изготовленное над комплексом Конских плит в 1971 году, в значительной степени обветшало и провалилось, оставшаяся открытой экспозиционная полость оказалась засыпанной песком, что потребовало длившихся несколько дней очистительных работ. В связи с бывшим в

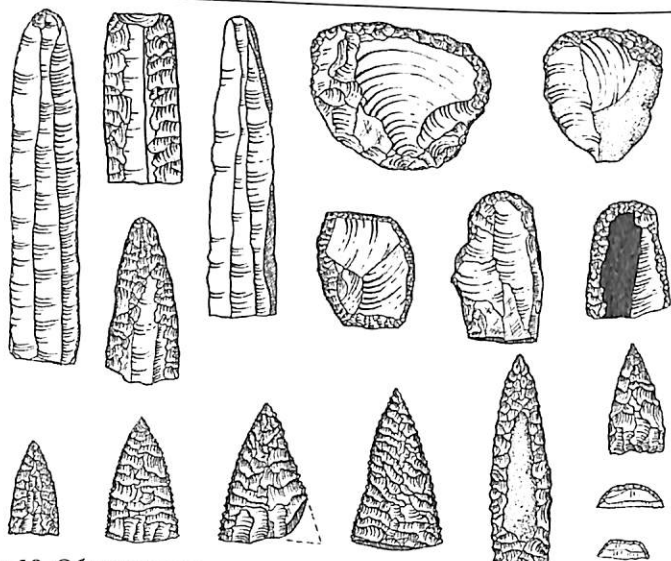

Рис 19. Образцы типичного кремниевго инвентаря из западной периферии «Грота Мамонта»

1973 г. высоким уровнем вод реки Молочной, нижние части Конских плит оказались на протяжении всего сезона работ экспедиции влажными и поэтому стали зарастать мхом, а при прикосновении осыпаться. Выполнены необходимые замеры и составлены чертежи.

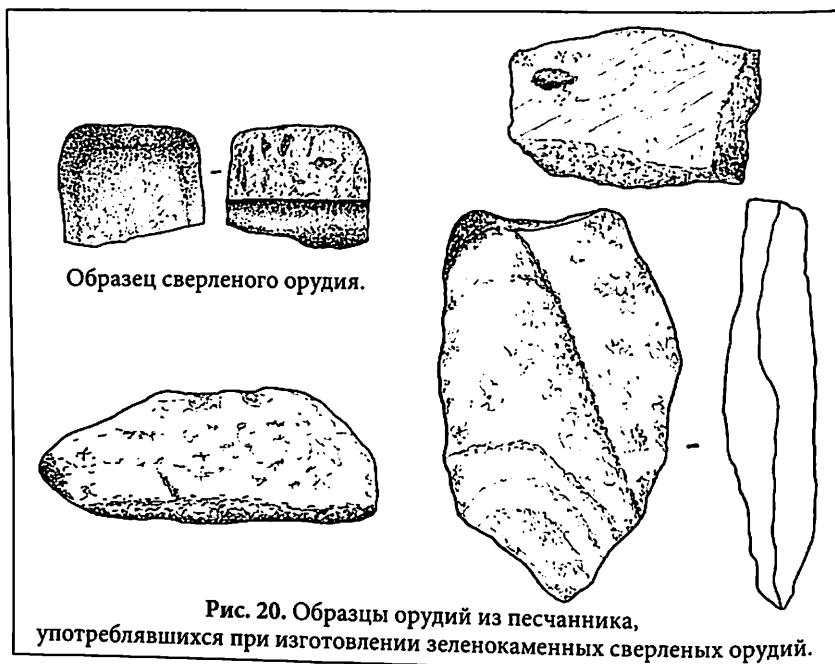
Отсутствие поддержки со стороны Института археологии и местных организаций вынудили отказаться от идеи создания на Конских плитах посещаемого павильона. Пришлось вновь засыпать этот комплекс песком и перекрыть ветвями.

Комплекс плит со Ступнями также открывался в 1973 году и был доступен посетителям. Однако в виду необнадеживающих перспектив раскрытие было не столь полным как комплекса Конских плит. Это обстоятельство не помешало выполнить в интересах последующих экспозиционных работ необходимые замеры и чертежи.

2. Изучение энеолитического комплекса и связанные с ним работы.

«Во время работ в 1952 г. осуществленных автором [В. Н. Даниленко], в дополнение к работам Н. Я. Рудинского, была обследована обширная трещина, идущая с юго-запада на северо-восток и примыкающая к гроту Мамонта с северо-запада, а также сделан идущий в юго-восточном направлении подкоп под плиту, лежащую к юго-западу от основной полости грота Мамонта. Под северо-западной кромкой этой плиты было найдено большое количество блоков песчаника, повалившихся друг на друга и производивших впечатление примитивной кладки. Работы в этом месте были продолжены, что привело к обнаружению вместе с разнообразным энеолитическим кремнем, венчиковой части сосуда типа Средний Стог II – Деревка.

В 1973 году вновь был осмотрен северо-западный срез плиты к юго-западу от грота Мамонта и продолжен лаз в направлении плиты № 51, прочищена поперечная трещина в районе плит № 51-51а. Всего вырыто до 100 куб. м грунта. Удалось выяснить, что археологический материал залегает на поверхности светлого материкового песка вперемешку с кусками и блоками песчаника, практически на створе имеющихся в песчанике крупных сквозных трещин. Эти наблюдения позволили предположить, что «кладка» на самом деле является естественным образованием и, что камни, а с ними и археологичес-

кий материал, проникли в полость грота Мамонта по трещинам. Учитывая сказанное, следует считать наиболее вероятным, что пункт обитания энеолитической эпохи здесь сосредотачивался вокруг шлифовальной плиты № 6, находящейся юго-западнее грота Мамонта. О том, что концентрация археологического материала и его проникновение через щели происходило в календарно близкие или даже совпадающие сроки, говорит несколько обстоятельств. Во – первых, речь идет об однообразном по морфологическим и техническим признакам наборе кремневых изделий, включавших пластинчатые остроконечные ножи с краевой и струйчатой ретушью, наконечники дротиков и стрел вытянуто-подтреугольной формы со струйчато-зубчатой ретушью – как у майкопско-новосвободненских изделий, пластинчатые и отщеповые скребки (рис. 19). Кроме того обнаружены обломки нескольких просверленных изделий, типа молотков, изготовленных из темных или зеленокаменных пород, отбойники, пилки и шлифовальные камни из песчаника, которые, возможно, связаны с изготовлением каменных, шлифованных и сверленных орудий (рис. 20). Также имеются находки, указывающие на восточные, возможно, прикавказские связи местной энеолитической культуры,

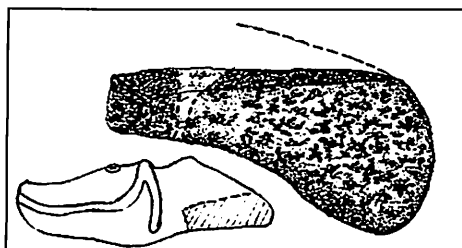

Рис. 21. Обломок тульевой части навершия из порфира (н.в.) и образец навершия с указанием предполагаемой части

Рис. 22. Сосуд майкопского типа из-под плиты N41 «Каменная могила»

во-первых, обломок тульевой части, изготовленной из серого порфира, зооморфного навершия – скипетра (рис. 21) и, во-вторых, находку двух миниатюрных отлично изготовленных кремневых сегментов, аналогичных найденным нуклеусам, в составе инвентаря знаменитого майкопского кургана (нижний ряд). Рис. 19.

О наличии у местного энеолита этно – культурного контакта с Прикавказьем говорит также находка чернолощенного майкопского типа сосуда (рис. 22) под плитой № 41 Каменной могилы, где ранее были зафиксированы и линейно-геометрические изображения. Местный энеолит, несмотря на отражаемые им связи с Северным Кавказом, все же принадлежит к степному приазовскому ареалу. О чем говорит и характер глиняной посуды, сопровождавший остальные группы инвентаря. Речь идет о пяти, довольно крупных и не окатанных фрагмента, рыхлой из-за содержания толченой раковины глиняной посуды, украшенной композициями из оттисков гребенчатого штампа (рис. 23). Остатки глиняной посуды, типичные для памятников группы Средний Стог II, появившихся в степной зоне Украины около середины IV тыс. до н.э. и просуществовавших до середины III тыс. до н.э. Наметившаяся еще в 1938 году связь подобного материала с «чурингами» не подтвердилась, хотя одна из них была найдена и в 1973 году в таком месте,

Рис. 23. Фрагменты среднестоговой керамики из западной периферии «Грота Мамонта»

где не было иного археологического материала и находилась далеко от щелей, по которым археологический материал проникал под плиту № 51 и другие плиты.

3. Работы под первозданным массивом песчаника.

Грот Чуриг.

В связи с тем, что связь чуриг с местными энеолитическими напластаваниями оказалась проблематичной, возникла необходимость новых проверочных поисков. Возникла идея отыскания новых чуриг под плитой, где в 1952 году Н. Я. Рудинским была найдена велико-лепная рыбообразная песчаниковая конкреция – чурига с двусторонними изображениями. Это место он считал бесперспективным. Однако результаты проведенных здесь работ в 1973 году превзошли все ожидания.

После того, как был пройден лаз Н. Я. Рудинского, стало ясно, что археологи проникли в грот, никем ранее не посещавшийся с первобытной эпохи. Открытый грот получил название грот Чуриг. Он представлял собой полость высотой 0,35-0,50 м, образованную сверху нижней поверхностью первозданной песчаниковой плиты, а снизу – поверхностью светлого материкового песка. Пость в верхней части была заполнена эоловым песком, а в нижней – буроватым довольно плотным песком, с которым и были связаны многочисленные находки чуриг. Кроме того, следует отметить, что мнение Н. Я. Рудинского об отсутствии в этом месте наскальных изображений было ошибочным. Изображения линейно-геометрического характера, иногда покрытые охрой, оказались не только на многих участках потолка, но и прослоях песчаниковой породы, местами составляющих пол грота. Грот Чуриг представляет собой не что иное как глубинное завершение («карман») некогда обширного навеса или даже пещеры. Часть его составлял Грот Собаки и находящаяся рядом с ним плита с рисунками. Сюда же относится и плита № 51а, вопреки указаниям Н. Я. Рудинского давшая большое количество линейно-геометрических рисунков с охрой, небольшие геометризованные изображения козлов и оленей, охотников с луками, а также средневековое изображение оседланного коня, каравеллы, и надпись – возможно хазарская.

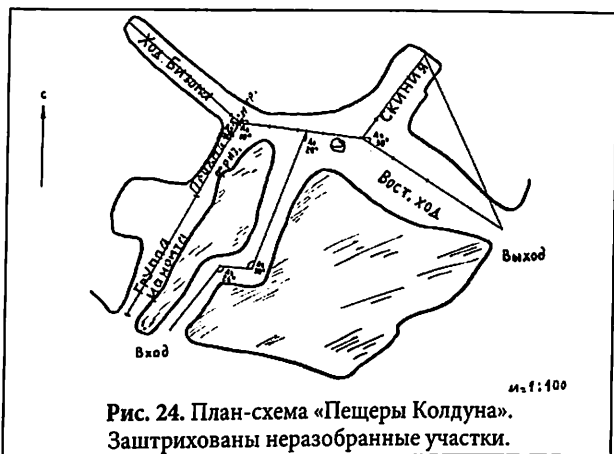

Рис. 24. План-схема «Пещеры Колдуна». Заштрихованы неразобранные участки.

Найденные в гроте Чуринг и залежавшие, несомненно в непо потревоженном виде (*in situ*), конкреции-чуринги имели в длину от 5 до 70 см и по своим формам напоминали рыб разных видов. В большинстве своем это подобранные по форме образования песчаника, встречающиеся в разных местах Каменной могилы и принесенные в это хранилище, а затем, путем нанесения рисунка, превращенные в чуринги. На площади около 40 кв. м было подобрано до 40 чуринг, имевших линейно-геометрические изображения с одной, а иногда и с двух сторон. На нескольких чурингах имеются следы подрисовки красками – охристой и черной. Нанесение рисунка выполнено одинаково – путем врезания узких и неглубоких линий, вероятно, кремневыми пластинками, что подтверждает неолитический возраст этих, несомненно, культовых изделий.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что и ископаемые «чуринги», включая палеолитические, мезолитические, неолитические и этнографические и их соответствия, отражают распространение культовой практики создавать особые, преимущественно рыбообразной формы предметы, украшать их различными символами и прятать в сокровенных местах, посвящая их тотемному культу, связывая его с представлениями о множественности материализованных душ. Экспедицией найдены одни лишь чуринги, без всякого другого археологического материала – как древнейшего, так и более позднего. Исследователи Каменной могилы, до работ 1973 года, не имели дела с памятниками подобной

сохранности. Грот Чуриг, по совокупности представленных в нем археологических материалов, представляет реликтовый комплекс, открытый и исследованный в зоне первозданного песчаникового массива Каменной могилы.

Пещера колдуна.

Движимый неудержимым желанием открытий не потревоженных полостей под первозданным щитом Каменной могилы и новых археологических объектов с целью их последующего экспонирования, в природной обстановке, автор [В. Н. Даниленко] и его помощники отыскивали пути проникновения под первозданный щит. Однако, всюду открывалась однообразная картина древних обвалов или обширных трещин, угрожавших новыми обвалами. Отсутствие крепезного инвентаря не

Рис. 25. Фотографическое воспроизведение «Колдуна»

позволило в данных условиях проводить работы. Опасаясь трагических последствий я [В. Н. Даниленко] принял решение искать новый

проход.

В процессе поисков прохода под первозданный щит был избран участок центральной части трещины, идущей с северо-востока на юго-запад, через восточную оконечность щита Каменной могилы. Северо-западнее ее, после небольшой перемычки из песка,

Рис. 26. Фотографическое воспроизведение группы мамонтов с антропоморфными танцорами

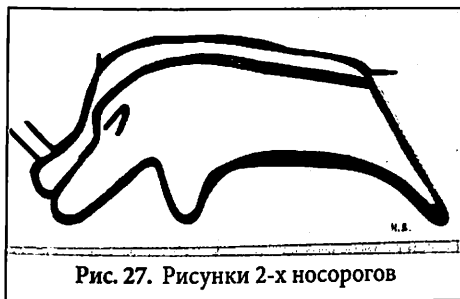

Рис. 27. Рисунки 2-х носорогов

открылась полость древнего грота с темным закопченным потолком, в направлении первозданного щита, на расстоянии около 3 м. (рис. 24).

Полагая, что ход под первозданный щит найден, он был назван «Восточным»

ходом. На расстоянии 6-7 метров было обнаружено интересное «гнездо» находок небольшая и вертикально стоящая плитка с линейными начертаниями, прикрывавшая с юго-востока стоявшую *in situ* красноглиняную ойнохою, перекрытую меньшей плиткой песчаника с таким же рисунком. Тут же стоял тюльпановидной формы кубок из зеленоватого стекла на небольшом кольцевидном поддоне. Расчистка показала, что эти вещи связаны с погребением, от которого остались следы гроба, ориентированного с севера на юг. Тут также были найдены две железные пряжки калачиковой формы. Характер ойнохой, кубка и пряжек говорит о так называемом гуннском времени (V в. н. э.). Описанное погребение является показателем того, что с V в. н. э. в грот никто не проникал, что позволяло обнаружить древние изображения в первозданном виде. Тщательный осмотр потолка привел к обнаружению нескольких линейных изображений. Над погребением была обнаружена сквозная трещина в потолке. Во избежание обвала дальний конец «Восточного» хода был засыпан. Стремясь проникнуть под центральный участок первозданной плиты, сотрудники экспедиции начали новый подкоп с юга в направлении сохранившегося конца «Восточного» хода через современный грот, южная половина которого была сплошь испещрена современными надписями и рисунками. На расстоянии 8 м от юго-западного конца нового хода произошло соединение с «Восточным» ходом. Была получена возможность продолжить «Восточный» ход в том же направлении, отступая к юго-западу от «Восточного» хода на расстояние 1,5-2 м. В последствие этот ход получил наименование ход «Бизона». На пересечении двух ходов было найдено несколько небольших плиток с линейными начертаниями. Подобные начертания были и на потолке. Поэтому изучению этого места уделялось особое внимание.

Рис. 28. Левая композиция «Правого фриза»

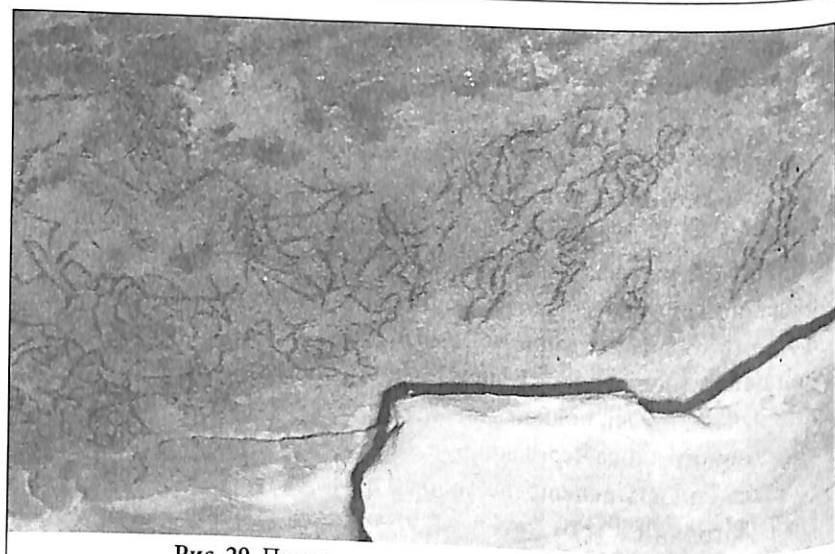

Рис. 29. Правая композиция «Правого фриза»

11-го сентября 1973 г., когда в гроте велись работы по ликвидации обывательских надписей, один из студентов в конце «Южного хода» обратил наше внимание на группу непонятных линий, при тщательном осмотре оказавшимися древними. Осуществленная в последующие дни

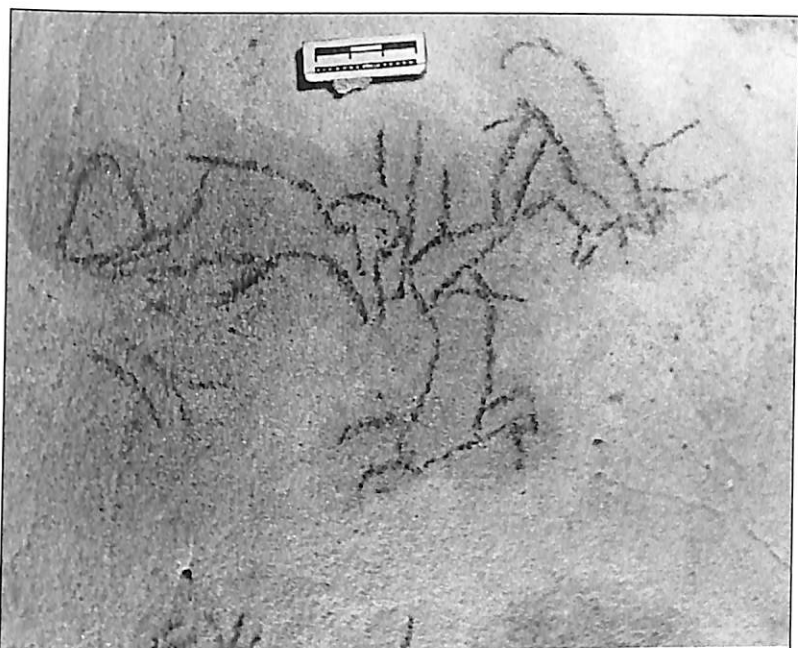

Рис. 30. Средняя часть изображения «Центрального фриза»

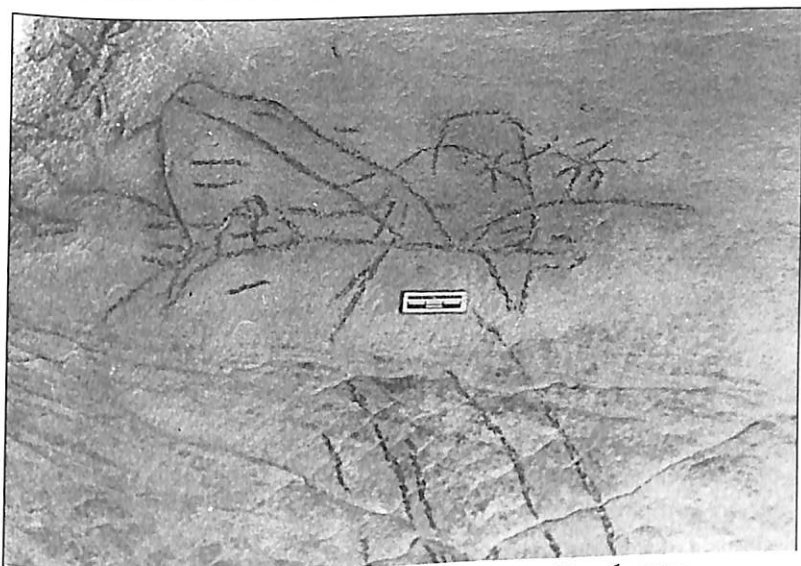

Рис. 31. Восточная часть композиций из «Хода бизона»

Рис. 32. Спаренные мамонты. Южная часть «Скинии»

работа подтвердила древность выявленного рисунка. В результате поиска были выявлены изображения колдуна (рис. 25), мамонта с сопровождающими его рогатыми антропоморфными танцорами (рис. 26), несколько поврежденный рисунок оленя и спаренный рисунок двух носорогов (рис. 27). Все рисунки оказались гравированными. Весь выявленный комплекс был назван «Пещерой Колдуна». Открытие, по мнению В. Н. Даниленко, палеолитического пласта изображений особого стиля обусловило необходимость поездки в Киев для информирования руководства Института археологии. Экспедиции была оказана существенная помощь сотрудниками и средствами. Благодаря прибывшему фотографу, у которого был хороший фотоаппарат и аккумуляторный фонарь для подсветки, удалось выявить основное количество изображений палеолитического пласта, расположенных в нескольких группах:

- а) группа мамонта (рис. 26);
- б) следующий за ним правый фриз с группой рогатых и хвостатых антропоморфных танцоров, вереницу быков и другими животными, включая мамонта (рис. 28-29);
- в) центральный фриз, примыкающий к правому – с северо-запада, на котором изображены группа людей, совершающих обрядовый *coitus`a*, человек в маске и дротиком через плечо, антропоморфная

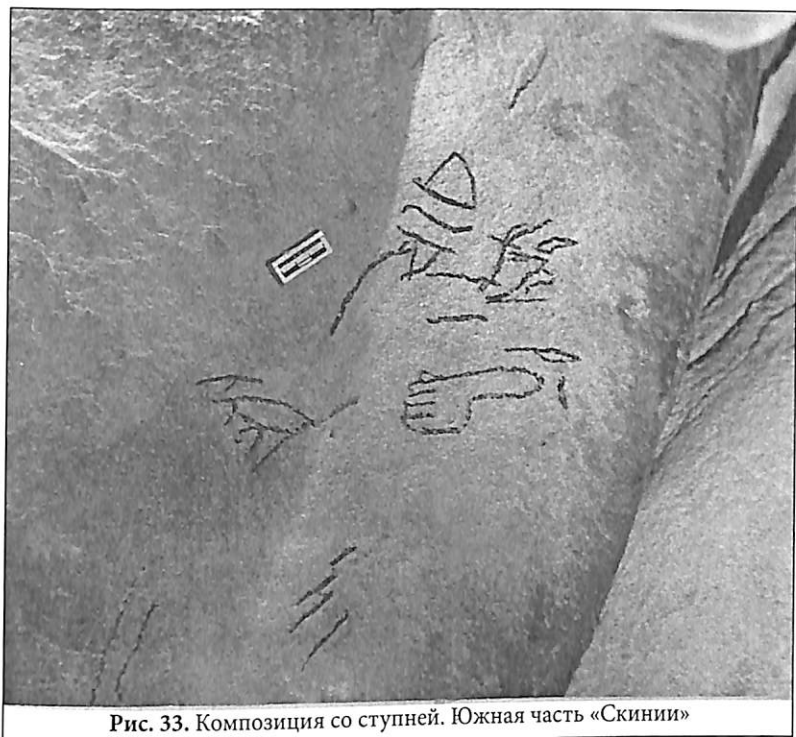

Рис. 33. Композиция со ступней. Южная часть «Скинии»

фигура с маской лосихи, а также два небольших изображения мамонта, на одном из которых видно, как камнем придавило задние ноги животного (рис. 30);

г) Ход Бизона, шириной 1,5 м и длиной 10 м, расположен влево от центрального фриза, на котором главным изображением является бизон, длиной 0,5 м, с частично сохранившимися следами подкраски охрой, несколько изображений мамонта, сайгаков, групп людского соитуса, большая и малая антропоморфные фигуры и пр. Особое внимание привлекает фигура убитого мамонта, а рядом с ним изображение мамонтенка, пораженного двуручной рогатиной, еще стоящего и трубящего хоботом, воздетым вверх, а также, изображение лани, грациозно закинувшей голову на спину, где она, возможно, зализывает рану (рис. 31);

д) участок пещеры, находящийся на пересечении Восточного и Южного ходов, получил наименование Перед Скинией, так как северо-восточнее находилось описывание далее святилище, точнее хранилище чу-

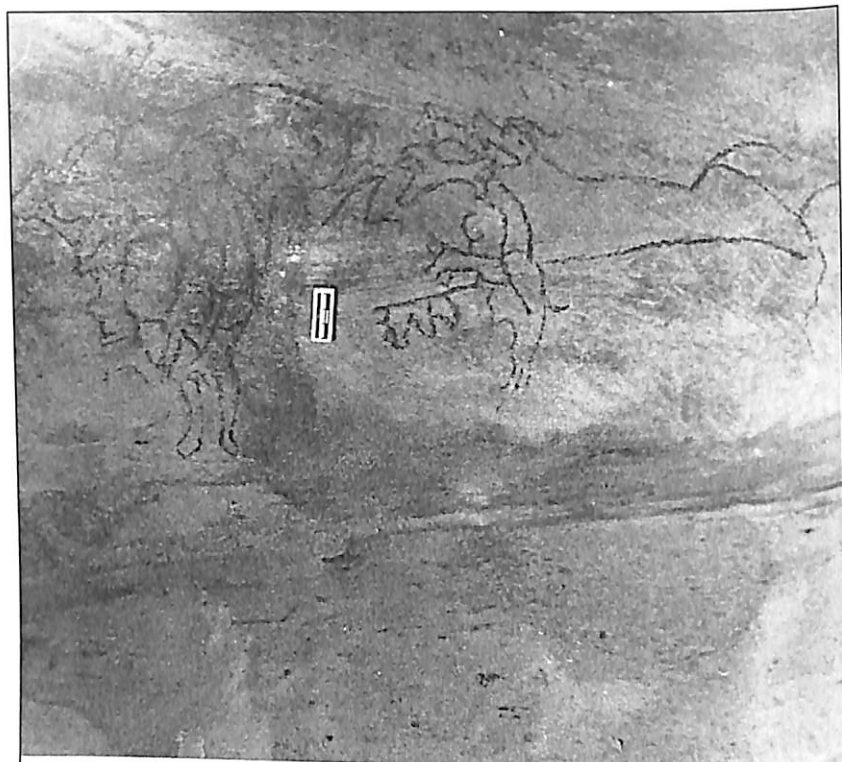

Рис. 34. Фотографическое воспроизведение «Великой Матери» и зверей.

Рис. 35. Группа «Мистов» - «Скиния».

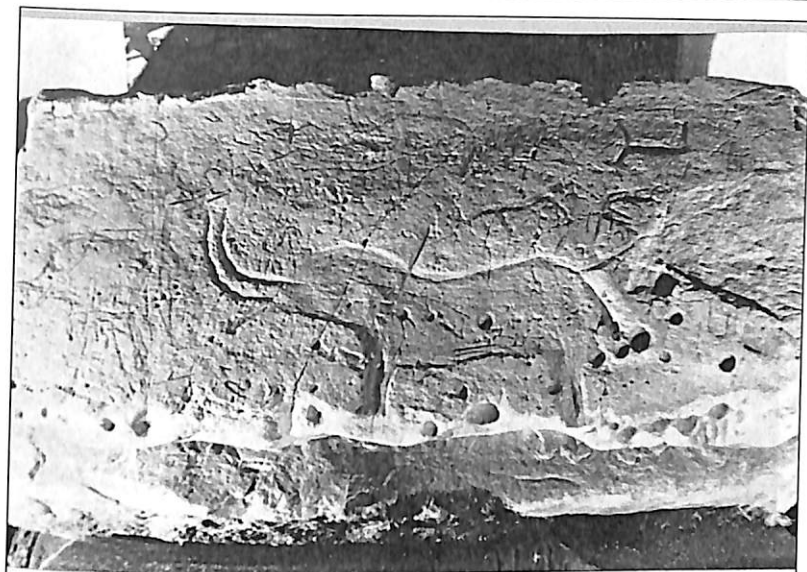

Рис. 36. Фотографическое воспроизведение мамонта открытого в 1938 г.

ринг особого типа, получившее наименование Скинии. В группу Перед Скинией входят, уже упоминавшиеся, линейные изображения, смысл которых, на 1974 г., не раскрыт, спаренные изображения двух мамонтов (рис. 32), несколько рогатых животных, изображение небольшого хищника и пр. Обращает внимание женская фигура с согнутыми ногами, сопровождающаяся изображением человеческой ступни (рис. 33);

е) группа Скинии в системе Пещеры Колдуна занимает особое место. Скиния представляет собой дальний угол пещеры, отличающийся наличием нескольких ярусов, складчатых образований песчаника, на которых встречено *in situ* несколько плиток песчаника с односторонними или двусторонними линейными изображениями. Последнее обстоятельство можно оценивать как указание на то, что украшенные плитчатые конкреции – чуринги, прежде чем упасть на поверхность материкового песка, находились на естественных «полках». Исходя из того, что мощность гумусированного песка, покрывающего белый материковый песок, не превышает 0,15 – 0,20 м, на глубине 0,70 – 1 м под белым материковым песком располагался пол, состоящий из крупных прослоев песчаника с простейшими линейными начертаниями, возможно, искусственного происхождения, можно сделать вывод, что рисунки на потолке пещеры Колдуна нанесены до появления белого «материкового» песка.

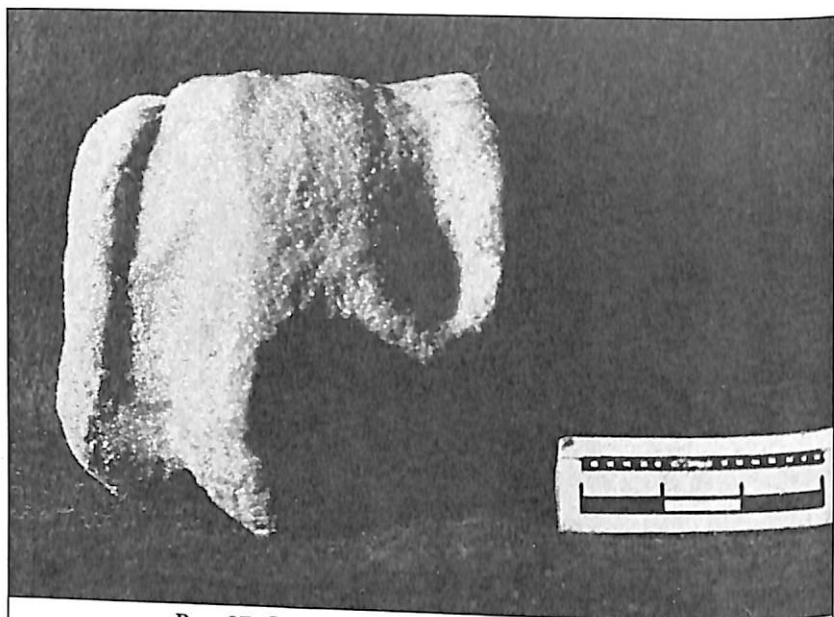

Рис. 37. Скульптурное изображение мамонта

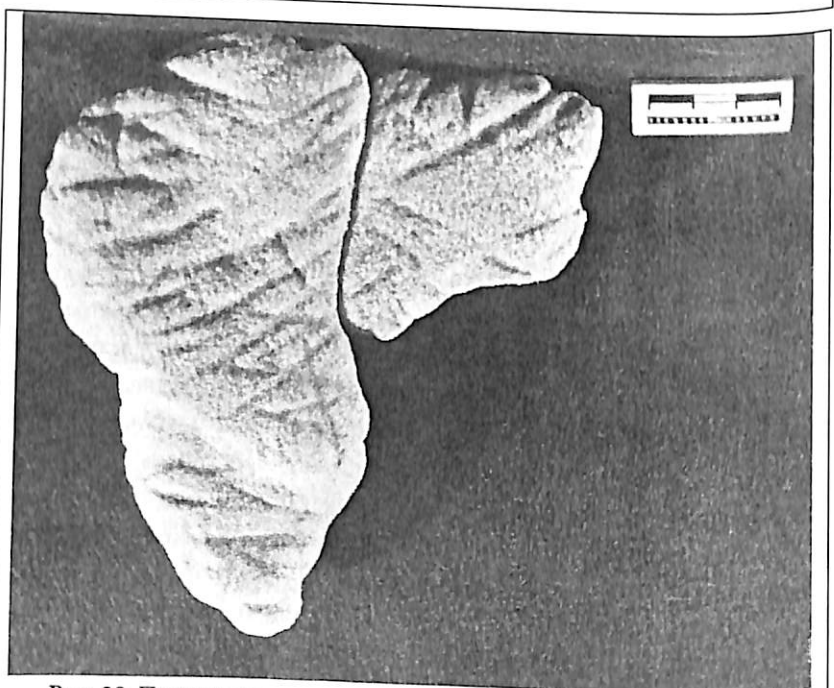

Рис. 38. Песчаниковая плитка, стилизованная под голову хищника

Рисунки, выполненные в технике гравюровки, почти сплошь покрывают потолок Скиннии. Интересно сочетание изображений двух стилей – геометрического, как изображение Колдуна, и реалистичного. На их синхронность указывает сходство сюжетов. Например, сюжет пещерного льва, нападающего на мамонта, и сюжет Великой матери в звериной маске, сопровождающейся сравнительно небольшими изображениями животных, на которых нападает распластавшийся в преследовании хищник, вероятно, пещерный лев (рис. 34). Из числа других изображений Скиннии следует назвать coitus людей, довольно реалистичное изображение мчащегося коня, группу рогатых и хвостатых антропоморфных «мистов», реалистичное изображение носорога, овцебыка и прочее (рис. 35). Всего на площади около 30 м обнаружено до 300 изображений. Несмотря на заметное единообразие приемов и техники исполнения рисунков в Пещере Колдуна, они отличаются размерами от 0,05 до 0,50 м. В нескольких случаях был отмечен прием протирания отдельных элементов зооморфных и антропоморфных фигур, что до некоторой степени сближает подобные рисунки с древнейшими изображениями Грота Мамонта. На то, что основной тип изображений Грота Мамонта несколько моложе изображений Пещеры Колдуна, указывает примечательный факт: в гроте Мамонта открыты следы изображений гравированного стиля, перекрытые более поздними изображениями.

Кратко следует остановиться и на плиточных конкрециях с начертаниями из Пещеры Колдуна, которые хотя и не имеют овальных рыбообразных очертаний, все же могут рассматриваться в качестве чуринг, возможно, более архаического облика. Всего их в Пещере Колдуна, преимущественно в границах Скиннии, найдено около 50. Изредка встречались сравнительно небольшие плитки, на которых рисунок выполнен в технике плоского рельефа. На фоне геометрического рисунка иногда проскальзывают, трудно читаемые, зооморфные и даже антропоморфные мотивы. Была найдена настоящая скульптура – небольшое по размерам воспроизведение головы животного, вероятно, молодого мамонта.

Особо следует отметить группу плиток, напоминающих очертания головы животных, украшенных сложной системой линий, что придает им сходство с головами полосатого хищника, правдоподобно, пещерного льва (рис 27), то есть того самого зверя, в контуры которого вписана

Рис. 39. Центральная композиция из «Грота Дракона»

Рис. 40. Стилизованные под «Змееногую Богиню», складки песчаника, плита №7

Рис. 41. Воспроизведение
«Крылатого дракона».
Аналогия: композиция на глиня-
ном сосуде с Митькова
острова на Ю. Буге

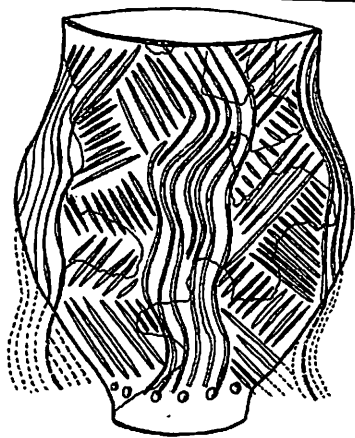

Рис. 42. Аналогия с антропоморфным
и зооморфным сюжетом пос.
Сороки на Днестре

фигура Колдуна. Открытие, сделанное в Пещере Колдуна, это прежде всего открытие целого пласта палеолитических уникальных зооморфных изображений, которое сразу же выводит Каменную могилу в число выдающихся памятников древности. Это открытие потребовало оперативной разработки нового метода фиксирования изображений, которые до 1973 г. восточно-европейским археологам не были известны. В. Н. Даниленко остановился на следующем методе фиксации, выполненных в техники гравировки, на потолке из песчаника палеолитических изображений, который включал следующие моменты:

- а) выявление рисунков;
- б) высвечивание и рассматривание их;
- в) наведение рисунка пастельным углем; * [Примечание: современная методика фиксации рисунков и рельефов на камне не допускает наведения, обрисовки углем. Зарисовка производится на планшеты].
- г) фотографирование рисунков;
- д) калькирование с помощью особых карандашей;

е) перенесение рисунков на бумажные листы на столе, который оборудован стеклом с подсветкой, а затем – на ватман.

ж) закрепление рисунков, находящихся на песчаниковых потолках, с помощью клея БФ-2, с последующим перекрытием их нитролаком.

Одной из последних задач Приазовской экспедиции 1973 г. явилось уточнение характера начертаний неолитической эпохи на плитах № 19 и № 7. Раскрытие и дополнительная фиксация изображений на плите №19 подтвердила предположение В. Н. Даниленко, что здесь присутствуют сложные композиции из как-бы струящихся змей и крылатого дракона. Последний имеет рогатую голову, два крыла в свастическом разбросе и хвост с волосатой опушкой, свернутой в виде подтреугольной фигуры (рис 39).

Полное раскрытие композиции на плите № 7, состоящей из системы естественных складок, различных нарезок и насечек с последующим покрытием красной охрой, подтвердило догадку В. Н. Даниленко, что в этой композиции просматривается образ Великой матери, вся нижняя половина которой трактована в виде струящихся змей (рис. 40).

Оба приведенные наблюдения важны как указание на то, что относящиеся к эпохе местного неолита и энеолита космологические композиции, включая линейные, по своему основному смыслу связаны с теми, которые известны по памятникам сурско-днепровской и буго-днепровской культур (рис. 41-42).

В конце работы экспедиции все же удалось наметить пути решения одной из главных задач – найти проход под центральную часть первозданного массива песчаника. Удалось это сделать через так называемый Центральный грот, находящийся посередине южной стороны Каменной могилы. Преодолевая сплошные завалы, удалось наконец проникнуть под массив первозданного щита на расстояние, около 1,5 м от края плиты. Песок здесь плотный, прощупывается на глубину более 2 м, что при условии выполнения определенных работ, считал В. Н. Даниленко, обеспечит создание здесь, так необходимого для Каменной могилы экспозиционного зала».

По дневниковым записям В. Н. Даниленко, о ходе экспедиционных работ на Каменной Могиле в 1973 году (НА ИА НАН Украины 1973/4, ф. о. № 6821):

«17/VII-73 г., вторник. Автомашина АН УССР выделена в распоряжение Приазовской экспедиции.

18/VII-73 г., среда. Организационные работы по экспедиции.

19/VII-73 г., четверг. Продолжение организационных работ. Во второй половине дня выехал в урочище Диброва, под село Ходосовку, где с 1969 г. проводились поиски раннеславянских комплексов.

20/VII-73 г., пятница. В связи с незавершенностью организационных работ бухгалтерия не выплатила аванс...

21/VII-73 г., суббота. Выехали на место работ, в район Каменной Могилы. Ночевали в поле, в районе Краснограда.

22/VII-73 г., воскресенье. Прибыли на место работ село Мирное, в район Каменной Могилы. Начали раскрытие сгнившего деревянно-го перекрытия над комплексом конских плит.

23/VII-73 г., понедельник. С утра был в РК КПУ, у секретаря тов. А. И. Халоко, с организационными вопросами – выделения квартиры в селе Мирном. Решить эту задачу поручено решить руководству воинской части, что, расположена рядом с селом Мирным. Продолжено раскрытие комплекса конских плит, включая работы по удалению песка, что просыпался с 1971 года.

24/VII-73 г., вторник. С утра у командира местной войсковой части, который позволил временно занять большую квартиру в селе Мирном – ул. Ленина, №11, кв.11. Продолжили расчистку конских плит.

25/VII-73 г., среда. Заняли выделенную квартиру. Продолжили раскрытие комплекса конских плит. Прибыл директор местного (мелитопольского) музея...

26/VII-73 г., четверг. С утра в Мелитополе, в РК партии. Был у секретаря Обкома, который согласился с перспективой создания экспедицией Заповедника и обещал всяческую поддержку и помощь.

27/VII-73 г., пятница. Начата работа под плитой площадью 5x5 м расположенной рядом с комплексом № 9 (Грот Мамонта) и комплексом № 11 (с отдельными линейными изображениями)...

28/VII-73 г., суббота. С утра выехали в район села Ново-Константиновки, на берег Азовского моря, где в 1935 году видел строения из известняка, и где в заглубленной камере видел обломки амфорной керамики. Местность с тех пор сильно изменилась. На берегу моря

нашли обломок красноглиняной амфоры с остатком ручки. Во второй половине дня начали работать в гроте.

29/VII-73 г., воскресенье. Продолжение работ под плитой. В комплексе № 51 – найдена первая чуринга с двойными рисунками, выполненными в методике идентичной рисункам на стене.

30/VII-73 г., понедельник. Продолжение начатых работ. Попытка продвинуться в направлении Грота Мамонта неудачна.

3/VIII-73 г., пятница. Продолжение работ под плитой, где Н. Я. Рудинским была найдена чуринга.

4/VIII-73 г., суббота. Продолжение работ предыдущего дня. В новом гроте названном Гротом Чуринг II или Святилищем Чуринг, найдено 15 чуринг.

5/VIII-73 г., воскресенье. Выходной день. Из Киева прибыл М. Л. Макаревич, уехали студентки, хорошие помощницы, Г. Волосюк и Е. Титова.

6/VIII-73 г., понедельник. Продолжение работ в Гроте Святилище, Чуринг II.

7/VIII-73 г., вторник. Продолжение работ в Гроте – Чуринг II – Святилище. Число чуринг достигло 20.

10/VIII-73 г., пятница. В Запорожьи посетил секретаря Обкома И. И. Петренко, которому изложил положение дел, и запросил его и Первого секретаря Всеволожского Н. Н. посетить Заповедник. Обещал приехать вдвоем.

11/VIII-73 г., суббота. Отправил автомашину в Киев в ИА АН УССР. И. А. Базаров передаст отчетную документацию и привезет клей БФ для консервирования.

12/VIII-73 г., воскресенье. Обследование внешнего вида Каменной могилы.

14/VIII-73 г., вторник. Как и вчера ждали работников Обкома, напрасно. Прибыла группа журналистов из Бельгии, в составе ее профессор-археолог. Совершили внешний осмотр Каменной Могилы, показал шлифовальный камень, а также Святилище Чуринг, а под конец визита гостей прочитал лекцию в лаборатории.

17/VIII-73 г., пятница. Обследован Грот Собаки, Произведен под-коп под плиту № 51

19/VIII-73 г., воскресенье. Совместно экскурсантами из местной воинской части в составе 32 человек произведен внешний осмотр Ка-

менной Могилы, С середины дня идет сильный дождь. Были в гостях у Н. А. Алексеева.

23/VIII-73 г., четверг. Временно выехал Н. А. Чмыхов – студент, который преданно работает в экспедиции.

25/VIII-73 г., суббота. Фиксируем графику на плите № 51а. Зафиксировали хазарскую надпись, изображение коня и др.

26/VIII-73 г., воскресенье. Фиксируем графику на плите № 51а. В наших работах приняли участие А. Н. Алексеев с женой и О. Ковальчук.

28/VIII-73 г., Вторник. В центральной газете «Правда» появилась публикация про наши работы на «Каменной Могиле» и в частности про находки чуринг, [газета «Правда» № 240 (20114), вторник, 28 августа 1973 года]. Перед обедом прибыл Б. Д. Михайлов с женой и выразил желание мне помочь.

29/VIII-73 г., среда. Значительную часть рабочего дня посвятил показу всей Каменной Могилы сотруднику Института Этнографии СССР О. В. Освельскому и его сослуживице. Продолжен подкоп под центральную плиту с востока.

2/IX-1973 г., воскресенье. Прибыла большая группа мелитопольской общественности, организованной для добровольных работ на Каменной Могиле моим давним другом Н. А. Алексеевым. В Южном Ходе пройдено около 11 м. Здесь на, покрывающей, плите обнаружена трещина. Работы приостановлены, до решения технических вопросов.

3/IX-1973 г., понедельник. С утра в банке. На Каменной Могиле уборка территории.

5/IX-1973 г., среда. С утра совершил удачный визит в банк. На Каменной Могиле расчистка восточной половины «Восточного хода».

6/IX-1973 г., четверг. Работаем в «Восточном Ходу». В связи с тем, что на плите длиной 5 м, под которой мы работаем, имеется сквозная трещина, а сверху над ней многотонная скальная глыба, решено засыпать западную половину «Восточного Хода» и идти в обход этого участка. Продолжаем подкоп под материковый массив в западном направлении, отступив на север от аварийного участка на расстояние 8 м.

9/IX-1973 г., воскресенье. На Каменной Могиле массовый наплыв экскурсантов. За день провел более 10 экскурсий, в том числе 5 экскурсий – для Мелитополя, Токмака, Пологи. Гостей из Мелитопольского музея не было.

11/IX-1973 г., вторник. С утра продолжили новый подкоп. На расстоянии около 1 м найдено два обломка плиты с односторонними геометрическими черточками.

12/IX-1973 г., среда. С утра подперли плиту, что лежит в новом подкопе. Подставили большой камень под ее внешний конец, это спасло мне жизнь – камень удержал плиту, когда дальний ее конец осел и я очутился под плитой.

13/IX-1973 г., четверг. Подключил для фотографирования М. Л. Макаревича. Найдено изображение оленя с повернутой головой.

14/IX-1973 г., пятница. Продолжена графическая фиксация в южном проходе. Достали куски полиэтиленовой пленки, которые используем как кальку. Зафиксировали фигурки оленя, мамонта и другие.

16/IX-1973 г., воскресенье. Очень много экскурсантов, особенно шаловливых школьников, – очень мешают работе. Продолжаем фиксацию новых изображений, – охотника и оленя.

17/IX-1973 г., понедельник. Готовлюсь к отъезду в Киев. Продолжил изучение новых деталей оленя, охотника – колдуна и мамонта.

18/IX-1973 г., вторник. Перелет из Мелитополя в Киев – по организационным делам экспедиции. На базе лабораторные работы.

19/IX-1973 г., среда. В Киеве по организационным делам экспедиции. На Каменной Могиле – охрана объектов, на базе лабораторные работы.

26/IX-1973 г., среда. В Киеве по организационным делам экспедиции. Приобрел авиабилет до Мелитополя. На Каменной Могиле – охрана объектов осуществляется собственными силами студентов Пединститута.

27/IX-1973 г., четверг. Из Киева самолетом прибыл в Мелитополь. В мое отсутствие сотрудники экспедиции сберегли в полной сохранности объекты Каменной Могилы.

28/IX-1973 г., пятница. В связи с предстоящим отъездом в Киев М. Л. Макаревича, готовлю письмо директору Института археологии АН УССР.

29/IX-1973 г., суббота. С раннего утра готовлю письмо для заместителя Министра Культуры Украины т. Буланого. Вечером отбыл в Киев М. Л. Макаревич.

1/X-1973 г., понедельник. Очень плодотворный день. В Гроте Колдуна на стене обнаружены изображения ряда фигур, в которых

просматриваются антропоморфные изображения и фигуры животных. Здесь найдена скульптурная головка мамонта.

4/X-1973 г., четверг. Продолжение работ предыдущего дня. Сделано две копии на полиэтиленовую пленку: мамонта, рядом с которым людские фигуры. Вечером приехало семь сотрудников Института археологии УССР и водитель на автомашине ГАЗ-51.

5/X-1973 г., пятница. С участием всех прибывших сотрудников продолжены работы предыдущего дня. Выявлены новые фигуры в Гроуте Колдуна: лося, бизона и других.

7/X-1973 г., воскресенье. Из – за наплыва экскурсантов – горячий день. В мое отсутствие, когда я был в Мелитополе, Б. Д. Михайлов привез группу своих учеников из 17 человек и завел их в Грот Колдуна...

16/X-1973 г. Прибыл художник А. В. Фисун. Продолжены фиксационные работы». (Последняя дневниковая запись В. Н. Даниленко).

22 мая 1974 г. приказом директора ИА АН УССР И. И. Артеменко была создана комиссия в которую вошли О. Н. Бадер (ИА АН СССР, Москва, докт. ист. наук, председатель), В. Н. Гладилин (Институт зоологии АН УССР, секретарь), В. Н. Даниленко (ИА АН УССР, докт. ист. наук), И. Г. Подопличко (Институт зоологии АН УССР, академик АН УССР), А. П. Черныш (Институт общественных наук АН УССР, Львов) Они осмотрели в Киеве 23 – 24 мая 1974 г. большой вещественный и графический материал, полученный в результате работ Приазовской экспедиции на Каменной могиле в 1973 г. и заслушала комментарии В. Н. Даниленко.

25 мая члены комиссии, в неполном составе (исключая И. Г. Подопличко и А. П. Черныша) прибыли на Каменную могилу, и в течение 26 мая 1974 г. осмотрели объекты открытые в 1973 г., и более подробно – комплекс так называемой Пещеры Колдуна.

На основании полученной информации осмотра материалов в Киеве и на месте, комиссия пришла к следующему заключению:

1. В связи с тем, что Приазовская экспедиция в 1973 г. сосредоточила свое внимание на изучении периферийных участков, покрывающего Каменную могилу первозданного песчаникового массива, в изучении этого памятника начался новый этап, продолжение которого в будущем обещает значительные перспективы.

2. Большим достижением экспедиции следует считать обнаружение и исследование так называемого Святилища чуринг, где были открыты новые, вероятно, неолитические линейно-геометрические изображения, а так же до 40 вытянуто – овальных, нередко рыбообразной формы конкреций местного песчаника, с односторонними или двухсторонними линейно-геометрическими начертаниями.

Наиболее вероятная датировка комплекса Святилища чуринг – неолит, возможно мезолит.

3. Возможно еще большим достижением экспедиции явилось открытие и начало планомерного исследования Пещеры Колдуна, где была открыта группа своеобразных гравированных изображений, включающих свыше 200 фигур – преимущественно зооморфных и изредка антропоморфных, до 100 плиток разнообразной формы, связанных с так называемой Скинией, на полкообразных выступах которой они преимущественно находились, а также несколько изделий, типа примитивных скульптур, и рельефов.

4. Работу затрудняли недостаток времени, ненадежность осветительных средств, а также то, что находящиеся на потолке Пещеры Колдуна изображения с целью выявления и переснятия их на полиэтиленовую пленку, фотографирования, консервации и в перспективе – экспонировании, были наведены пастельным углем, покрыты клеем и лаком.

5. Рассматриваемый комплекс в отношении техники исполнения рисунков может быть охарактеризован как гравюры, вырезанные кремнем на песчанике. Их характеризуют малые размеры линий, отличающиеся тонкостью (от 1 до 3 мм), обычно густо расположенных, криволинейных, с намечающимися зооморфными и антропоморфными мотивами.

Выявление изображений, исполненных в подобной технике, является несомненным достижением В. Н. Даниленко и его сотрудников.

6. О том, что подобные изображения скорее всего вырезались с помощью кремневых пластин, говорит сделанная В. Н. Гладилиным находка пластинчатого кремневого орудия со следами сработанности, у восточного входа в Пещеру Колдуна.

7. Сосредоточив основное внимание на просмотре фигур, трактуемых В. Н. Даниленко как изображения мамонтов и носорогов,

члены комиссии О. Н. Бадер и В. Н. Гладилин, пользуясь приемами выявления рисунков косым освещением [карманным фонариком] и прощупыванием линий, в ряде случаев не смогли выявить такие характерные детали животных как части головы, бивни, хоботы и глаза, что разрешило им усомниться в присутствии в составе комплекса изображений таких заведомо плейстоценовых животных как мамонты и носороги. Последнее обстоятельство, по их мнению, на данном этапе работ отодвигает решение вопроса о палеолитическом возрасте комплекса изображений Пещеры Колдуна.

8. Основное внимание комиссия направила на методику фиксации и точность воспроизведения изображений, преимущественно оставляя в стороне вопросы семантики изображений, которые, в случаях недостаточной отчетливости и схематичности, могут пониматься разными авторами по-разному. Это обстоятельство разрешает В. Н. Даниленко высказывать свою точку зрения как в отношении трактовки отдельных изображений и возраста комплекса в целом.

9. Достаточно ясных палимпсестов, столь важных для установления относительной датировки наскальных изображений, члены Комиссии О. Н. Бадер и В. Н. Гладилин не констатировали ни в местах работ 1973 г., ни в Гроде Мамонта.

10. Комиссия отмечает очень большой научный интерес открытой на Каменной могиле новой группы изображений и огромную целеустремленность, энергию, а временами и мужество, проявленные при этом начальником экспедиции В. Н. Даниленко и его сотрудниками.

11. Комиссия рекомендует продолжать поиски и изучение изображений Каменной могилы, безусловно приняв необходимые меры для безопасности работающих: укрепить растрескавшиеся песчаниковые плиты, грозящие обвалами; наладить надежное электрическое освещение, практиковать фотографирование до наведения изображений тонирующим материалом, обеспечить получение эстампажей, применяя новые средства фиксации.

12. Комиссия отмечает недопустимость рытья с помощью машин нескольких глубоких канав между зданием Музея и Каменной могилы, проложенных Мелитопольским музеем, разрушивших слой древнего поселения эпохи бронзы, проведения дамбы через неолитическое поселение, что лишало стока часть Красного озера и превратило его в

болото, и наконец, самовольную посадку двух полос лесонасаждений, также на заповедной территории.

13. Нельзя также не указать на безответственность строителей Музея на заповедной территории. Отмечается, что здание не отделено от склона Красной горы бетонированным стоком, вследствие чего талая и дождевая вода со склона проникала сквозь стену здания, а его угол был подмыт и мог обрушиться.

14. С целью получения наиболее объективной характеристики новых открытий на Каменной могиле, целесообразно, чтобы в ходе работ 1974 г. с ними познакомилось возможно большее число специалистов.

15. Необходимо принять экстренные меры для превращения комплекса Каменная могила в действующий Заповедник АН УССР, к окончанию начатых работ по музеефикации Каменной могилы и координации усилий Академии наук УССР и Министерства культуры УССР, Комиссия высказывается за организацию специального отдела по Каменной могиле в составе Института археологии АН УССР, с целью систематического изучения, музеефикации и охраны Каменной могилы как памятника Всесоюзного и мирового научного значения.

Председатель (О. Н. Бадер)

Секретарь (В. Н. Гладилин)

Члены комиссии (В. Н. Даниленко)

(И. Г. Подоличко)

(А. П. Черныш).

В связи с отсутствием полноценного финансирования ИА АН УССР экспедиционных работ на Каменной могиле В. Н. Даниленко было предложено возглавить Донецкую постоянную археологическую экспедицию. Некоторую часть средств В. Н. Даниленко решил использовать для финансирования работ Приазовской экспедиции.

В состав экспедиции входили: В. Н. Даниленко, Я. П. Гершкович, В. В. Гусар и ряд студентов Киевского Университета им. Т. Г. Шевченко.

Сотрудники экспедиции с сентября по декабрь 1974 г. проводили раскопки курганного могильника в районе г. Макеевки и попутно – некоторые работы на Заповедной территории АН УССР «Каменная могила».

Из экспедиционного отчета В. Н. Даниленко (НА ИА НАН Украины 1974/15):

«Ввиду занятости по Донецкой экспедиции, у нас оставались минимальные возможности для работ на заповеднике Каменная могила. И тем не менее, здесь нам удалось побывать дважды – весной, в составе комиссии по обследованию новых открытий.

Для пользы дела мы сумели лишь зачистить и зафотографировать профиль в пещере Колдуна. Высота профиля здесь около 1 м, верхняя треть – переваянная гумусированная толща песка, две нижних трети – светложелтый (аллювиальный) песок с прослойками орштейна.

Во второй половине сентября группе сотрудников было поручено очистить раскопанную часть полости Пещеры Колдуна для последующего производства крепежных работ. Выемка нового грунта производилась лишь в левой (западной) части южного (центрального) хода пещеры. Был проделан ход в направлении северо-западной оконечности Скинии. Здесь, на поверхности светлого материкового песка, найдено до 10 песчаниковых плит, длиной от 0,7 до 0,1 м, преимущественно с односторонними начертаниями. Их обнаружение следует считать большой удачей. На большинстве плит прослеживается сочетание линейных изображений с зооморфными или антропоморфными. И те и другие – очень близки к открытым в 1973 г. на потолках. Это указывает на то, что изображения на потолках и на плитках синхронны.

Весьма важно открытие плитки с изображением рогатой антропоморфной фигурки, а также, возможно, скульптуры тучной женщины (с отбитой головой).

На левом (западном) карнизе Пещеры Колдуна заметен ряд еще не зафиксированных линейных изображений, среди которых, вероятно, присутствуют и антропоморфные. Их изучение дело будущего...»

Ниже приводятся фрагменты из дневниковых записей В. Н. Даниленко (НА ИА НАН Украины 1974/15, ф. о. №):

«23/IX-1974, понедельник. Грузили экспедиционное оборудование и материалы.

24/IX-1974, вторник. Выехали в путь. При мне в дороге – В. Гусар, С. Л. Швецов, Н. А. Чмыхов, Е. Титова, Ю. Бойко. Сделали остановку в Новомосковске.

25/IX-1974, среда. Около 12-ти прибыли в с. Мирное. На Каменной могиле не было охраны. Проверкой установлено, что все изображе-

ния в Пещере Колдуна остались неприкосновенными. Ни одной новой (пакастной) надписи не было сделано. Машина со Швецовым и Бойко отбыла в Донецк. ... Швецову поручено выполнить в Макеевке некоторые организационные мероприятия.

26/IX-1974, четверг. Утром лаборанты Н. Чмыхов и Ю. Гусар пошли зачищать «конские» плиты и расчищать вход в Пещеру Колдуна. Е. Титова поехала в Мелитополь пригласить Б. Д. Михайлова и купить фонарики.

29/IX-1974, воскресенье. Переезжаю в Донецк – Макеевку. На Каменной могиле оставляю группу лаборантов под руководством Н. А. Чмыхова, им поручено продвинуться в направлении Скинии на 1 м. Тут выявлены рисунки, однако, сильно стилизованных мамонтов...

30/IX-1974, понедельник. На Каменной Могиле выполняются мои поручения по эвакуации перекопанного песка.

4/X-1974, пятница. На Каменной могиле группа под руководством Н. А. Чмыхова осуществляла эвакуацию перекопанного песка, освободив место для проведения крепежных работ.

5/X-1974, суббота. На Каменной Могиле выполняются мои поручения, Вечером вернулся на Каменную Могилу. Проверил выполнение порученных работ.

6/X-1974, воскресенье. На Каменной могиле напряженный день, через наплыв туристов, что обусловило проведение не менее 10 экскурсий. Продолжается эвакуация грунта из Пещеры Колдуна, фиксируется вход в направлении конца Скинии, по фризу [просматриваются] рисунки, рядом с ними несколько правее – плитки с линейно – геометрическими изображениями.

7/X-1974, понедельник. ...На Каменной могиле, – продвижение в направлении конечной части Скинии. ...На левом фризе изображения и плитки с линейно – геометрическими изображениями. Особый интерес представляет плитка с антропоморфными изображениями, одно из них возможно, рогатое.

9/X-1974, среда. ...На Каменной могиле, – засыпка Восточного хода (в) Пещеру Колдуна и Конских плит (здесь помогали школьники). Отбыл Н. А. Чмыхов».

Дневниковые записи В. Н. Даниленко заканчивается датой 12/X-1974.

По сообщению работавшего с В. Н. Даниленко Я. П. Гершковича, исследования на Каменной Могиле, могли проводиться и в 1975 году. Практически ежегодно В. Н. Даниленко находил время, не смотря на занятость, чтобы поработать на Каменной Могиле.

Согласно перспективного плана-проспекта темы старшего научного сотрудника Института археологии АН УССР, доктора исторических наук, проф. В. Н. Даниленко было намечено составление «Свода наскальных изображений Каменной могилы». Планировалось более полное изучение и фиксация наскальных изображений Каменной могилы, начиная от палеолитических и заканчивая средневековыми. ... Проведение экспедиционных и камеральных работ, планировалось на 1979-1988 гг., Планировалось также написание объемной монографии. Однако планам Ученого помешала его преждевременная кончина.

Монография «Кам'яна могила» (К., «Наукова Думка», 1986)» без авторской корректуры, в сокращенном варианте вышла в свет под редакцией к. и. н. ИА АН УССР В. И. Неприной лишь в 1986 году.

Постановлением Кабинета Министров Украины от 27 декабря 2001 года № 1760 исторический памятник «Каменная Могилка» внесен в Государственный реестр Украины.

Согласно Указа Президента Украины от 10.09.2008 года № 815/2008 присвоен Заповеднику «Каменная Могилка» статус Национального, нового наименования.

Вашему вниманию, уважаемый читатель, предлагается короткий фрагмент из газеты «Літературна Україна», не вошедший в научную публикацию В. Н. Даниленко о его работах на «Каменной Могиле» в 1947 году, и более позднем периоде. Он писал – «...Ми приїхали вночі. Супутники ладні були чекати до ранку, і я не став їх примушувати йти за мною. Ось Червона гора, яка дихала чебрецем. Ось і долина річки, в якій чорно-синім кораблем постала Кам'яна могила. Ноги самі біжать назустріч мрії, яку чекав майже 10 років. І раптом у вічі – один, а поруч і другий зяючі темні квадрати на тілі Червоної гори. Шурфи глибиною в кілька десятків метрів – сліди перших мирних кроків геологів. Виручили зир і увага солдата – розвідника, багаторічна натренованість і пильність. Ось і долина, і той самий священної чистоти пісок, і ті самі пісківцеві брили. А за плечима відгомонила ціла епоха людства... Ранком оглядали рани землі. Грот

«Мамонта» осів, але все зберігало ознаки мудрої монументальності якоїсь нерухомості природи... Пошуки нових знаходок, із наскельними зображеннями до нових знахідок не привели. Але й без того була зрозуміла вся важливість рекомендацій П. П. Єфіменка – директора Інституту археології України – зосередити увагу на дослідженні стратифікованих поселень у районі Кам'яної могили.

Досліджувалися обидва стародавні поселення на південь і схід від Кам'яної могили. Насамперед – із метою одержання стратиграфічної картини. Вдалося досягти і досі не перевершених для всього степового неоліту й енеоліту результатів: виявлено, що тут немає жодних мезолітичних нашарувань; відкрито цілу групу докерамічних, архаїко-неолітичних шарів із індустрією т. зв. Кукрецького типу; знайдено два шари Приазовської неолітичної культури – ранній і пізній, перекриті значним стерильним прошарком; цілу серію степових енеолітичних шарів і, нарешті, бідні шари часів бронзового віку.

... У 1951 – 1957 роках на Кам'яній могилі працювала експедиція ІА АН УРСР на чолі з М. Рудинським. Основним завданням була фіксація та публікація виявлених зображень. У роботі М. Рудинському допомагав В. Гладилін, який після передчасної смерті основного дослідника взяв на себе тягар видання зведення зображень Кам'яної могили. М. Рудинський доклав чимало зусиль, щоб довести хронологічну одношаровість зображень на Кам'яній могилі та їх органічну приналежність до палеометалевої доби. Особливе зауваження викликала думка про наявність серед зображень палеолітичного та епіпалеолітичного (мезолітичного) нашарувань.

1952 року авторові [В. М. Даниленко – зав. відділом первісної археології ІА АН УРСР – М. Д.] вдалося бувати в експедиції, яку очолював Рудинський. В цілому роботи обмежувалися гротом «Мамонта». Було встановлено два важливих факти: по – перше, плита із зображенням мамонта і стилістично схожих на нього фігур відірвалася від стелі і спала на поверхню рівня знахідок, які на підставі аналізу крем'яного інвентаря і окремих знахідок кераміки можуть бути віднесені до часів поширення стародавньооямних пам'яток т. зв. Стогівського типу. По – друге, було встановлено, що саме до цього часу належать лінійно – геометричні зображення з малюнками

коней, що тягнуть волокушу, а також виникнення бар'єра з каменів уже на межі грота «Мамонта» та наступної у східному напрямку плити, де зображень немає.

Оскільки в 50-х роках ухвалили, що через вершину Кам'яної могили пройде гребінь дамби запланованої тут Мелітопольської ГЕС, вирішено форсувати рятувальні археологічні роботи в районі комплексу.

[Благодаря энергичным протестам ученых – археологов Украины и Союза – М. Д.]. Кам'яна могила разом із поселеннями довкруги залишилося не порушеною – припинилося будівництво ГЕС.

Влітку 1952 року, збираючи матеріали для кінофільму «Поєма про море», у табір експедиції прибули О. Довженко та Ю. Солнцева. Згадується, уже звечоріло. Олександр Петрович розповідав про варіант «Зачарованої Десни». Вислухавши, я зауважив, що моя степова Україна має свої переваги. «Покажи», – попросив він. Довелося відповісти, що з долини всього не побачиш. І Довженко відразу ж погодився перейти на краще місце – Червону гору.

Піднялися стрімкими схилами. Стали. «Покажуй», – наполягав він, а я сказав, що треба сісти. Сіли. «Видно?» – питаю. «Нічого не бачу», – нетерпляче відповідає він. «Покладіть руку на землю, вирвіть, що під неї потрапить, розітріть і понюхайте!» Довженко все це робить. Запахло чебрецем. «Євшан – зілля», – кажу. Митець не заперечив. «А тепер дивіться туди, де синьо-чорний обрій!» І я малював перед ним картини Сарматського моря, первозданну долину Прамолочної з чередою південних слонів, палеолітичну оселю, заснування поселення біля Кам'яної могили, перших тутешніх митців, навалу скіфської кінноти та багато іншого. І після кожної панорами запитував, чи він бачить. Довженко щоразу бентежно відповідав, що бачить. Мабуть, і справді бачив великий художник і поет, хоча, можливо, не зовсім те, що малював і бачив я, імпровізатор. Як особливе досягнення періоду 60-х років слід відзначити напіврозвідкові роботи В. Гладиліна та його помічника, краєзнавця Б. Михайлова, які на свій розсуд подолали один із бар'єрів гроту Мамонта...

Із 1969 року Приазовська експедиція Інституту археології АН УРСР на чолі с автором [В. Н. Даниленко] поновила систематичні роботи з дослідження Кам'яної могили. 1973 року було відкрито

два нових гроти: грот Чуриг, де виявлено близько 40 рибоподібних «чуриг» із лінійними накресленнями, та Печеру Чаклуна, де відкрито кількасот гравійованих зображень (на думку автора, палеолітичних)...». (газ. «Літературна Україна» № 11, 25 березня 2010 г.)

Текст к печати, об экспедиционной работе В. Н. Даниленко в 1946 г. в районе разрушенного Днепрогэса, на «Каменной Могиле» в 1947 и другие годы, подготовил его сын.

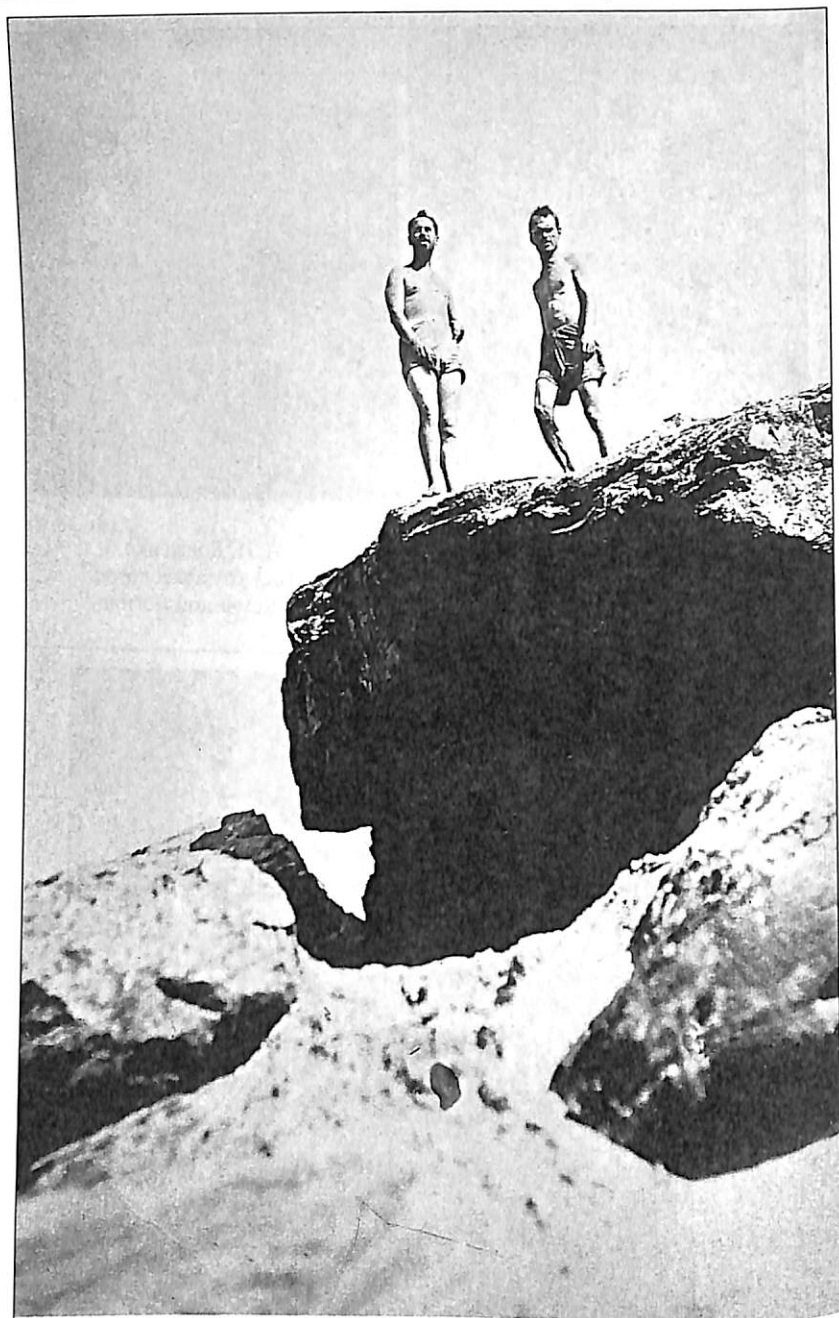
1952 год.

За столом А. Довженко, Ю. Солнцева,
Н. Рудинский, В. Даниленко
(зав. отделом первобытной
археологии ИА АН УССР)

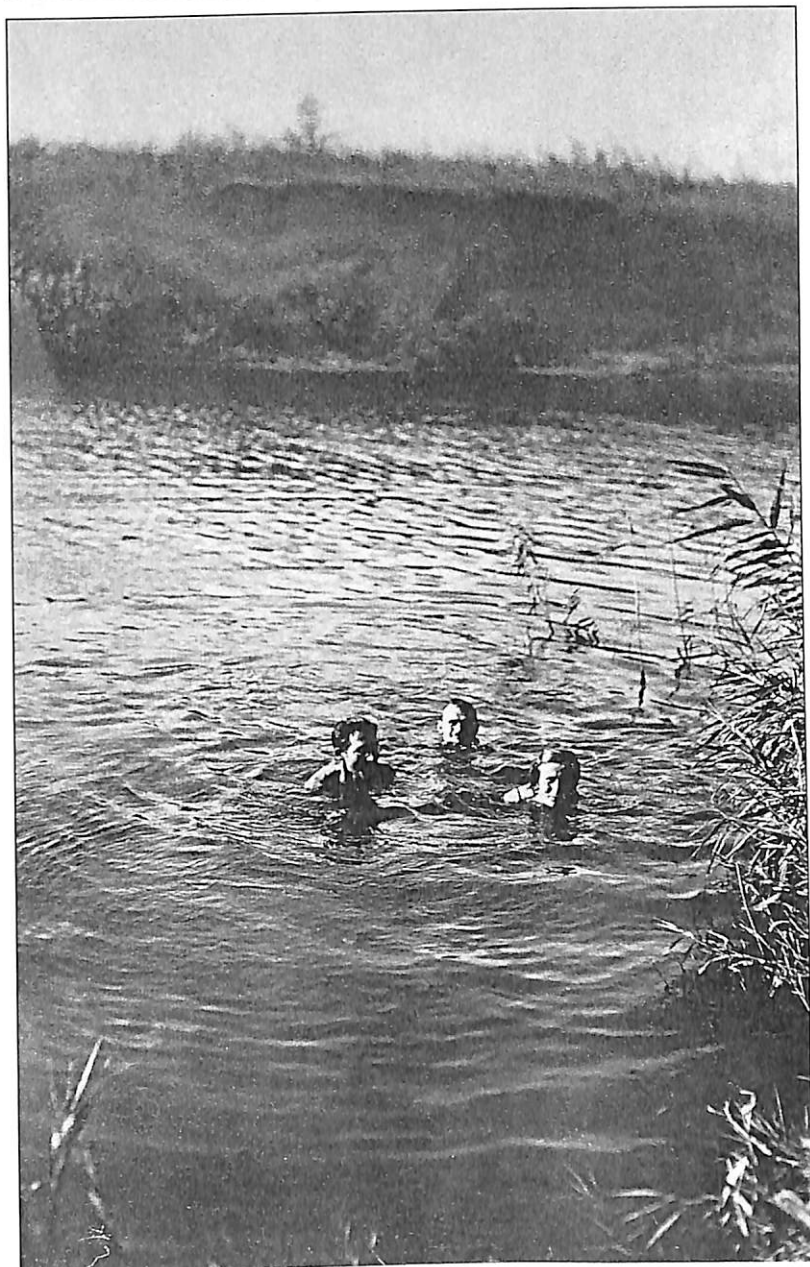
А. П. Довженко
в гостях у археологов
на Каменной могиле

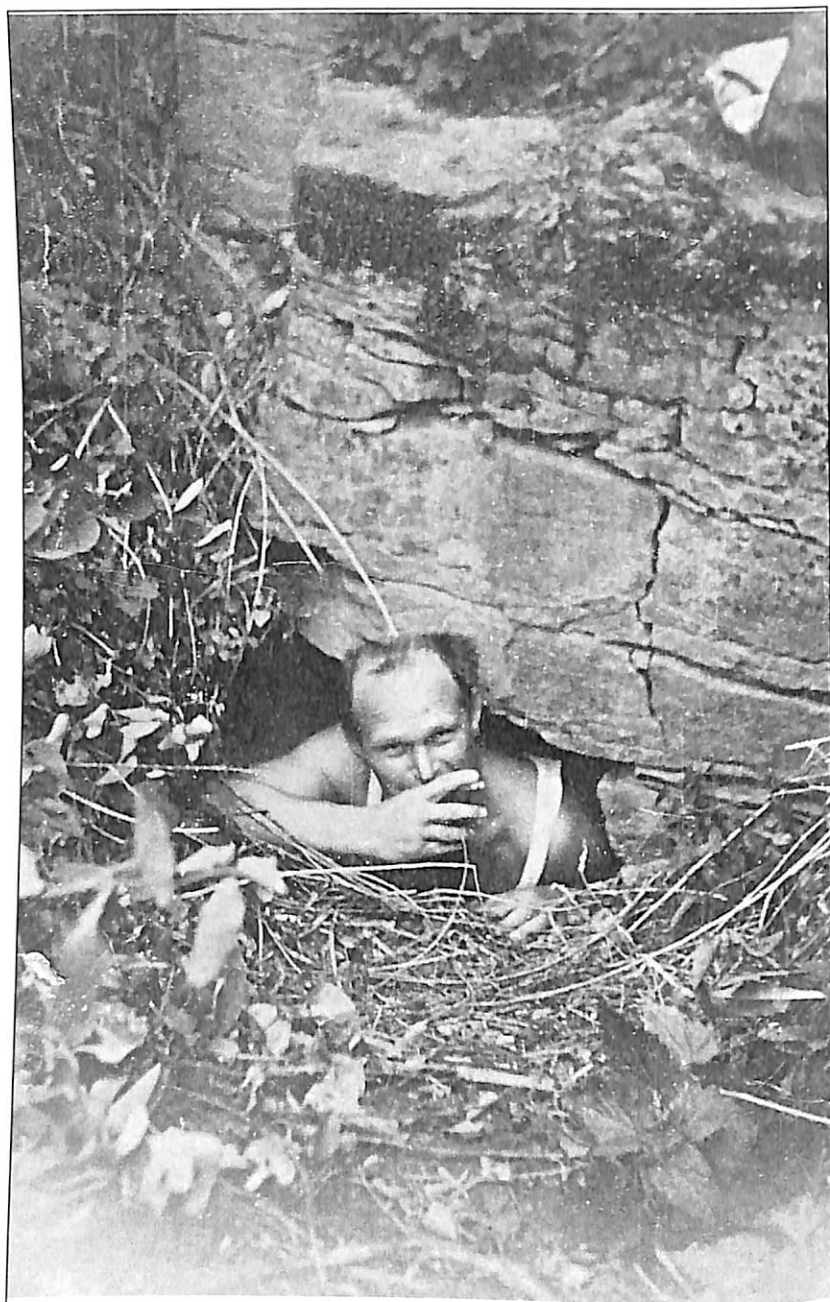
Учитель В.Н. Даниленко и ученик Б.Д.Михайлов

1938 год. В.Н. Даниленко и О.Н. Бадер. на Каменной Могиле

1938 год. Купание в реке Молочной

1952 год. Каменная Могила

1958 год. Прага. Международная конференция

1958 год. Прага. Международная конференция. Надпись на обороте: Договору сыночку Мирославу. Экспедиция была удачной. Хотел бы тебя с Володей пригласить на будущий год в экспедицию

1958 год. Прага. Международная конференция.

1958 год. Прага. Международная конференция.

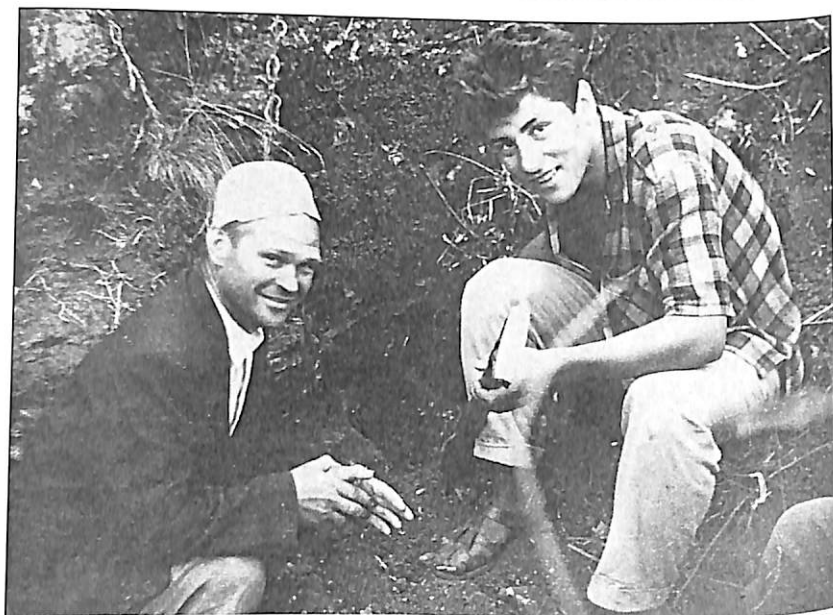
1961 год. Южный Буг

1961 год. Южный Буг. В.Н.Даниленко (справа),
П.И.Хавлюк со студентами

1961 год.
Валентин Николаевич Даниленко
на древнейшем языческом памятнике село Буша

1961 год.
Раскопки древнейшего языческого памятника. Село Буша.

1961 год.

Фото на память с жителями села Буша. В центре - Валентин Николаевич Даниленко, за ним сын - Мирослав, справа (с папкой) - Надежда Михайловна Кравченко и студенты университета

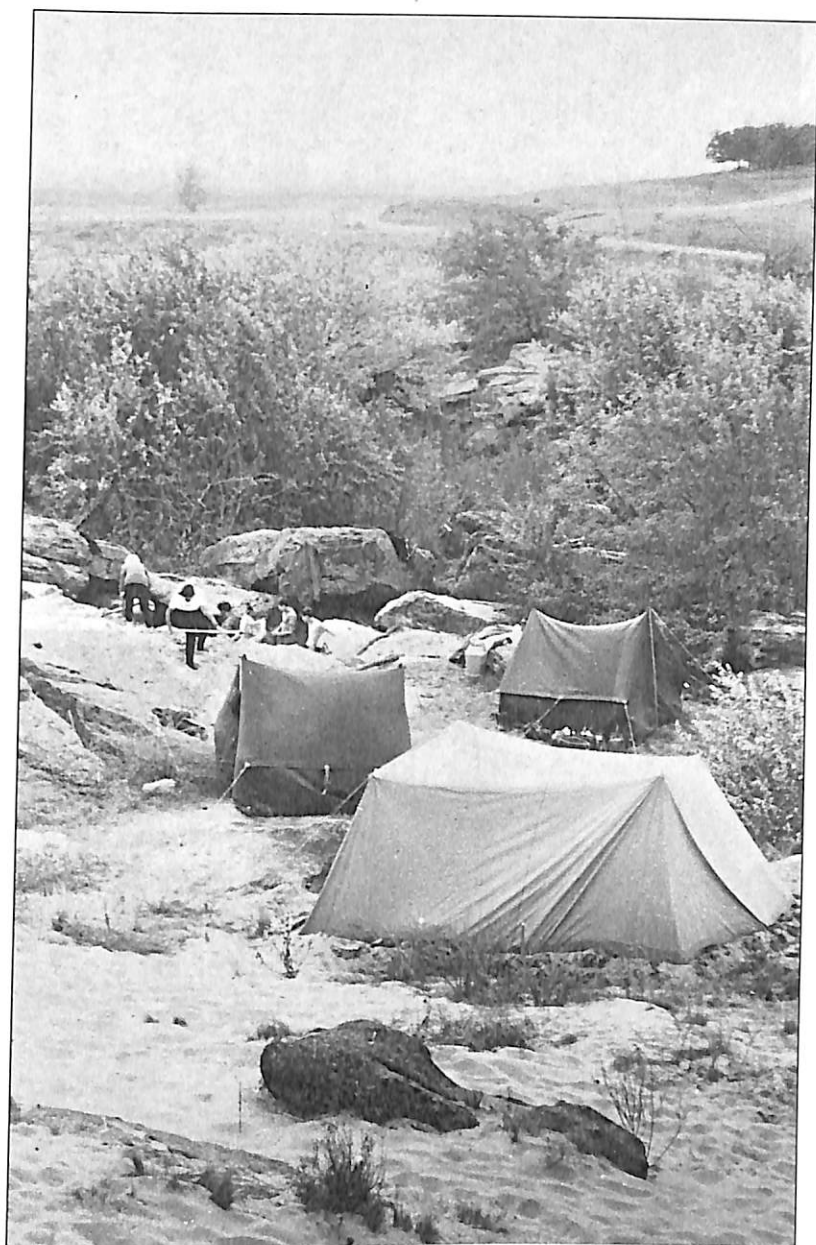
Сентябрь 1961 года. Фото на память:
Валентин Николаевич Даниленко с учениками
и преподавателем истории Дзиговской средней школы села Буша
после интересного рассказа о древнем языческом памятнике Украины

1969 год. Киев, ул. Ярославская, 43

На обороте: Октябрь 1971 года. Доктор исторических наук В.Н. Даниленко на Каменной Могиле

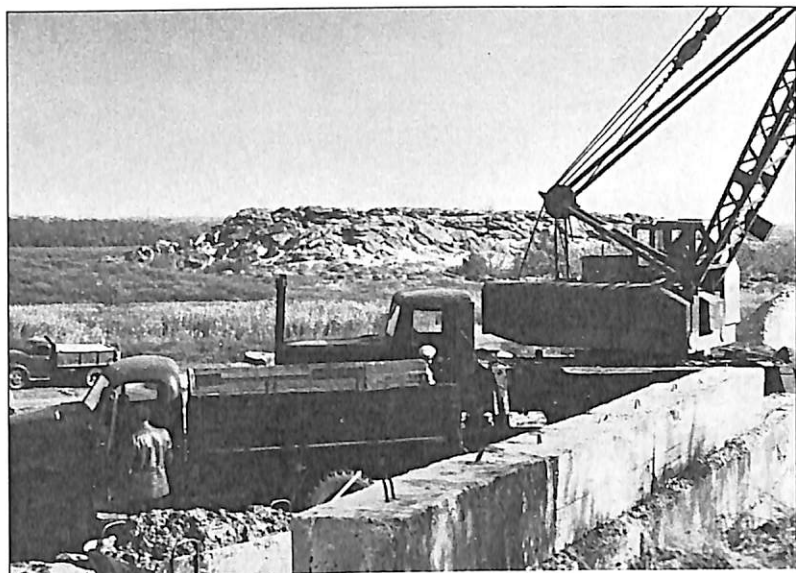
Лето 1971 года. Экспедиционный лагерь у Каменной Могилы

1971 год. Раскопки на Каменной могиле. В. Н. Даниленко и Б.Д. Михайлов.

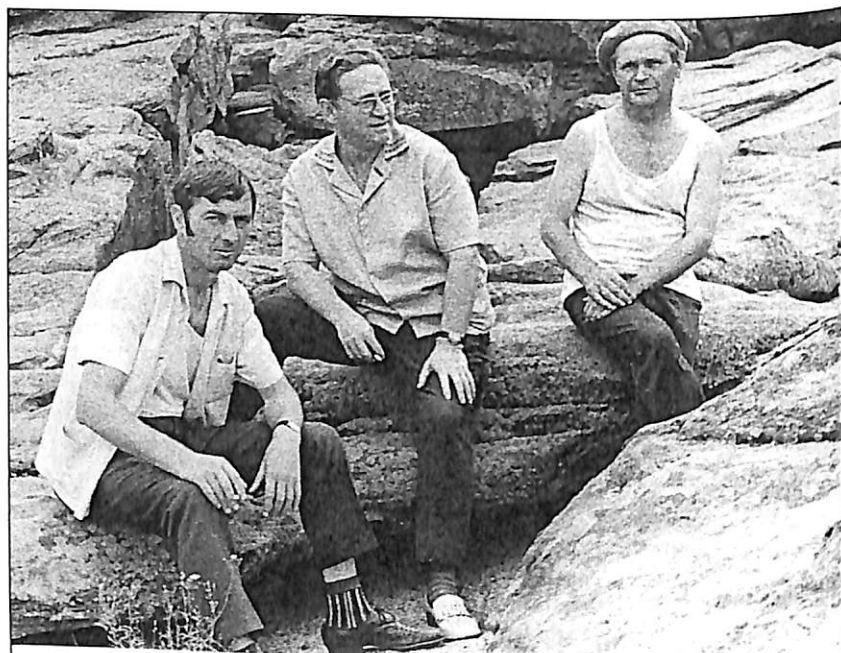
1971 год. Раскопки на Каменной могиле.

1971 год. Строительство музейного комплекса «Каменная могила»

1971 год. Расчистка прохода

1973 год. Корреспонденты газеты «Серп и молот» на Каменной могиле
в гостях в В.Н. Даниленко

НАШІ ПЕРШО

НОВІ ЗНАХІДКИ НА КАМ'ЯНІЙ МОГИЛІ

На всесвітню відому археологію — Кам'яні Могили впродовж епохи АН УРСР, очолювана доктором історичних наук В. М. Даниленком, Південна розвідка В. Кіриєва викопала поховання там і там біля двох вчених. Нині це поховання вилучили.

ЗАПИТАННЯ: Скажіть, будь ласка, Валентине Михайловичу, яку ще ніку ви знайшли в похованні?

ВІДПОВІДЬ: Головне в мене запитання — паростоків зовсім немає території Ашаренті Північ Кам'яну могили в дорозі знаходиться. Маю намір створити тут музей, в якому будуть експонуватися знахідки металевих виробів, пробишки різних металів, а також і інші знахідки, які знайшлися в похованні.

Крім цього, на сайті Кам'яної могили також відкрито для огляду відвідувачів кілька гробів та плит з бронзи, міді, свинцю, та інші знахідки. Також, там знайшли «миски», «двигни» і «плитки» з бронзи і свинцю.

Крім необхідного також зробили трипа для підняття на вершину Кам'яної могили, щоб відвідувачі могли зглянути туди і не розсувати кісок, бо це викликає обиди і руйнування плит.

Треба також вжити заходів до охорони пам'яток уні-

кального комплексів, таких, як, наприклад, як «Гроби Мискові», стели в якому два трикутні, тощо. Обсяг робіт, як бачите, великий, а грошей стаєть. Маю все заплановано до 20 жовтня.

ЗАПИТАННЯ: Чи не варто цілком звичайні в невідомому році?

ВІДПОВІДЬ: Знахідки є і чиняться. Я віднахожу Кам'яні могили кожному вже 40 років, але знайшли на знахідки майже щодня.

На закінченні перевертати «Гроби Мискові» ми знайшли дивацько культурною справу, який відноситься до 4 тисячоліття до н.е. Це були знахідки з бронзи, свинцю, та інших металів, а також і інші знахідки. Серед знахідок — металеві миски, «двигни», «плитки» з бронзи, свинцю, та інших металів. Також знайшли «миски», «двигни» і «плитки» з бронзи і свинцю.

Оскільки в останні, як ми знаємо, вилучили поховання, то ми знайшли в них багато знахідок, які ми знайшли в інших похованнях. Це були знахідки з бронзи, свинцю, та інших металів. Також знайшли «миски», «двигни» і «плитки» з бронзи і свинцю.

Треба також вжити заходів до охорони пам'яток уні-

кального комплексів, таких, як, наприклад, як «Гроби Мискові», стели в якому два трикутні, тощо. Обсяг робіт, як бачите, великий, а грошей стаєть. Маю все заплановано до 20 жовтня.

ЗАПИТАННЯ: Чи не варто цілком звичайні в невідомому році?

ВІДПОВІДЬ: Знахідки є і чиняться. Я віднахожу Кам'яні могили кожному вже 40 років, але знайшли на знахідки майже щодня.

На закінченні перевертати «Гроби Мискові» ми знайшли дивацько культурною справу, який відноситься до 4 тисячоліття до н.е. Це були знахідки з бронзи, свинцю, та інших металів, а також і інші знахідки. Серед знахідок — металеві миски, «двигни», «плитки» з бронзи, свинцю, та інших металів. Також знайшли «миски», «двигни» і «плитки» з бронзи і свинцю.

Треба також вжити заходів до охорони пам'яток уні-

кального комплексів, таких, як, наприклад, як «Гроби Мискові», стели в якому два трикутні, тощо. Обсяг робіт, як бачите, великий, а грошей стаєть. Маю все заплановано до 20 жовтня.

ЗАПИТАННЯ: Чи не варто цілком звичайні в невідомому році?

ВІДПОВІДЬ: Знахідки є і чиняться. Я віднахожу Кам'яні могили кожному вже 40 років, але знайшли на знахідки майже щодня.

На закінченні перевертати «Гроби Мискові» ми знайшли дивацько культурною справу, який відноситься до 4 тисячоліття до н.е. Це були знахідки з бронзи, свинцю, та інших металів, а також і інші знахідки. Серед знахідок — металеві миски, «двигни», «плитки» з бронзи, свинцю, та інших металів. Також знайшли «миски», «двигни» і «плитки» з бронзи і свинцю.

Треба також вжити заходів до охорони пам'яток уні-

кального комплексів, таких, як, наприклад, як «Гроби Мискові», стели в якому два трикутні, тощо. Обсяг робіт, як бачите, великий, а грошей стаєть. Маю все заплановано до 20 жовтня.

ЗАПИТАННЯ: Скажіть, будь ласка, Валентине Михайловичу, яку ще ніку ви знайшли в похованні?

ВІДПОВІДЬ: Головне в мене запитання — паростоків зовсім немає території Ашаренті Північ Кам'яну могили в дорозі знаходиться. Маю намір створити тут музей, в якому будуть експонуватися знахідки металевих виробів, пробишки різних металів, а також і інші знахідки, які знайшлися в похованні.

Крім цього, на сайті Кам'яної могили також відкрито для огляду відвідувачів кілька гробів та плит з бронзи, міді, свинцю, та інші знахідки. Також, там знайшли «миски», «двигни» і «плитки» з бронзи і свинцю.

Крім необхідного також зробили трипа для підняття на вершину Кам'яної могили, щоб відвідувачі могли зглянути туди і не розсувати кісок, бо це викликає обиди і руйнування плит.

Треба також вжити заходів до охорони пам'яток уні-

Фото О. Курякова.

Публикация в газете «Серп и молот»

Вступление

Вашему вниманию уважаемый читатель, предлагается четвертая неопубликованная глава: «Из опыта дешифровки религиозно-идеологической системы» из второго варианта монографии «Неолит Украины» (К., «Наукова думка», 1969) известного украинского ученого-археолога, этноисторика Украины и лингвиста, доктора исторических наук, проф. В. Н. Даниленко (1913-1982). Второй вариант монографии «Неолит Украины, буго-днестровский неолит как основа периодизации», состоящий из IV глав, был написан В. Н. Даниленко к началу 1962 года, (НА ИА НАН Украины ф. 12, н. р. № 521). Тогда же первый экземпляр рукописи монографии, состоящий из четырех глав, содержащий 594 страницы машинописи, был направлен на отзыв в Институт Археологии АН СССР имени директора акад. Б. А. Рыбакова, который поручил редактирование монографии тогда еще, к. и. н. Н. Я. Мерперту. Отзыв на работу, датированный 24. VI. 1964 г., с замечаниями редактора и экземпляром рукописи был возвращен автору. В своей рецензии редактор монографии, в частности, пишет:

«... Вторая часть рукописи (III-IV главы), при всей своей сложности, читаются с большим интересом. Построения и выводы В. Н. Даниленко, представленные в ней, привлекут, несомненно, внимание большого круга специалистов по древнейшей истории», стр. 5.

«... Ряд поправок и замечаний [зелеными чернилами] сделан мною непосредственно в тексте работы»

«... Полагаю, что рукопись В. Н. Даниленко, содержащая ценнейший материал, всесторонне исследованный и представленный на широком историческом фоне, должна быть утверждена к печати со всеми иллюстрациями. В виду особой важности темы на качество последних следует обратить особое внимание», стр. 10.

Определенную сложность для В. Н. Даниленко было своевременно подготовить и представить иллюстрационный материал к четвертой главе, так как это требовало довольно длительной и кропотливой работы опытного художника. По этой причине в ИА АН СССР, после доработки, был направлен обновленный третий вариант монографии: «Неолит Украины», (К., «Наукова думка», 1969), подписанный редактором к печати в апреле 1966 года, и состоящий из пяти глав (602 стр.) не содержащий указанную главу...

Среди археологов Украины бывшего СССР и многих зарубежных ученых В. Н. Даниленко, по праву, считался этноисториком Украины. Предметом его исследований была вся история Украины. Начиная от палеолита и заканчивая Средневековьем. Его археологические раскопки отличались тем, что каждый археологический слой исследованной им территории любовно описывался, в результате чего появлялась очередная научная работа, которая «по непонятным причинам» ложилась на полку Научного Архива ИА АН УССР. Большая часть из них стала научными работами других «авторов». Подобная тенденция, похоже, продолжается и по сей день.

В. Н. Даниленко были написаны крупные монографии: «Неолит Украины», (К., «Наукова Думка», 1969); «Энеолит Украины», (К., «Наукова Думка» 1974); «Кам'яна Могила», (К., «Наукова Думка», 1986); «Космогония первобытного общества», (Фастов – Славутич, «Прайд», 1997) и целый ряд других работ (см. «Археология Украинской ССР» К., «Наукова Думка» 1989), а также крупные «пропавшие» работы: «Бронзовый век Украины» (см. «Энеолит Украины», К., 1974, стр. 5), «Этногенез славян», «Дохристианское письмо Украины» (упоминаются в книге О. Губко, «Психологія українського народу», К., «Задруга», 2003, С. 178 и С. 372) и целый ряд других работ, обнаружить которые в НА ИА НАН Украины пока не удалось.

Четвертая глава: «Из опыта дешифровки религиозно-идеологической системы», выходит в свет с иллюстрациями взятыми из монографий В. Н. Даниленко; «Неолит Украины» (К. «Наукова думка», 1969), «Энеолит Украины» (К. «Наукова думка», 1974), с тех негативов, которые удалось обнаружить в НА ИА НАН Украины, и частью иллюстративного материала взятого из книги В. Н. Даниленко «Космогония первобытного общества» опубликованной Фастовской школой народного творчества в 1997 году с комментариями Ю. А. Шилова. Четвертая глава, как и некоторые другие работы В. Н. Даниленко, выходит в свет под редакцией, ученицы В. Н. Даниленко, д. и. н., проф. Днепропетровского Национального Университета И. Ф. Ковалевой. Авторские права на публикацию этой и других научных работ В. Н. Даниленко, по договоренности с Дирекцией Института археологии, сторонним лицам, не передаются. При использовании материалов из научных работ В. Н. Даниленко ссылка обязательна.

М. В. Даниленко – сын В. Н. Даниленко.

Из неопубликованной монографии: «Неолит Украины буго-днестровский неолит, как основа периодизации», написанной В. Н. Даниленко в 1962 году.

ГЛАВА IV. В. Н. Даниленко. (1962 г).

Из опыта дешифровки религиозно-идеологической системы древних земледельцев Южной Европы.

Вступительные замечания.

Настоящая глава не является таким заключительным разделом исследования, в котором сосредоточены все вытекающие из публикуемого материала выводы. Общие вопросы освещались и прежде. Так, например, были рассмотрены вопросы о характере существовавшей в Северо-Западном Причерноморьи культуры времени перехода от палеолита к мезолиту и о характере мезолита той же территории. Была дана общая характеристика буго-днестровской культуры как предмета исторического исследования. Определена специфика присущей ей экономики и освещен на широкой основе вопрос о культурных связях. Предложена система ее периодизации, хронологии и синхронизации, рассмотрен вопрос о сложении буго-днестровской культуры, общественной организации ее носителей и пр.

Остается рассмотреть вопросы, постановка которых без осуществления охарактеризованного выше объема работы была бы преждевременной. К такими вопросами относятся религиозно-идеологические представления древних земледельцев Южной Европы, о процессе сложения Трипольской культуры и, наконец, вопрос об этнической принадлежности населения буго-днестровской культуры. Нетрудно заметить, что и в данном случае порядок рассмотрения поставленных задач определяется их взаимообусловленностью.

Предлагаемый вниманию читателя раздел представляет собой тезисное изложение осуществляемого автором специального исследования.

В связи с тем, что рассматриваемый вопрос, несмотря на его очевидный интерес, все же представляет собой одну из частных проблем, мы ограничимся приведением настоящего краткого и, в определенной мере, предварительного сообщения.

Говоря о дешифровке религиозно-идеологической системы, мы хотим подчеркнуть, что в работе при раскрытии содержания конкретных графических орнаментальных и передаваемых в пластике сюжетов, были применены те же приемы многократных сопоставлений и подстановок, которые используются при расшифровке палеографических материалов.

В результате проведенной работы мы пришли к выводу, что на настоящем этапе исследований возможно раскрытие общих положений системы, что, по-нашему представляет немалый интерес, как с точки зрения содержания самых представлений, так и с точки зрения воссоздания общей картины этнической истории. Этнографическая специфика конкретных религиозно-идеологических представлений, в настоящее время, определяется лишь на основании различий в технико-стилистических приемах, которыми пользовались носители конкретных археологических культур при воссоздании символов, отражающих такие представления.

Роль сравнительного этнографического материала в нашем построении играют преимущественно древние религиозно-космогонические системы, развивавшиеся на территориях, затрагиваемых исследованием. Территориально далекие параллели используются лишь в тех случаях, когда в нашем распоряжении нет необходимого сравнительного материала. Как выяснилось, свойственные населению бугоднестровской культуры религиозно-идеологические представления входят в единую систему, общую для целого ряда культур: линейно-ленточной керамики, бюккской, железовской, сескло-диминийской, старчевьско-кёрешской, карановской, винча-турдошской, боянской, трипольской и многих других древнеземледельческих культур Южной Европы. Из числа восточно-средиземноморских культур к раскрываемой системе представлений примыкает западно-анатолийская хаджиларская культура.

Древние культуры расписной керамики, развивавшиеся в Киликии, Сирии, Палестине, Иране, Туркмении, Ираке, Афганистане и Северной Индии отражают существование особого мира религиозно-идеологических представлений. В связи с наличием хорошо представленного свода древней символики, составленного Маршаллом для северо-индийской культуры Мохенджо-Даро-Хараппы¹, с целью оттенения различий, существовавших между системой религиозно-

идеологических представлений южно-европейских земледельцев, с одной стороны, и, подобной же системой носителей азиатских культур расписной керамики - с другой, - мы довольно широко воспользовались данными, собранными в этом своде.

Подчеркиваем значение вывода о том, что система религиозно-идеологических представлений населения буго-днестровской культуры и соответствующая система племен трипольской культуры совпадают во всех основных элементах. Различия заключаются лишь в большей полноте присущего трипольской культуре материала, что объясняется, как лучшей изученностью самой культуры, так и бесспорно большей развитостью системы религиозно-идеологических представлений ее носителей.

В соответствии с изложенным выше, материал подлежащий анализу, рассматривается нами в такой последовательности: история вопроса; реалии религиозно-идеологической системы населения буго-днестровской культуры.

К истории вопроса.

Изучение на основании археологических данных идеологические представления древнеземледельческого населения Южной и Средней Европы являются одной из традиционных тем современной историко-археологической науки². Именно поэтому целесообразно прежде изложения наших собственных соображений по этому вопросу, остановиться на его историографии. Однако в силу предварительного характера настоящего сообщения ограничимся несколькими основными замечаниями историографического порядка и затем перейти к главной теме.

Применительно к территории Украины этот вопрос ставился прежде всего в связи с трипольской культурой. Если не считать суждений В. В. Хвойки - о «площадках» как домах мертвых³, первыми работами, посвященными вопросам идеологии древних трипольцев являются статьи К. Болсуновского. Как известно, этот современник Хвойки в свое время выступил со статьями, посвященными образу змия в орнаментике Триполья⁴, а так же о неолитической то есть трипольской символике, рассматривавшейся им как своеобразное письмо⁵. Если первая статья представляла собою известное достижение, основанное на догадке автора, вторая имеет исключительно историографическое значение, и научной ценности не представляет, так как

основана на ошибочных взглядах В. В. Хвойки-Линниченко видевших в стилизованных зооморфных изображениях знаки типа иероглифов. Не более обоснованы и попытки некоторых немецких авторов увидеть в трипольском ленточном орнаменте результат стилизации изображений четвероногих животных⁶. Первой серьезной в научном отношении попыткой разобраться в типах трипольской культовой пластики явилась статья Скрыленко⁷.

Уже в соответствии с исследовательскими приемами первой четверти XX века находятся касающиеся идеологии места из статьи Г. Чайлда, посвященной Шипенцам⁸. В частности, заслуживает внимания попытка трактовать некоторые зооморфные символы не как изображения реальных животных, а как символы грифона⁹.

Любопытна, впрочем, мало - что, давшая для познания идеологии Триполья книга Б. Л. Богаевского, посвященная изучению орудий производства и домашних животных Триполья, вышедшая через несколько лет после работы Г. Чайлда. Эта книга полна крайних упрощений. В частности, вся зооморфная символика, представленная в росписи трипольской посуды, рассматривалась названным автором лишь как своеобразный источник для познания скотоводства трипольцев¹⁰.

Начало современного этапа в изучении идеологии трипольцев мы несомненно имеем в работах Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевского. В результате широкомасштабных полевых исследований и интерпритации материалов обрисовались контуры как материальной, так и религиозно-идеологической стороны культуры. В последней связи следует назвать правильное истолкование центрального мифологического персонажа трипольцев - древнего, возникшего еще в матриархальной среде образа матери - прородительницы, покровительницы семьи-рода и домашнего очага¹¹, установление широкого распространения культа солнца, связанного с крестообразными жертвенниками¹² и пр.

В тоже время, по материалам Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии и стран Средиземноморья осуществлялась целенаправленная систематизационная работа, главным образом в области классификации антропоморфной идольной пластики (Й. Неуступный¹³, Р. Попов¹⁴, В. Миков¹⁵, К. Маевский¹⁶, Е. Цегак¹⁷, Д. Розетти¹⁸ и др.

Из числа работ этого ряда значительный интерес представляют исследования Й. Неуступного, установившего на основании распространения символа так называемого двулезвийного топора [лабриса] на посуде культуры линейно-ленточной керамики, связь идеологии местного населения с идеологическими представлениями Эгейского мира¹⁹, а так же работа Вейнберга, посвященная классификации средиземноморской антропоморфной пластики²⁰.

В последнее время [время написания данной работы 1962 г.] рассматриваемая область науки обогатилась новыми исследованиями. Отмечен значительный интерес, проявляемый археологами Польши к этой тематике. В этом смысле следует упомянуть исследования К. Маевского²¹ посвященные вопросам трипольской культуре, а также исследования Е. Буланды о культе богини-матери²².

Отмечая связь религиозно-идеологических представлений трипольцев с культом плодородия и плодovitости, названные авторы также подчеркивают органическую связь этих представлений с теми, которые были распространены в области Восточного Средиземноморья²³. К подобным же выводам приходят и современные болгарские и румынские авторы, исследующие памятники, культурно близкие трипольским²⁴.

Нельзя считать удачной сравнительно недавно вышедшую довоенную работу покойного Е. Ю Кричевского об орнаментации глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы. Названный автор, по видимому, слишком близко принимал концепцию акад. Н. Я. Марра об идеологических представлениях первобытной эпохи, в которых центральное место якобы занимали весьма парадоксальные по составу семантические пучки, а также представления о нескольких небесах. Именно поэтому, без серьезных на то оснований, Кричевский допускал самые рискованные сопоставления и без особого труда объявлял зигзаги собирательным символом «змия-молнии-огня», а на одном из сосудов линейно-ленточной культуры усмотрел прямую иллюстрацию к космогоническим построениям акад. Н. Я. Марра²⁵.

Наиболее полно и, при этом с привлечением большого сравнительного материала, вопрос об идеологии древних земледельцев разобран в I главе монографии С. Н. Бибикова о Луке - Врублевцевкой²⁶. Исходя из того, что одна из групп женских глиняных статуэток со-

держит преднамеренную примесь целых или дробленных зерен пшеницы С. Н. Бибииков приходит к выводу о том, что статуэтки являются своеобразными антропоморфными онгонами, связанными с культом плодородия и применявшимися в религиозной практике в дни солнцеворотов²⁷.

Заслуживает так же внимания мысль о том, что т. н. модели жилищ тесно соприкасаются с культом предков и возможно в какой-то мере даже являлись оссуариями²⁸. Исходя из наметившейся связи статуэток с очагами или выбросами из них, этот же автор настаивает на связи части статуэток с культом огня²⁹.

Предлагаемый вниманию читателя опыт раскрытия религиозно-идеологической системы населения буго-днестровской культуры представляет собою новую попытку разобраться в основных вопросах проблемы. В определенном смысле эта попытка нова не только по привлекаемым материалам, но и своеобразию выработанного нами исследовательского метода.

Применяемый нами с целью дешифровки религиозно-идеологической системы опыт многократного сопоставления как однокультурных, так и разнокультурных религиозно-идеологических образов оправдан по крайней мере по трем причинам:

во-первых, при сопоставлении образов, различающихся в деталях, мы идем по пути его последовательного раскрытия, что повышает точность дешифровки и почти исключает возможности ошибок;

во-вторых, применение такого метода позволяет проследить движение конкретного образа по территории и во времени;

в-третьих, предлагаемые сопоставления дают возможность, наряду с раскрытием общих черт системы религиозно-идеологических представлений, присущей большим этнокультурным массивам, выявить в них локальные варианты, отвечающие конкретным историко-археологическим культурам.

Наконец, работа по нормам предлагаемой методике, гарантирует большую точность конечного результата – а именно получение не общего культурно-исторического, а этно-культурного, то есть подлинно исторического вывода, в котором находят место персонажи, сопоставимые с образами известных мифологических систем.

ГЛАВА I. § 1.

Буго-днестровская культура как предмет этнической истории.

Раздел, содержащий этническую оценку буго-днестровской культуры будет в настоящем труде самым кратким прежде всего потому, что при настоящем состоянии археологических и языковедческих источников вопрос об этнической принадлежности исследуемой культуры, и возникающего из нее Триполья, может быть лишь поставлен, но и то лишь в предварительном плане.

В историко-археологической литературе, довольно широко распространено мнение о том, что на территории Восточной Европы, по крайней мере, с конца неолита и в палео-металлическую эпоху существовали такие этнические массивы как балто-славянский или славяно-германский, угрофинский, фракийский и иранский³⁰. Все культуры, за которыми якобы скрываются эти этнические массивы, составляют наиболее значительные этнокультурные массивы древней Европы - культура шнуровой керамики, культура ямочно-гребенчатой керамики, древне-ямная культура и, наконец, культуру трипольскую³¹.

Все названные выше, четко отличающиеся друг от друга области культуры смыкаются на территории Украины. Согласно существующей традиции первая из них связывается с германо-балто-славянским массивом³², вторая - с угро-финнами³³, третья - с древними иранцами³⁴, и, наконец, четвертая - с фракийцами³⁵.

Если исходить из древнейших письменных источников, а так же из анализа топонимических глосс, эта схема этнического расчленения древней Восточной Европы кажется более или менее правдоподобной.

Однако, предлагаемая схема, если исходить из оценки современного состояния лингвистики, не может быть принята иначе, чем в качестве крайне предварительного построения, нуждающегося в тщательной выверке на разнообразном фактическом материале.

Дело прежде всего в том, что названные выше области культуры шнуровой и ямочно-гребенчатой керамики, трипольской и древнеямной далеко не вполне синхроничны и следовательно отнюдь не обязательно фиксируют сосуществование названных выше этнокультурных массивов.

Далее, реальность этой схемы не в меньшей степени зависит от жизненности выводов лингвистики относительно того, что индоевропейцы в процессе расселения приходят в Индию, Переднюю и Малую Азию и ассимилируют там коренное население неиндоевропейской этнической принадлежности³⁶.

В интересующем нас плане нужно отметить, что вопрос о вторжении хеттов в Малую Азию на рубеже III - II т. до н.э. и ассимиляции ими народа Хати³⁷ больше не решается с такой категоричностью, как прежде. Некоторыми исследователями считается, что появление хеттских клинописных документов, еще не служат указанием на вторжение индо-европейцев, ибо в облике материальной культуры Малой Азии этого времени, по-существу, не произошло изменений³⁸.

Таким образом, вопрос из числа, казалось бы, уже разрешенных, превращается в гипотизу о том, что какая-то часть территории Малой Азии могла быть территорией коренного обитания индоевропейцев³⁹.

Не проще решается вопрос относительно этнической принадлежности балканских культур расписной керамики. Отнесение минойской письменности середины II т. до н.э., известной не только на о. Крите⁴⁰, но и на юге центральных Балкан⁴¹, к одному из ранних вариантов греческого языка⁴² более не разрешает считать «дорийское вторжение» главным актом внедрения индоевропейских дорян в среду этнически не совсем ясных, но вероятно, так же индоевропейских пеласгов⁴³.

К проблемам того же порядка относится и отнесение фракийского языка к группе индоевропейских языков *satem*⁴⁴.

Установление этого факта то есть «сатемной» принадлежности фракийского языка, а равно и отнесение минойской письменности к греческому языку то есть к группе *kentum* настораживает в том смысле, что за внешне сходными культурами могли стоять не только различные группа индоевропейцев, но и неиндоевропейские этнические образования.

Как известно, крито-минойская культура времени дешифрованной системы письма (класс Б,) является органическим продолжением своеобразной культуры расписной керамики, древность которой по минимальным расчетам восходит к рубежу IV-III т. до н.э.⁴⁵.

Отсюда, если следовать представлениям о том, что непрерывность культурного развития, свидетельствует и о непрерывности

языкового развития, придется допустить существование архаического греческого языка уже в такой глубокой древности, как время существования ранней расписной керамики.

Однако, сразу же возникает вопрос о языковой принадлежности так называемой элладской культуры, так непохожей ни на минойскую⁴⁶, ни на подстилающую ее диминийскую культуру, являющуюся ярчайшим примером культуры расписной керамики.

Между тем у элладской культуры определенно имеются точки соприкосновения с кикладской культурой⁴⁷, а у последней с целым рядом южно-европейских культур, вроде Гумельницкой и даже Хаманджийской.

Нельзя также не заметить, что все эти культуры в определенном смысле тяготеют к анатолийско-троянской культуре, которая так же не чужда культуре до - расписного неолита, подстилающему слою минойской культуры на Крите⁴⁸.

Не лишне подчеркнуть, что в истории трипольского массива так же прослеживается два периода - до расписной керамики и расписной. Как это уже отмечалось, в «до расписной» период Триполье смыкается с такими культурами как Винча-Тордош, Боян, Хаманджия, а так же с такими памятниками как средние слои Каранова, а в западной части Анатолии - с памятниками троянской культуры.

В тоже время, Триполье периода расписной керамики через памятники типа Ариушд связывается с центрально-балканскими памятниками диминийской культуры, отражением которой на крайнем западе Европы несомненно являются итальянские памятники мольфетта-матерского типа, а на юге - крито-минойская культура.

Таким образом, на территории земледельческо-скотоводческой Южной Европы, и в границах Древнего Востока переплелось две линии развития. Первая характеризуется преобладанием монохромной лощеной керамики, восходящей к наиболее архаическому этапу культуры, представленному рядом памятников - в Туркмении Джебелом, в Иране Бельгом, в Киликии нижними слоями Мерсина, в западной Анатолии памятниками типа Бельдиби, на юге Балкан - Элатей, а в восточной Европе, с рядом упоминавшихся выше южных культур, включая буго-днестровскую и сменяющую ее ранне-трипольскую культуру. Вторая линия характеризуется расписной керамикой, появ-

ление которой следовало за временем возникновения монохромной керамики.

Как известно, расписная керамика на территории Старого Света распространена исключительно широко. Более или менее непрерывной полосой она идет по плодородным предгорьям от Северного Китая⁴⁹ через Северную Индию⁵⁰, Пакистан⁵¹, Афганистан⁵², Ирак⁵³, Иран⁵⁴ и Туркестан на Палестину⁵⁵, Сирию⁵⁶, Киликию⁵⁷ и Анатолию⁵⁸. Очень древнее звено культуры расписной керамики обнаружено на Кипре⁵⁹. Почти такая же древняя культура расписной керамики проникает на Балканы: Прото-сескло, Сескло, Димини, Старчево, Караново, а затем оттуда через Трансильванию, и, во времени, значительно позднее, проникает в румынскую Молдавию, на Днестр и, наконец, на Днепр.

Никто не допускает и мысли о том, что вся эта зона отражает жизнь одного этнического массива. И, наоборот, более или менее ясно, что в Китае местная культура расписной керамики должна связываться с какой-то архаической формой одной из этнических групп современного Китая⁶⁰, а в странах Двуречья в числе носителей сходной культуры должны были находиться шумеры, пришедшие из страны Аралу (где-то в азиатской части СССР)⁶¹, принадлежавшие к особой очень архаической агглютинирующей группе языков⁶².

Этническая принадлежность восточно-средиземноморских носителей культуры расписной керамики все еще в недостаточной степени ясна.

Как о том говорит полное своеобразие памятников додинастического Египта⁶³ можно лишь заключить, что обитатели этой обширной этнокультурной области не были не хамитами, ни семитами. И лишь, как это показала дешифровка минойского силлабического письма, на Крите и повидимому в средней части Балкан эта культура связывается с архаическим греческим языком, входящим, как известно в группу [финикийского когнонатного].

Итак, если суммировать все сказанное выше, древние неолитические или энеолитические культуры с лощеной монохромной керамикой в целом были распространены к северу от зоны культуры расписной керамики и находились к востоку от области древнейших на юге Европы балканских культур расписной керамики.

Исходя из того, что так называемые клинописные хетты являлись носителями языка [лувийской] группы отчасти близкого к латинскому, а так же учитывая, что их культура в определенном смысле входит в круг культур расписной керамики, и, наконец, вспомнив о сходной в отношении языка то есть раннегреческой принадлежности всей или части минойско-микенской культуры, можно заключить, что в составе этно-культурного массива южно-европейских племен с расписной керамикой заметное место занимали индоевропейцы [фригийской] языковой группы. Нечто подобное об этно-языковой принадлежности культуры расписной керамики в свое время писал и Б. Грозный⁶⁴.

Как это вытекает из изложенного, такую языковую принадлежность, исходя из близкого сходства материальной и духовной культуры, следует так же предположить для западно-европейской культуры расписной керамики (типы Мольффета и Матера), для восточно-балканской культуры расписной керамики (старшее Караново), и, наконец, для таких восточно-европейских типов расписной керамики как Ариушд, Кукутени А и Б.

Если говорить о буго-днестровской культуре и раннем Триполье, в первую очередь придется учитывать их связь с миром Востока.

В первом случае мы говорим о восточном в буквальном смысле слова, в основе скотоводческом пласте так как речь идет о целой цепи явлений, начинающихся в Прикаспии (Бельт, Джебел), уже выявившихся на Нижнем Дону (Цимлянская), в центральной части Северного Приазовья (Каменная могила), на днепровских порогах (сурско-днепровская культура) и пр. На западе эта цепь явлений, уже в соприкосновении с периферией Восточного Средиземноморья, заканчивается ранними звеньями буго-днестровской культуры.

Во-втором случае речь идет о получившем импульс так же на востоке земледельческом, проникающем в обход Черного моря, с юга и юго-запада анатолийском влиянии, усилившемся к моменту перехода в Малой Азии от медного века к бронзовому, а в условиях Южной Европы - от неолита и мотыжного земледелия к медному веку и пашенному земледелию.

Как о том говорят современные археологические данные, восточный импульс, так же начинавшийся в Прикаспии и в сопридельных районах, имевший так же скотоводческий, но уже пастушеский,

вероятно и коневодческий характер, повторился в конце V - IV т. до н. э., когда началось сложение древнеямной культуры⁶⁵.

Речь конкретно идет о том родственном Джебелу типу культуры, который эволюционно развивался между Доном и Каспием в виде памятников так называемого среднестоговского типа и его аналогов. Синхронизуется в Восточной Европе с Трипольем времени Сабатиновки II и Кукутени А.

Представленный данными памятниками пласт, по нашему мнению, является тем основным субстратом, который лежит в основании не только древнеямной культуры, но и ряда других, хронологически в целом довольно поздних культур – афанасьевской⁶⁶, катакомбной⁶⁷, андроновской⁶⁸, тазабагьябской⁶⁹, и, наконец, срубной⁷⁰.

Говоря иначе, речь идет о культурах того историко-культурного ареала, из которого в пределы современных Индии, Афганистана, Ирана, Ирака, и Малой Азии могли проникнуть те племена, которые положили начало индоевропеизации этих стран. В данном случае подразумеваются индо-иранцы, то есть самая восточная ветвь современных индо-европейцев, некогда составлявших население Мидии, Персии, Северной Индии и пр.

Оба охарактеризованные по происхождению течения, мы склонны связывать с этнической историей индоевропейцев.

При оценке этнической принадлежности буго-днестровской культуры, естественнее всего думать о части мало еще расчлененных индоевропейцев, которые уже после окончания ранне-трипольского периода, где-то на этапе распространения по югу Европы расписной керамики, расчленяются на западных (земледельческих) и восточных (охотничье-скотоводческих) индоевропейцев.

Для первых нащупывается связь с кругом культур расписной керамики; вторые же, находясь вне этого круга и поддерживают непрерывный контакт с Востоком в широком смысле этого слова.

И буго-днестровская, и ранняя Трипольская культура в основном оказались вне явления расписной керамики и их в целом можно отнести к той части индоевропейского этнического массива, которая на начальном этапе была недостаточно еще расчленена, а позднее положила начало той группе восточных индоевропейцев, в которую вошли фракийцы, славяне и балты.

Не исключено, что в среднюю пору Триполья этническое развитие его носителей пошло по двум путям и в их составе определенное место заняли так же и индоевропейские племена группы *kentum*, составлявшие в целом западную часть трипольского культурного массива (Днестровский бассейн, - Трансильвания).

В то же время к Поднепровью, где в это время обитало восточное крыло трипольского этнического массива, в какой-то мере отвечающего архаическому ядру фракийцев, продвинулась западная часть индоиранского этнического массива.

Так, отнюдь не претендуя на окончательное решение поставленного вопроса, рисуются основные вопросы этнической истории буго-днестровской культуры, и генетически связанного с ней Триполья.

Поскольку наши знания в этом направлении будут непрерывно и, надеемся, быстро совершенствоваться, в предлагаемое построение могут быть внесены коррективы весьма значительного масштаба.

И все же хотелось бы надеяться, что обусловленный выделением и исследованием буго-днестровской культуры настоящий краткий этноисторический очерк, опирающийся на свидетельства археологии, так же займет определенное место в раскрытии этого сложнейшего вопроса.

ГЛАВА I. § 2.

Наследие буго-днестровской культуры.

Ниже нам предстоит задача выявить все, что сохранилось в культурно-историческом облике раннего Триполья от его субстрата - буго-днестровской неолитической культуры. Сделать это необходимо с учетом всех руководящих признаков археологической культуры: хронологии территории, экономического развития, состава культуры и так далее.

Время формирования трипольской культуры одновременно было и временем формирования целого ряда новых этно-культурных образований; меньшего территориального масштаба, чем культуры линейно-ленточной керамики или кёрешская. Взамен их на историческую арену вышли такие культуры, как сама трипольская, боянская, хаманджийская, винчанская, тисская, то есть южно-европейские культуры, возникшие в результате дифференциации того южно-ев-

ропейского древнеземледельческого массива, который на западе, в балкано-дунайском районе был представлен старчевско-кёрешской культурой, на востоке - буго-днестровской культурой, а на севере железовской⁷¹, бюккской⁷² и, естественно, поздними переживаниями культуры линейно ленточной керамики⁷³.

В то же время на юге Европы, особенно в балкано - дунайском районе, как это было замечено и Д. Меллартом⁷⁴, возникают такие, не имеющие под собой прочных генетических оснований в Европе явления как средние слои Каранова⁷⁵, в какой-то мере Салькуца⁷⁶, «дунайский» неолит Македонии⁷⁷ и другие культуры, смыкающиеся с кругом тех малоазиатских культур, которые с течением времени получают свое законченное выражение в архаической Трое⁷⁸, Терми⁷⁹, Самосе⁸⁰ или в нижних слоях кносского неолита⁸¹.

Таков в целом круг синхронных историко-культурных явлений, которые следует учитывать при рассмотрении процесса сложения трипольской культуры.

Мы имеем все основания считать трипольскую культуру начальной поры развития восприемницей той самой территории, которая в свое время была занята дотрипольской буго-днестровской неолитической культурой. Речь идет о буго-днестровской части северо-западного Причерноморья, а так же и о румынской Молдавии, где памятники буго-днестровской культуры пока еще не установлены.

Если исходить из того, что на Днестре и в румынской Молдавии трипольским памятникам предшествуют памятники культуры линейно-ленточной керамики, отражающие очень краткий период обитания, приходится думать о временном выпадении молдавской территории полностью или частично - из области обитания племен буго-днестровской культуры.

На востоке, то есть на Южном Буге, в это время отмечено прорывное культурно инородных племен с севера, что привело к временному упадку культуры, отразившемуся в материалах самчинской фазы.

Показательно, что восстановление прежних границ обитания, наметившееся в савранское время и полностью наступившее в начале Триполья, происходило в форме своеобразного восстановления

культурного типа, близкого к кёрешу и буго-днестровской культуре печерской поры.

Именно такой новой культурой, заполнившей брешу, причиненные посторонними, инвазиями и вновь овладевшей всеми просторами очерченной выше территории, на переходе от неолита к эпохе меди и явилась трипольская культура.

Естественные условия в границах этой территории в основных чертах остаются прежними, более или менее отвечающими атлантическим палеоклиматологическим нормам. Если исходить из материалов Саврани, Миколиной Брояки и особенно Чернятки, где наряду с неолитическими отложениями были встречены и сходные с ними по составу инвентаря и условиям залегания остатки раннетрипольского времени, увлажненность речной долины этого времени было несколько выше, чем в предшествующее время, что в определенной степени сокращало размеры приречных и островных полей, слагавшихся из лессово-иловатых почв. В природе возникли оптимальные условия для развития земледелия - повсеместно шел интенсивный процесс формирования современного почвенного покрова. Как мы это стараемся показать ниже, подобный поворот в развитии природной обстановки в определенном смысле совпал с поворотом в экономическом и техническом развитии общества, переходившим на следующий, более высокий уровень экономического развития.

Охарактеризованные выше естественно-исторические условия в определенном смысле содействовали возникновению новых форм использования природных ресурсов.

О физических особенностях населения этой поры мы почти ничего не знаем. К настоящему времени известно единственное раннетрипольское погребение, происходящее с площади синхронного поселения Солончены⁸². В смысле расовой принадлежности это погребение оказалось обычным европеоидным⁸³. Зато в отношении ритуала, будучи скорченным и не входящим в могильник, оно представляет собою аналогию многих погребений обширной средиземноморско-черноморской древне-земледельческой области - от Старчево и Кёреша до Бояна⁸⁴.

Формы использования природных ресурсов, существовавших в начале развития трипольской культуры, в целом уже иные, чем в неолите. Зона освоения ландшафта не так строго как прежде ограничена

долиной реки, а уровни водоразделов рек в хозяйственной деятельности населения начинают играть уже вполне осязаемую роль. Приречные участки местности, тяготеющие к древним порогам, в какой-то мере уже утрачивали свое значение.

Однако, было бы неправильно полагать, что прежние способы использования территории полностью изменились. Этому, противоречит наличие таких поселений как Извоар⁸⁵, Лука-Врублевецкая⁸⁶ и др., возникших примерно в той же природной среде, в какой существовали поселения неолитической эпохи - на краю надпойменных террас.

В этом смысле показательны раннетрипольские стоябища на поселениях Гайворон-Полижок и Чернятка, которые, по совокупности присущих им признаков, включая и условия залегания культурных остатков, ничем не отличаются от находившихся рядом поселений савранского времени.

Вместе с тем, для раннего Триполья определенно уже характерно размещение поселков на уровнях водоразделов - вне непосредственной близости от реки. Нечто подобное мы уже наблюдаем для времени конца буго-днестровской культуры (Печера, Сабатиновка I, Данилова Балка, Хмельник-Сандраки, Наславча и др.).

Новое в отношении человека к природным ресурсам нельзя объяснить лишь изменениями, происходившими в естественной среде, ибо главным здесь было активное вторжение человека в естественно-исторический процесс. В данном случае в едином фокусе сошлись два разных явления - объективный, но пассивный естественный фактор, выражающийся в природной специфике атлантического периода, а также фактор субъективный и активный, выразившийся в революционном преобразовании хозяйства на обширных территориях всей земледельческой Европы.

В предшествующих разделах нам уже приходилось касаться вопроса о содержании этого поворотного момента, важность которого, по нашему твердому убеждению заключалась прежде всего в переходе к пашенному земледелию.

На вопросе о роли последнего мы останавливаемся ниже, при рассмотрении новых явлений, составлявших главное в историческом процессе перехода от неолита к Триполью.

Начнем с того, что для буго-днестровской культуры имеются безупречные данные относительно топографии обрабатываемых полей, а также располагаем целым арсеналом постепенно совершенствовавшихся роговых и костяных мотыг, прошедших длинный путь от кайлообразных инструментов, морфологически близких с так называемым мезолитическим клиньюм лингби, до специализированных типов мотыг с поперечной постановкой рабочей части.

Можно без преувеличения сказать, что вопрос о технике обработки земли применительно к буго-днестровской культуре в настоящее время разработан с большей полнотой, чем это до сих пор удалось сделать для старчевской, кёрешской культур или даже для культуры линейно-ленточной керамики.

До недавнего времени тип мотыг, существовавших в раннем Триполье, не был известен. Однако, в результате раскопок, проведенных Т. С. Пассек на раннетрипольском поселении Голерканы (Молдавия) была установлена преемственность раннетрипольского землеобрабатывающего инвентаря от неолитического, - поскольку найденные мотыги оказались такими же продольно-лезвийными орудиями, как и большинство мотыг буго-днестровской культуры⁸⁷, (табл. I, 1).

В качестве подтверждения преемственности трипольской индустрии от буго-днестровской отметим, что многие раннетрипольские поселения, например, Голерканы, Солончены, Бернова - Лука и др. содержат все формы ножей из эмали клыка кабана, которые были нами зафиксированы в буго-днестровской культуре⁸⁸ (табл. I, 4, 5).

В том же плане необходимо напомнить и о восприятии из арсенала предшествующего времени таких, связываемых с обработкой посуды специфических инструментов как ложила, изготовленные из крупных трубчатых костей животных⁸⁹ (табл. I, 6, 10).

Такая важная группа производственного инвентаря, как кремневые орудия памятников савранско-хмельникского времени, буго-днестровской культуры, набор кремневых орудий практически не отличима от тех, что нам дают такие раннетрипольские памятники как Сабатиновка II, Гайворон, Чернятка (трипольский комплекс), Александровка, Брага, Солончены, Флорешти и др. Инвентарь в обоих случаях микролитический, что распространяется как на орудия, изготовленные на пластинах, так и на те которые формовались на отщепках (табл. I, 7 - 9); (табл. II, 5, 10, 11). Отличие раннетрипольско-

го инвентаря от неолитического сводится лишь к тому, что в раннем Триполье уже почти не встречаются трапеции, но зато становятся более частыми характерными микролитические наконечники стрел («острия») ромбической формы (табл. I, 3, 11, 12); (табл. II, 6, 7), а также пластинчатые вкладыши для серпов [т. н. карановского типа] (табл. I, 14 - 16); (табл. II, 2, 3).

На микролитичность кремня древнейших трипольских памятников нередко не обращают надлежащего внимания. Между тем, это исключительно показательный факт, как с точки зрения фиксации преемственных связей с неолитическим субстратом, так и с точки зрения хронологического членения самого раннего Триполья.

Дело в том, что памятники непосредственно следующего за ним периода, например, Лука-Врублевская демонстрируют - кремьня иного облика, не микролитических, а «ребенгаузских» пропорций⁹⁰, (табл. III). В частности почти исчезают небольшие скребки на отщепках и их место занимают крупные концевые скребки из пластин. В наследство от предшествующего времени остается искусство получения тонких пластинок, а так же сохранение пластинчатых вкладышей в серпы⁹¹.

Такой своеобразный комплекс, косвенно отражающий уровень развития производства, как жилище и дополняющая его утварь должны быть рассмотрены особо.

Как это показывает пример таких неолитических памятников как Саврань, Гард и таких древнейших памятников трипольской культуры как Гайворон⁹², первого строительного периода Сабатиновки II⁹³, Берново-Луки⁹⁴, Солончен⁹⁵ и др., между типами жилищ существовала полная преемственность. Древнейшие трипольские памятники, от неолитической эпохи воспринимают небольшие продолговатой формы полуземлянки с глинобитными печами на каменных цоколях, которым сопутствуют кухонные ямы с почти неизменными в них отбросами раковин *Unio*.

Глиняная посуда, как известно, представляет собой один из наиболее изменчивых элементов комплекса материальной культуры. Недаром керамика служит у археологов излюбленным средством для определения культурной принадлежности комплекса, уяснения его положения во времени, а у невзыскательных исследователей, также и

единственным средством для рассмотрения вопросов «этнокультурной» истории.

В действительности, именно в силу изменчивости керамических изделий, особенно в смысле технологического развития, а так же по причине эволюции старых и возникновения новых форм, почти непосредственно отражающих изменения в среде непосредственного производства, керамические изделия нередко запутывают ищущего прямых путей археолога и он, вместо истории людей, занимается не имеющей перспективы историей сосудов.

На примере буго-днестровской культуры, а, равно и на примере многих других культур можно убедиться как неожиданно и легко могут появляться новые технологические группы и формы посуды, лишь бы только в этом возникала хозяйственная потребность.

Различия, и при этом довольно значительные, между позднейшей неолитической посудой буго-днестровского ареала и древнейшей трипольской - вполне очевидны, что прежде всего объясняется динамизмом экономического развития общества то есть процессами большого исторического диапазона. Ведь одно дело потребности и возможности полукочевого охотника и мотыжного земледельца, и совсем другое - потребности оседлого земледельца, способного создать не только гармоническую систему хозяйства, но и реализовать свои возможности в устройстве быта и ведении домашнего хозяйства...

Однако, не смотря на сказанное, между поздней посудой буго-днестровской культуры и древнейшей посудой Триполья имеются несомненно черты внутренней связи, распространяющиеся как на технологические особенности, форму, так и на присущие ей орнаментальные композиции.

Уже в инвентаре памятников савранского и хмельникского типов присутствует особый, в технологическом отношении, тип бытовой посуды, далекий от тончайших изделий монохромной посуды печерско - кёрешского времени, но зато близкий к соответствующий группе ранне-трипольской посуды. Речь идет о сосудах различных форм - мисках, кубках, кратерообразных чашах и пр., изготовлявшихся из очищенной глины с намеренной примесью мелкого песка, которые распадаются на две технологических подгруппы - сосуды буроватого цвета, обожженные в открытой печи, а так же сосуды, преднамеренно черненные, путем обжига в печах с коптящим, восстановительным

пламенем. Именно эта технологическая группа посуды распространяется в начальную пору развития трипольской культуры — и вытесняет посуду с грубоватой растительной примесью.

Из числа точных форм, прежде всего следует назвать небольшие тонкостенные, с подлощенными стенками плоскодонные горшки с низким положением плеча, хорошо нам известные по керамическим наборам раннего Триполья (табл. IV, 3 – 6, 8 - 11).

Следующая далее группа сосудов более специфична. Речь идет об архаическом прототипе глубоких горшков и ребристых мисок с глубоким воронковидным низом, заканчивающимся четко выделенным плитчатым основанием.

Уже в инвентаре памятников хмельницкого типа присутствуют широко открытые миски с невысоким отогнутым наружу венчиком, в котором приходится видеть прототипы широких профилированных мисок, период существования которых в системе трипольской культуры хронологически почти так же узок, как и период существования микролитоидного кремневого инвентаря⁹⁶.

В настоящее время можно считать установленным, что времени подобных профилированных мисок предшествует время доминирования плоскодонных или округлодонных мисок с загибающимися внутрь краями, охватывавшее все фазы развития буго-днестровской культуры, за исключением ранне – неолитических - скибинецкой и соколецкой. Отчасти исключением является и печерская фаза, на протяжении которой спорадически встречаются настоящие профилированные миски.

Нельзя также не заметить, что после периода безраздельного доминирования профилированных мисок, охватившего раннее и отчасти развитое Триполье, следует время простых широко открытых мисок с прямыми стенками или слегка загнутыми внутрь верхними частями⁹⁷.

Система орнамента раннетрипольской посуды, как в отношении техники нанесения данных, так и в отношении характера орнаментальных схем, в целом может рассматриваться как результат дальнейшего развития системы орнаментирования посуды, выработавшейся на протяжении развития буго-днестровской культуры.

Прежде всего это должно быть подчеркнуто в отношении технических особенностей орнамента. Последний, начиная с древнейших истоков, должен быть охарактеризован как проглаженный, линейно-ленточный, составляющий сложные позитивно-негативные композиции, в которых один из симметрично расположенных элементов заполняется иаколами, сеткой, короткими линиями, а в позднейшем периоде - штампами. Вся ленточная композиция обычно обрамляется наколами.

Различаются спирально-волютовые и спирально-меандровые композиции, охватывающие тулово сосуда. Эти композиции, как правило заключены в рамку, состоящую из особым образом украшенного венчика и линии, отделяющей обычно неорнаментированную придонную часть.

Архаические формы такого орнамента составляют подлинную специфику системы украшения посуды буго-днестровской культуры, а в более развитых формах - также древнейшей посуды трипольской культуры.

В неолите, за пределами буго-днестровского ареала этот тип орнамента не получил распространения. Однако, в раннетрипольское время он распространяется и далее к западу - в пределы современной румынской Молдавии, где он переплетается, с определенными элементами боянской орнаментальной системы)^{98*}, (табл. V).

Разумеется, названная выше система орнамента или не была неизменной на протяжении всего периода развития буго-днестровской культуры и в ее развитии можно определить периоды расцвета и упадка.

Так, например, в раннем неолите почти безраздельно господствуют волюто-меандровые композиции. Однако, уже тогда в эту специфическую область развития культуры проникают сторонние элементы - эпизодически встречающиеся пальцево-защипный «колосовый» орнамент, текстильные и простые угловатые композиции, а равно получает определенное распространение посуда из отмученной глины, что оценивается как указание на контакт с одной из культур, балканского ареала, несомненно являвшейся субстратом кёрешской культуры.

* Следует отметить присутствие сходных во многих отношениях орнаментальных схем на посуде сурско-днестровской культуры, что должно быть оценено как результат непосредственного контакта населения этой культуры с племенами буго-днестровской культуры.

В печерское время эти инородные элементы значительно усилились, что и дает нам полное основание синхронизировать печерскую фазу с кёreshской культурой. Однако, тут же следует подчеркнуть, что традиционные мотивы, возникшие еще в раннем неолите настолько расцветают, что в отдельных случаях почти неотличимы от раннетрипольских.

Это обстоятельство позволяет с полной определенностью различать как местный – «прототрипольский» компонент (табл. XII, 1 - 4), так и привнесенный, в определенной мере стадиальный – «кёreshский» (табл. VI).

В самчинское время преобладают зональные композиции, исполнявшиеся с помощью разных штампов, обычно гребенчатого, а традиционные линейные композиции отходят на второй план. В орнаменте посуды савранского, хмельникского и раннетрипольского периодов гребенчатый орнамент так же неизменно присутствует:

В савранское время линейные композиции снова доминируют. Широко известны как волуто-меандровые, так и угловатые мотивы. Для этого периода, характерно преобладание угловатых орнаментальных схем, в частности, присутствие настоящих меандровых композиций, ленты которых иногда заполняются оттисками штампа (табл. VII). В силу названных выше признаков, орнамент савранского времени в определенном смысле может быть сопоставлен с боянским (табл. VIII).

Однако, тут же должна быть отмечена существенная разница - орнамент савранского времени исключительно линейно-проглаженный, а не линейно-врезанный, с пастовым заполнением, как боянский⁹⁹.

В хмельникское время распространятся те же технические приемы, которые свойственны посуде хаманджийской культуре, например, зигзаго-шивронные композиции, исполненные в технике скорописного накола (табл. IX).

Выше, на примере краткого обзора развития техники и стиля орнамента у посуды буго-днестровской культуры, была сделана попытка обосновать их специфику, а также оттенить присутствие различных инородных элементов, возникновение которых обусловлено меняющимся характером культурных связей. Разумеется, в сопоставимом

плане нас прежде всего интересовало, установление фактов преемственности основных орнаментальных схем. Далее следует коснуться еще одной стороны орнамента, именно его идеологического содержания.

В разделе, посвященном опыту дешифровки религиозно-идеологических представлений древних земледельцев Южной Европы, было показано, что в религиозно-идеологических системах обеих культур исключительно много общего. В обоих случаях центральное место принадлежит образу солнечного дракона – змия, олицетворяющего в культе растительного плодородия небесное и мужское начала; за ним следует образ Великой Матери, своего рода Деметры, символизирующей землю и женское начало в той же религиозно – идеологической системе.

Имеются также основания считать, что наряду с отмеченными выше образами в пантеоне обеих культур присутствует еще один и другой женский персонаж, напрямую связанный с кругом охотничьих и скотоводческих идеологических представлений глубокой древности, сопоставляемый нами с греческой Артемидой.

Фиксируя факт преемственности обеих культур в отношении религиозно – идеологических представлений, мы не склонны его переоценивать, как средства раскрытия процесса сложения трипольской культуры, так как представленные в них явления едва ли существенно отличались от сходных представлений, существовавших у древнеземледельческих племен Южной Европы. В данном случае было гораздо важнее уяснить способы физической передачи этих представлений то есть распространение стилистических приемов и сходных сюжетов.

Однако, значение дешифровки основных элементов религиозно-идеологических представлений, являющихся своеобразной передачей языка, неизмеримо возрастает в тех случаях, когда мы переходим к изучению процесса сложения крупных этноисторических массивов.

В числе их следует вспомнить о культуре линейно-ленточной керамики и ее производных, о целом ряде образований, входящих в область культур расписной керамики или же тесно соприкасающихся с ней. То же следует сказать и об особой группе культур, отличающихся от перечисленных распространением приема за-

полнения орнаментальной схемы белой или иной пастой, а именно: винча-тордошской, боянской и др. В некоторой степени к ним примыкает бюккская культура, знающая простые приемы инкрустации пастой, но отличающаяся своеобразием ленточных схем, обычно исполнявшихся гребенчатым штампом. Несколько особняком стоит и хаманджийская культура, как бы открывающая ряд таких культур накольчатой керамики как «дунайская», Каранова III, Боян, фазы Болинтяну и др.

Особо следует подчеркнуть, что к кругу культур с расписной керамикой в смысле общности религиозных сюжетов тесно примыкает такая важная культура древней Западной Анатолии как хаджиларская.

О значении всех перечисленных выше фактов для раскрытия явлений этнической истории будет сказано в конце настоящей главы.

Наконец, в заключение раздела о наследии буго-днестровской культуры, нелишне коснуться и таких ее переживаний, которые непосредственно не касаются проблемы сложения трипольской культуры. Речь идет о ее генетических связях с некоторыми западными соседями, прежде всего с боянской культурой.

Несмотря на то, что схема развития боянской культуры, предложенная Е. Комшей и Д. Берчиу в целом не вызывает возражений, авторы ее ничего не могут сообщить о ее сложении. И это не случайно. Имеются основания полагать, что на территории Румынии и Болгарии названная культура не имеет местных генетических корней. Рассмотрим некоторые факты, касающиеся этого вопроса.

Хорошо известно, что на территории Румынии выделено лишь две культуры, которые можно увязывать с развитой порой неолитической эпохи: культуры линейно-ленточной керамики и кёрешская*.

Район наиболее архаических памятников боянской культуры, как известно, приходится на придунайскую часть Мунтении (Румыния) и северо-восточную часть Болгарии¹⁰⁰. Для развитого неолита этой территории с полной определенностью можно назвать лишь кёрешскую культуру, находившуюся в соприкосновении с карановской (слой 16)¹⁰¹. По вполне понятным причинам ни карановская, ни

* О хаманджийской культуре речь пойдет позднее т. к. мнение Д. Берчиу о ее глубокой древности нам не представляется доказательным.

кёрешская культура, ни тем более культура линейно-ленточной керамики не могут считаться генетической подосновой для боянской культуры.

В свое время нами было указано, что отдельные элементы, определяющие специфику этнографического облика боянской культуры, в частности приемы «вырезного» орнамента глиняной посуды и, в частности, «шахматно-крестовая» организация орнаментальных схем, в область боянской культуры могла прийти прежде всего из причерноморской части Анатолии, где выделены памятники типа нижних горизонтов Алишара¹⁰². Однако, перечисленные приемы орнаментации, если сравнивать «алишарскую» посуду с боянской, затрагивали больше техническую сторону, чем построение и содержание орнаментации. На основании соответствующих сопоставлений мы приходим к выводу о том, что алишарский стиль орнаментирования глиняной посуды – будь то путем нанесения росписи или способом врезывания, принадлежит к тому же «ковровому» (то есть текстильному) стилю росписи, который в классических формах проявляется в орнаментации посуды Халафского типа памятников¹⁰³ и достигает особого совершенства в посуде памятников «туркестанской» анаусской культуры¹⁰⁴. Указанием на этот факт мы ограничимся, так как, в наши задачи не входит разыскание ближних и восточных импульсов боянской культуры, ибо куда важнее нащупать те элементы раннего Бояна, которые по происхождению являются южно-европейскими.

В этой связи в определенном смысле, можно сказать, что от полноты раскрытия истории буго-днестровской культуры, в определенной мере зависит и выяснение происхождения некоторых черт наиболее древних памятников боянской культуры.

Как мы убеждены памятники буго-днестровской культуры, с одной стороны, освещают не раскрытые еще румынскими исследователями архаические этапы развития южно-европейской древнеземледельческой культуры, а другой дают некоторые новые данные для понимания процесса возникновения самой боянской культуры.

Как это неоднократно подчеркивалось, четвертая (самчинская) фаза развития буго-днестровской культуры, связанная с деструктурирующим влиянием проникших на ее территорию групп населения днепро-донецкой культуры, характеризовалась очевидным отходом от традиционной линии развития. Последняя в определенной степени

восстановилась позднее на протяжении савранской фазы. Было бы, впрочем, неправильным утверждать, что произошло восстановление тех же форм развития, которые были свойственны печерской то есть третьей фазе развития культуры. А между тем, историко-культурный облик памятников печерской фазы, а отнюдь, не самчинской и даже не савранской или хмельникской фаз, был в общем контексте буго-днестровской культуры ближе всего к тем признакам, которые характеризуют раннее Триполье.

Установление этого факта позволяет думать, что вследствие произошедшей в самчинское время инфильтрации двигавшегося с севера населения днепро-донецкой культуры произошло раздвоение буго-днестровской культуры. Одна часть коренного населения двинулась в южном направлении заняв среднюю часть бассейна Южного Буга, где с течением времени выкристаллизовались предтрипольские по типу культуры памятники вроде Саврани, Гарда и Миколиной Брояки, другая же, двинулась в юго-западном направлении и расселилась в болгаро-мунтенской части Нижнего Подунавья, где вследствие этого, на основе взаимодействия с местным кёрешско-карановским субстратом, начался процесс кристаллизации боянской культуры, или точнее, памятников болинтянского типа и, несомненно, родственной им культуры Ведастра.

Разумеется, материал на котором основан этот вывод, особенно в частности, касающейся начальной фазы боянской культуры, все еще крайне невелик. Однако его вполне достаточно для того, чтобы ставить вопрос примерно в намеченном выше плане.

Основанием для такого заключения служит, в частности, тот факт, что для начальной поры развития боянской культуры (Болинтеняну-Кэцелу), отмечаются не имеющие предшественников в комплексах кёрешской или карановской культур широкооткрытые миски, украшенные сложным линейным орнаментом с подтреугольными наколами вдоль линий, а так же накольчатый обрамлением всей линейной композиции (табл. IV, 3, 11).

В том же плане рассматриваются сосуды, украшенные округлыми наколами, а так-же спирально - волкутовыми лентами с накольчатым заполнением (табл. VII, 1, 2).

Не противоречат общему характеру комплекса неорнаментированные или украшенные налепами сосуды типа мисок, а так же глубокие боченкообразные сосуды.

О других, западных, связях свидетельствует особая группа ранне-боянской посуды, а именно – сосуды, украшенные «текстильными» композициями, исполненными в каннелюрной технике. В качестве памятников, с которых происходит рассматриваемая выше глиняная посуда, в первую очередь называем поселение Кэцелу, а так же поздне-неолитический слой Деветакской пещеры¹⁰⁵, (табл. V, 7, 9, 10, 17, 18, 28). Хорошее издание материалов последнего местонахождения убеждает нас, в частности, в том, что техника нанесения орнамента на местной посуде и его общий характер едва ли чем существенным отличается от того, который мы отмечаем для таких южно-печерских памятников как Гайворон-Полижок или Мельнична Круча (см. выше).

Приведенные выше сопоставления вполне оправданы так же и с точки зрения хронологии - формирование боянской культуры могло начаться не раньше самчинского времени т. е. тогда, когда на Южном Буге проистекал процесс ослабления главной линии в развитии местной культуры. Что же касается завершения процесса ее формирования, то он мог окончиться лишь где-то около времени савранской фазы, а возможно и позднее.

В заключение очерка о наследии буго-днестровской культуры, улавливаемом в археологическом облике раннего Триполья и его соседей, нелишне кратко суммировать приведенные выше данные.

Черты преемственности Триполья от буго-днестровской культуры заключается в целом ряде элементов культурного и экономического развития. Назовем главные из них.

Во-первых, хронологическую преемственность, во-вторых, почти полное совпадение территории, в-третьих – наличие преемственности в формах земледелия и соответствующих типах орудий обработки земли, в-четвертых, - принципиальное сходство набора кремневых орудий, в - пятых - однотипность ряда специфических форм костяных орудий, в-шестых - преемственность в типах поселений и жилищ, в-седьмых, - сходство ряда керамических форм, в-восьмых, - сохранение основных технических приемов нанесения орнамента на глиняную посуду и в сохранении всех его главных схем, в-девятых, -

преемственная связь системы религиозно-идеологических представлений.

Особо отмечаем вероятность намечающейся генетической связи боянской культуры с буго-днестровской, которая в какой-то степени могла обуславливаться расселением на Дунай части племен буго-днестровской культуры.

Вместе с тем, в материальном облике раннего Триполья определенно имеются и такие элементы, возникновение которых путем эволюционного развития самой буго-днестровской культуры объяснить невозможно.

Новое в историко-культурном облике раннего Триполья было прежде всего обусловлено экономическим развитием населения этого времени, и, в первую очередь, развитием земледелия.

Вопрос о характере и уровне развития земледелия, по нашему является главным в раскрытии тех форм, которые предопределили переход от буго-днестровской культуры к Триполью.

В свое время С. Н. Бибииков выступил с гипотезой о пашенном характере трипольского земледелия, подвергнув критике традиционную теорию о доминанте мотыжной обработке земли у трипольских племен. Обосновывая свою точку зрения, названный автор руководствовался, прежде всего, данными самой трипольской культуры, включающими общий уровень ее развития, в частности, размеры и устройство присущих ей поселений, отдельные формы инвентаря и другие данные, никак не вязавшиеся с начальным мотыжным земледелием¹⁰⁶.

В настоящее время гипотезу о пашенном характере трипольского земледелия можно считать полностью доказанной. Она доказана прежде всего самым фактом существования буго-днестровской культуры, являющейся классическим, достоверно установленным для всей Европы, примером мотыжно - земледельческой культуры.

Вполне очевидно, что говоря о переходе к пашенному земледелию, как о главной экономической предпосылке сложения трипольской культуры, мы отнюдь не предполагаем, что эта более высокая форма возделывания земли была изобретена самими носителями буго-днестровской культуры. В таком предположении было бы не больше правды, чем в широко распространенной, но не доказанной археологически и исторически не мотивированной версии о плужном

земледелии у неолитического населения культуры линейно-ленточной керамики¹⁰⁷.

Общая схема возникновения и развития пашенного земледелия в настоящее время в достаточной степени ясна. В предшествующей главе, в связи с рассмотрением вопроса о культурном и экономическом взаимодействии населения балкано-дунайского и малоазийского (анатолийского) ареалов, уже обосновывалось предположение о времени и причинах распространения прогрессивных навыков пашенного земледелия из Восточного Средиземноморья - сначала в балкано-дунайскую часть Причерноморья, а затем в Среднюю и Восточную Европу.

Выше уже отмечалось, что конец периода развития буго-днепровской культуры и начало Триполья приходился на атлантический период развития климата. Одной из отличительных особенностей последнего, как известно, является высокий уровень стояния вод в морях, реках и других естественных водоемах. Подтверждение этого для Южного Буга мы неоднократно видели на примерах геологических профилей таких местонахождений как Чернятка, Саврань, Гард, Миколина Броярка и др.

Повышение уровня вод в реках, если ограничиться оценкой естественных условий одних речных долин, должно было привести к сокращению приречных полей и, в определенной мере, содействовало кризису мотыжного земледелия. Зато явления общей увлажнения климата, охватывая широкие пространства способствовали освоению высоких приречных террас и водоразделов.

В сложившейся обстановке мотыжное земледелие, несмотря на высокое плодородие приречных полей, должна была отмереть и его место должна была занять более совершенная форма обработки земли - пашенное земледелие, являющееся, как мы в этом совершенно уверены, экономической первопричиной становления трипольской культуры.

Вместе с тем, пашенное земледелие должно было оставаться потенциальной возможностью, если бы его не сопровождало развитие скотоводства, эпохальным достижением которого на данном этапе развития общества, явилось использование тягловой силы животных (быка).

Если сравнить состав фаунистического материала, собираемого на поселениях буго-днестровской культуры с тем, который дает раннее Триполье, приходится отметить примерно десятикратный рост скотоводческой отрасли воспроизводящего хозяйства.

Имеются все основания думать, что импульс для развития этой отрасли хозяйства лежал не на юго-западе, как это устанавливается для пашенного земледелия, а на востоке - прежде всего в области днепровского Надпорожья, где доживала сурско-днепровская культура и слагалась культура Мариупольского могильника.

Когда говорится о восточном импульсе и днепровском Надпорожье, как об эпицентре этого импульса, нелишне напомнить, что именно эта территория оказалась богатой свидетельствами далеких межплеменных, вероятнее всего обменных, связей, захватывающих как буго-днестровский район, так и Нижнее Подунавье.

Разумеется это влияние не было односторонним, а будучи взаимным, лишь ускоряло процесс возникновения подлинно комплексных земледельческо-скотоводческих форм хозяйства. О том, что мы правильно ориентируемся в процессе развития скотоводства этого времени, говорит несколько данных.

Во-первых следует отметить, что в комплексах буго-днестровской культуры, и других восточно-европейских охотничье-скотоводческих культур того же времени, а равно, в составе раннетрипольского стада определено доминирует крупный рогатый скот, а уже затем следует свинья и мелкий рогатый скот. Разница заключается лишь в процентном соотношении с костями диких животных.

Доминирование крупного рогатого скота, а с ним общий подъем скотоводства, стимулированное успешное развитие пашенного земледелия не в последнюю очередь было предопределено тем, что бык в этом обширном регионе мира стал первым тягловым животным. Получила ли повозка - арба распространение у скотоводов уже в это время, сказать трудно, в виду отсутствия прямых археологических свидетельств.

Что же касается раннетрипольского населения, то у него интенсификация земледелия с необходимостью должна была вызвать и интенсификацию скотоводства.

Речь, разумеется, идет о другом исключительно крупном хозяйственном нововведении - о начале стойлового содержания скота, кла-

дущем начало комплексной - мясомолочной природе скотоводства. Косвенным указанием на начало стойлового содержания скота, является прежде всего наличие примеси мякны и соломы в глиняной «печине», что предполагает привоз для обмолота на поселение не одних только колосков, как предполагалось прежде, но и снопов.

Неверно было бы, впрочем думать, что мы хотим объявить восточный, в основе скотоводческий мир, единственным источником, стимулировавшим быстрый подъем скотоводства у раннетрипольских племен.

Имеются все основания думать, что повышение роли скотоводства, происходившее на данном этапе и захватившее обширные территории, не оставило в стороне и Балканский полуостров. Свидетельством этого является то, что только для этого времени имеются первые достоверные сведения о разведении такого важного вида мелкого рогатого скота - как овца^{108*}.

Таким образом, в качестве экономической основы формирующейся трипольской культуры, вырисовывается гармоническое, многоотраслевое, земледельческо-скотоводческое хозяйство, слагающееся именно в это время и являющееся вплоть до настоящего времени оптимальной формой хозяйства производящего продукты питания.

Между тем, в экономическом развитии племен, населявших в это время территорию Правобережной Украины, намечался еще один сдвиг, значение которого обычно недооценивается - начинался медный век.

Время от времени, на раннетрипольских поселениях встречаются изделия из меди: обломки проволоки, пластинчатые подвески, удильные крючки и другие мелкие украшения и орудия производства.

Казалось, что медь в обстановке раннетрипольского общества, в частности, в его производственной деятельности, не занимала заметного места. В настоящее время это мнение, оказавшееся в достаточной степени ошибочным, уже пересмотрено. Прояснение пришло неожиданно, и, тем не менее, окончательно.

Оно явилось в виде случайно обнаруженного в 1961 г. «клада» раннетрипольского времени, у с. Карбуна Чимишлийского района

* Неолитические памятники степного скотоводческого ареала до сих пор не дали находок достоверных костей этого животного; их место занимают кости козы.

Молдавской ССР. Здесь, на площади прорезанного современной дорогой поселения, был обнаружен богато украшенный плечистый горшок с воронковидным низом, накрытый небольшим сосудиком. Его наполнением явились различные артефакты являющиеся для этого времени, особенно ценными преимущественно из меди. Клад содержал 852 предмета, в составе которых присутствуют украшения, оружия производства, предметы вооружения, и инсигнии власти.

Среди изделий из меди имеются сотни различных бус, бляхи и браслеты в несколько оборотов, плоские антропоморфные изображения наподобие изготовлявшихся из глины и кости, клиновидный проушной топор и массивное долото; тут же был найден просверленный зеленокаменный топор, морфологически предвещающий описанный выше медный. Оружие и одновременно инсигния власти представлена клевцом - молотом, изготовленным из белого мрамора.

Помимо перечисленных выше, вещей в составе названного клада имеются также многочисленные предметы известные и по находкам на поселениях - пронизки из клыков оленя, бусы из раковин морских моллюсков, ониксовые, и, бюрюзовые бусы*.

Вполне очевидно, что Корбунский клад принадлежащий - очевидно родоплеменному вождю-жрецу, является важнейшим документом первобытного обмена, охватывавшего, как выясняется, ряд южноевропейских и азиатских средиземноморских и причерноморских территорий.

Однако, главное даже не в этом. Клад с изумительной лаконичностью и яркостью свидетельствует о том, что медный век, пусть даже самый ранний, далеко и быстро продвинул вперед раннетрипольское общество в сравнении с уровнем развития населения буго-днестровской культуры.

В плане исследования вопроса о сложении трипольской культуры, главное заключено в решении вопроса о происхождении меди. Иными словами, речь идет о той территории, которая, благодаря взошедшей заре металлургии, на какое-то время оказалась во главе европейского прогресса.

Анализируя состав клада, а равно учитывая ранее известные факты, мы осмеливаемся утверждать, что такой территорией, впер-

* С Карбунским кладом, вскоре после его открытия, нам удалось подробно ознакомиться благодаря любезности изучавшего его Г. П. Сергеева.

вые давшей Европе собственные медь и золото, была Трансильвания времен Винчи – Тордоша, а также сопредельные территории Балкан, занятые, надо полагать, культурой караново-яштатеинского типа.

Важная роль этой территории в развитии европейской металлургии уже отмечалась¹⁰⁹. Однако, наличие экономического контакта с Трипольем, и, притом с таким древним, обнаруживается впервые.

Итак, основу экономического развития трипольской культуры этого, исключительно раннего времени, составляют историко-культурные явления раннего медного века, включающие саму металлургию меди, пашенное земледелие, в развитие скотоводского хозяйства и пр. Несомненно, что общественная организация коллективов, достигших подобного уровня развития, не могла быть иной, кроме патриархально-племенной.

Оценивая большое значение происходившего историко-культурного прогресса, все же следует помнить, что при решении вопроса о генезисе культуры он все же не имеет решающего значения. Это ясно хотя бы из того, что сходные явления, с небольшими местными нюансами, отмечаются для всего южно-европейского древнеземледельческого ареала, простирающегося вдоль средиземноморского и черноморского побережий, от Италии и до среднего течения Южного Буга.

Между тем, выделить общеисторическое или стадияльное содержания процесса было необходимо хотя бы для того чтобы оттенить его самостоятельный характер, своего рода независимость от того этнографического, что фиксирует главное в этнокультурном развитии.

Пытаясь рассмотреть вопрос о переходе от буго-днестровской культуры к трипольской в археологической конкретности, прежде всего следует установить, что из культурного облика памятников-савранско-хмельникского времени при переходе к Триполю оказалось утраченным и, что взамен этого утраченного, в трипольском комплексе возродилось или появилась впервые.

Прежде всего отмечаем изменения, происшедшие в составе глиняной посуды. Они особенно значительны для кухонной посуды. По-существу произошла полная смена этой части керамики. Взамен больших остродонных горшков S-видного профиля, появляются небольшие плоскодонные горшки с низкой постановкой плеча. В корне меняется и характер орнамента, - теперь представленного преимуще-

ственно пальцевыми вдавливаниями и защепами, иногда близко напоминающим кёрешский орнамент (табл. IX, 17).

К этому же времени относится и промазной орнамент. Та и другая разновидности орнамента, обычно объединяются в угловатые и «текстильные» схемы, хорошо известные по кёрешским и савранским орнаментальным схемам. В том же плане отмечаем и переживания барботинного орнамента, имеющего характер намазных выпуклостей (табл. IX, 12).

Так же в принципе новым является и настоящий каннелюрный орнамент, состоящий из широких, проглаженных по подсохшей поверхности стенок сосудов, линий, образующих уже знакомые «текстильные» или спирально-воллютовые композиции.

Новыми является если не содержание, то материал и стиль культовой пластики, передающей полусидящие женские изображения с подчеркнутой нижней частью, которые в хронологическом отношении, повидимому, являются несколько более поздними чем схематические женские статуэтки с закругленной нижней частью, характерные для памятников типа Зэнешти (табл. X, 1, 2) [Греновка], но в то же время, имеющих довольно близкие аналогии в кругу памятников Восточного Средиземноморья (табл. X, 5) [Лука - Врублевецкая], но едва ли имеющие аналогии в составе культовой пластики кёрешской культуры.

Об архаизме этого типа статуэток говорит то, что они редки уже в ранне-трипольских и винчанско-тордошских комплексах.

Наконец, в качестве уже собственно трипольской черты, следует назвать и довольно широко распространившиеся рубящие орудия - тесла, изготовлявшиеся из сланца.

Насколько известно, такие орудия были распространены как в западной румыно-молдавской, так и в восточной прибугской частях ранне-трипольской области. Использовать в необходимой мере этот факт при рассмотрении вопроса о генезисе трипольской культуры, не представляется возможным так как центр возникновения подобных орудий все еще остается неизвестным. Очевидно лишь одно - такие орудия возникли не в Поднепровье, а значительно западнее, вероятно в области Карпат. О времени первоначального проникновения их на Южный Буг говорят находки примитивного сланцевого орудия на по-

селении Миколина Брояка, относящемся к савранской фазе развития культуры.

На этом и заканчивается перечень новых явлений, обусловивших специфику перехода от буго-днестровской неолитической культуры к культуре медного века - Трипольской.

Подытоживаем список этих явлений: переход от мотыжного к пашенному земледелию, очевидный подъем скотоводства, и, в частности, освоение тягловой силы крупного рогатого скота, возникновение металлургии меди, зарождение патриархальных отношений, возникновение регулярного межплеменного обмена, а также, - в плане совершенствования материальной культуры - изменение характера кухонной посуды, имеющей много общего с древней посудой кёрешского типа, широкое распространение каннелированной посуды, имеющей аналогии в переживаниях того же круга, к которому, в определенной части, примыкают боянская, хаманджийская и, наконец, трипольская культуры.

Здесь надо подчеркнуть, что речь идет о переживаниях, исходящих из эпицентра кёрешско-старчевской культуры. Таким эпицентром в период сложения Триполья, Бояна и Хаманджи, мог быть только винчанско-тордошский район Трансильвании и примыкающая к ней часть Балкан, где в условиях Южной Европы раньше, чем где бы то ни было в Европе возникла металлургия меди, приведшая к регулярному межплеменному обмену, который наряду с распространением прогрессивных форм земледелия, наложил неизгладимый отпечаток на весь строй жизни древнеземледельческих племен Южной Европы.

В заключение отмечаем, что особое значение тордошко-трансильванского импульса для сложения Триполья, хотя, по-нашему, и не совсем правильно оценено некоторыми румынскими археологами¹¹⁰.

ГЛАВА II. § 1.

Сложение трипольской культуры. Историографический момент.

В своем месте уже было оговорено, что познание процесса сложения трипольской культуры не является целью исследования дотрипольской буго-днестровской культуры. Возможности последней, как

мы могли неоднократно убедиться, значительно обширней. Однако, и этот вопрос должен найти отражение в итоговой части работы, а с учетом освещенных в ней основных положений: процесса развития меняющегося характера во взаимоотношениях, с другими культурными образованиями данных хронологии и синхронизации, особенностей хозяйственного развития, своеобразия идеологических представлений ее носителей и пр.

Вместе с тем, предлагая свое решение вопроса, мы не считаем его исчерпанным, хотя и уверены в правильности основных направлений предлагаемого построения.

Трудность решения вопроса о сложении трипольской культуры, прежде всего является трудностью методического порядка. Для того, чтобы оценить значение этого вывода достаточно вспомнить о том, далеко не богатом списке научных работ, в которых рассматривались бы вопросы методологии, в частности генезиса археологических культур или этнических массивов.

Краткость списка обусловлена отнюдь не личностными данными ученых, ставивших подобные вопросы, и отнюдь не недостатком соответствующих гипотез или теорий, тем более таких, которые зачастую возникают вне зависимости от состояния источников, на любом этапе их накопления.

Возникновение таких априорных решений зачастую обусловлено естественным стремлением так или иначе объяснить новое историко-археологическое явление. Хуже обстоит дело, когда ученый претендует на окончательность собственного мнения без учета множественности проявлений всякой археологической культуры, еще до накопления необходимого минимума полученных в поле материалов. Это уже недостаток методический или даже методологический.

Естественно, что на начальном этапе изучения и гипотезы о сложении трипольской культуры должны были носить преимущественно умозрительный характер, и, вне зависимости от того, как решался данный вопрос, не были выверены и подтверждены фактическим материалом в необходимом объеме.

Именно такими, чисто умозрительными построениями являются, первые гипотезы о происхождении трипольской культуры. Известно, например, что В. В. Хвойка, хотя и не знал неолита Украины,

рассматривал трипольскую культуру как явление исключительно автохтонного развития¹¹¹.

Лишь немногим позднее возникла гипотеза о внеевропейском происхождении Триполья, основанная на сходстве присущих ему элементов материальной культуры с соответствующими проявлениями азиатских культур «расписной керамики». Так, например, известные крупные русские археологи А.А.Спицын¹¹² и А.В. Городцов¹¹³, видевшие сходство трипольской культуры с названными культурами, настаивали на том, что на территорию Восточной Европы носители триполья пришли из Азии.

Значительно позднее, но не с большими фактологическими основаниями, сложение культуры Триполья Г. Чайлдом объяснялось как процесс дальнейшего развития так называемой дунайской культуры линейно-ленточной керамики. Сложение последней связывалось им с расселением из области Эгейды в Среднюю Европу населения со средиземноморским складом культуры¹¹⁴.

В этой гипотезе отразилось господствовавшее тогда в европейской науке и нашедшее в работах О. Менгина¹¹⁵, самого Г. Чайлда¹¹⁶, А. Стоцкого¹¹⁷, Ф. Томпа¹¹⁸ и других представление о том, что и культура линейно-ленточной керамики, как и другие культуры южного пояса, например, бутмирская, тисская, трипольская и другие относятся к одному и тому же типу, хотя и датируются различными хронологическими периодами. Подобное построение вполне уживалось с автохтоническим учением акад. Н. Я. Марра и получило отражение в работах советских исследователей того времени.

Так, например, возникнув без необходимой проверки археологическим материалом, в советской научной литературе распространилась точка зрения Т. С. Пассек¹¹⁹, Е. Ю. Кричевского¹²⁰, согласно которой Триполье является всего лишь одним из позднейших вариантов культуры линейно-ленточной керамики («дунайской»), которая, по мнению последнего, в свою очередь, автохтонно сложилась на более древней - «кампинийской» основе¹²¹.

В плане отрицания автохтонической концепции возникла гипотеза С. Н. Бибикова. Резкие этнографические отличия трипольской культуры от дунайской, не позволяющие ставить их в прямую генетическую зависимость, побудили С. Н. Бибикова выступить с обновленной точкой зрения относительно пришлого характера основных

элементов трипольской культуры. Согласно ей, возникновение трипольской культуры в основных чертах отвечало процессу сложения в Восточной Европе (конкретно на Среднем Днестре), воспроизводящего (земледельческо - скотоводческого) хозяйства, что по мнению С. Н. Бибикова было вызвано расселением в Европе носителей культуры внеевропейского, средиземноморского происхождения¹²². В качестве древнейшего отрезка пути проникновения в Европу средиземноморского населения С. Н. Бибиков, вслед за Г. Чайлдом, принимал вардароморавский путь¹²³.

Завершение сложения того этнокультурного массива, который называют трипольской культурой, по мнению названного автора, на Поднестровье происходило в обстановке слияния пришлых групп населения с переживавшими заключительную пору палеолита местными группами населения¹²⁴. Переживания местной культурной традиции С. Н. Бибиков видит в типе жилищ, формах кремневого инвентаря¹²⁵, а преобладание пришлой - в развитии земледелия и скотоводства, в формах и технике изготовления посуды, в специфических формах идеологических представлений и пр¹²⁶.

Эта точка зрения имеет как сильные, так и слабые стороны. Сильными сторонами является правильное указание на примыкание Триполья не к культурам среднего пояса Европы, а южного, то есть средиземноморского¹²⁷, интересная аргументированная трактовка вопроса об относительном перенаселении (давлении избытка населения при низком уровне производительных сил)¹²⁸, обоснование существования пашенного характера трипольского земледелия¹²⁹, как и патриархального устройства общества¹³⁰, об отражении явлений природной естественной цикличности в идеологических представлениях¹³¹ и пр. Все же, в целом, она остается во многом умозрительной, так как не учитывает памятников местной дотрипольской неолитической культуры¹³².

Вопрос о происхождении трипольской культуры давно привлекает внимание автора. Основным в нашем построении является изучение характера местной неолитической основы и процесса внедрения на территории Украины навыков земледельческого хозяйства. Разумеется, распространение достижений последнего не мыслится без созидательного влияния населения Средиземноморья, причем в качестве основной территории, передававшей эти влияния, мы при-

нимаем Нижнее Подунавье. Это построение, вначале достаточно умозрительное, определенным образом совершенствовалось, усиливаясь за счет притока свежего археологического материала.

Первым приближением такого построения является доклад автора на V конференции Института Археологии АН УССР, состоявшейся в начале 1946 г., в котором по затронутому вопросу имелись следующие положения: «В основе трипольской культуры лежит местная рыболовецкая культура с гребенчатой керамикой, связанная в хозяйственно-историческом аспекте с ниже-дунайской земледельческой культурой Боян А II¹³³. Там же содержалось утверждение о том, что древнейшая трипольская культура сначала локализовалась в юго-западной части ее территории, а в качестве конечного вывода было сформулировано три положения: а) отсутствие генетической связи между трипольской культурой и дунайской; б) наличие в основе Триполья местного неолита, взаимодействовавшего с южно-дунайскими культурами и постепенно видоизменявшимся в трипольскую; в) рассмотрение дунайской культуры с одной стороны, а Триполья и Бояна с другой - как генетически независимых явлений¹³⁴.

Стремясь выверить это наблюдение на фактической основе, с 1949 по 1961 г.г. мы предприняли разыскание и раскопки на Южном Буге неолитических памятников, и, по мере их исследования производили сопоставление полученных данных с материалами неолитических памятников соседних территорий, а также с данными древнейших трипольских, равно как и сходных с ними боянских местонахождений Нижнего Дуная. Напоминаем, что к настоящему времени на территории южно-бугского бассейна известно около 50 неолитических поселений, и несколько погребений, выделяемых нами в особую буго-днестровскую культуру, и относящихся к раннему, развитому и позднему неолиту. Около 15 памятников известно на Днестре.

В результате осуществления обширной программы полевых работ в 1958 г. оценка соотношения формирующегося Триполья и Бояна, давалась в более уточненной формулировке: «Культурно-историческое развитие на Нижнем Дунае, протекавшее в теснейшем контакте с Восточным Средиземноморьем, и также, видимо, покоившееся на местной доземледельческой основе, характеризовалось этнографически независимыми от Триполья формами культуры, которые были параллельны ему»¹³⁵.

В последние годы появились высказывания ряда румынских авторов о сложении трипольской культуры. В полной мере абстрактными их назвать нельзя так как в какой-то мере они основаны на анализе новых данных полевых исследований. Однако далеко не все в этих построениях может быть принято, ибо сложение буго-днестровской культуры в них до сих пор почти не учитывается, возможно в силу недостаточной осведомленности румынских авторов в фактической стороне вопроса.

Остановимся вкратце на суждениях румынских, а отчасти и советских археологов, разрабатывающих этот вопрос в настоящее время на основе «придунайских» материалов.

Так, например уже после того как в послевоенные годы в Румынии Е. Комша, Д. Берчиу и др. была разработана, с нашей точки зрения, правильная схема историко-хронологического членения Боянской культуры¹³⁶, местные исследователи, например, Г. Думитреску и Р. Вульпе, начали думать о ней как о продвигавшейся на восток по дооснове памятников типа Извоар I – Триполье А¹³⁷.

Это слишком прямолинейное построение грешит упрощенной оценкой исторического процесса, а иногда - и незнанием его слагаемых. Ближе к объективной современная точка зрения Т. С. Пассек, учитывающая, в качестве компонентов сложения трипольской культуры, позднейшие памятники боянской и буго-днестровской культур¹³⁸. В какой-то мере эта точка зрения сближается с нашей точкой зрения, согласно которой в основе Триполья находится местный неолит «с гребенчатой керамикой», пребывавшей в постоянном взаимодействии с культурой Боян А¹³⁹.

Вместе с тем, часть в предложенных румынскими авторами построений может быть принята без особых дискуссий, ибо аналогичные им мысли были высказаны нами весьма давно. В этой связи нелишне напомнить о нашедшем отражение в печати мнении автора, относительно характера доизвоарских памятников, сформулированном еще в 1946 г., в процесс изучения в 1944 г. в музее г. Пятра-Нямц материалов из Грудешти и из нижнего слоя Извоара. Уже тогда, то есть задолго до построения нынешней хронологии Боянской культуры и до раскопок поселения Зэнэшти, нами был отмечен больший архаизм поселения Трудешти, прямого аналога поселения Зэнэшти, в сравнении с генетически связанной культурой докукутенского слоя

Извоара¹⁴⁰. Попутно заметим, что приведенное мнение, как это выяснилось в личной беседе с Р. Вульпе, ему было известно из печати, но отражения в его историографических построениях почему-то не нашло¹⁴¹.

Важнее, впрочем заметить, что установление преемственной связи этих двух, названных выше, хронологически смежных явлений ничего не говорит о содержании процесса, уходящего корнями в исключительно глубокую древность. Говоря иными словами, Зэнэшти или синхронизируемые с ним памятники типа Джулешти¹⁴² отражают собой краткий эпизод на фоне непрерывного процесса большой сложности и продолжительности.

Не подлежит сомнению тот факт, что намеченные Е. Комшой - Д. Берчиу схемы в основном правильно фиксируют этапы развития боянской культуры - от Болинтиняну до Вэрэшти т. е. устанавливают развитие боянской культуры в гумельницкую¹⁴³.

Следовательно, несмотря на очевидную родственность боянских памятников с синхронными им раннетрипольскими, все же правильнее говорить не о трансформации одного явления в другое, а о параллельном их развитии.

В этом смысле примечательна мысль Г. Думитреску о том, что памятники типа Джулешти и Зэнэшти отражают собою локальные явления. Однако, вне зависимости от этого факта, следует учитывать, что вопрос о генезисе трипольской культуры, опирается на данные значительно более древние, чем время формирования обеих названных придунайских культур. Конечно, трудно себе представить, что может еще открыться в процессе поисков раннего неолита на территории Румынии. Что же касается неолита буго-днестровского ареала, то уже в настоящее время выяснено, что его корни восходят ко времени сложения земледельческого неолита Северо-Западного Причерноморья, и, что этот неолит в целом генетически связан с трипольской культурой. Поясняя свою мысль напоминаем, что в арсенале знаний по буго-днестровской культуре, имеются сведения о памятниках более древних, чем культура линейно-ленточной керамики и кёрешская культура. Следовательно, в материале буго-днестровской культуры заключены возможности решать вопросы генезиса культур большого хронологического и территориального диапазона. В то время, такие западные

соседи Триполья как Боян, его ранний дериват Вадастра¹⁴⁴, а также и культура Хаманджия в плане раскрытия процесса сложения, сами нуждаются в разъяснении¹⁴⁵.

Когда мы говорим о процессе трансформации неолитической культуры в энеолитическую трипольскую мы должны учитывать всю совокупность признаков, определяемых нами при выделении буго-днестровской культуры и являющихся критерием для выделения любой археологической культуры. Мы ценим этот, в какой то мере научно-организационный или методический вывод, так как он является результатом большой предварительной работы. Настаивая на нем, мы даже считаем необходимым подчеркнуть, что тому археологу, который не учитывает весь комплекс признаков культуры и взамен исторического построения занимается эволюцией форм глиняной посуды и ее орнаментов, не дано входить в суть сложных процессов этнической истории.

Однако, прежде чем перейти к конкретному решению вопроса, следует уточнить о сложении какого именно типа «трипольской» культуры идет речь, ибо в специальной литературе все еще имеет место нерасчлененное в необходимой мере понятие Триполье А под рубрику которого подводятся и такие памятники, как Сабатиновка II¹⁴⁶ и такие как Лука-Врублевецкая¹⁴⁷, Бернова Лука¹⁴⁸, Солончены¹⁴⁹ и даже Борисовка¹⁵⁰.

Мы уже предпринимали попытки культурно и хронологически дифференцировать раннее триполье, однако, эти попытки имели эпизодический характер¹¹¹.

Попутно заметим, что в наши построения мы включаем и такие памятники промежуточного характера как Флорешти¹⁵¹ и Зэнэшти, так как их характер вполне отвечает нашему представлению о том, что трипольские памятники в границах западной части раннетрипольского ареала, например, на Поднестровье, должны обладать чертами большей близости с боянским культурно - историческим комплексом.

В этом же аспекте в свое время нами оценивался и нижний слой Извоара, с которым нам пришлось познакомиться в поле. Последнее обстоятельство дает нам основание попутно заметить, что выделение на этом памятнике слоя Извоара I основано скорее на стремлении не отстать от распространенных схем, чем на реальных полевых наблю-

дениях¹⁵². В какой-то мере это обстоятельство оговаривается и автором монографии об Извоаре¹⁵³.

Исходя из бесспорности культурно-хронологической преемственности памятников типа Джулешти-Видра (Боян А) Петру-Рареш¹⁵⁴ мы не видим доказательств реального расчленения Извоара I на два слоя. С нашей точки зрения Извоар I следует рассматривать как гомогенное явление, находящееся в контакте с боянскими памятниками, типа Джулешти¹⁵⁵ или Видра^{156*}

ГЛАВА II. § 2.

Древние Триполье: восточный и западный районы.

Наиболее древние трипольские памятники, в частности те, которые культурно соприкасаются с Бояном, в настоящее время известны на обширной территории - на западе от верховий Бистрицы и Среднего Серета в Румынии и до Синюхи и среднего течения реки Южного Буга - на востоке. В числе таких памятников в бассейне Южного Буга мы можем отметить Красноставку¹⁵⁷, Вишнополь¹⁵⁸, Данилову Балку¹⁵⁹, Сабатиновку II¹⁶⁰, Александровку¹⁶¹ и др. В границах Среднего Поднестровья это такие поселения как Флорешти¹⁶², Брага¹⁶³ и ряд местонахождений, открытых В. И. Маркевичем. Целый ряд сходных памятников выявлен в западной Молдове: Унгены (Богдэнешти)¹⁶⁴, Зэнешти (Дялуй-Виеш)¹⁶⁵, Дялул-Фынтынилор¹⁶⁶, Валя-Жижиеш¹⁶⁷, Гатул Лупулуй¹⁶⁸, Влэдани, Ларга Жижиеш¹⁶⁹ и другие поселения, расположенные между Средним Серетом и верховьями Бистрицы¹⁷⁰.

Материалы этих поселений опубликованы с разной степенью полноты, нередко изданы лишь отдельные серии находок - обычно керамика и предметы художественной пластики, что же касается орудий производства, в частности, кремневого инвентаря, то ему не уделяется надлежащее внимание. Однако собранный материал вполне достаточен для того, чтобы уловить наиболее характерные общие черты этих памятников, позволяющие объединить их в единую хронологическую и в какой-то мере культурную группу¹⁷¹.

* Публикацией Р. Вульпе материал "Извоар I" уныло однообразен и представлен всего несколькими фрагментами с вырезным орнаментом.

Вполне естественно, что идя по пути выявления генетических связей Триполья с местным неолитом, мы прежде всего должны остановиться на древнейших трипольских памятниках восточного т. е. Буго-днестровского района.

В очерченных выше границах восточного района наиболее древние места обитания представляют собой небольшие поселения, состоящие из малых жилищ полуземляночного типа, построенных без значительного использования глинобитной массы. Однако, ряд памятников, хотя и сохраняющих архаический характер многих элементов культуры, выделяется таким существенным признаком, как появление довольно сложных глинобитных жилищ.

К числу последних, относится второй строительный горизонт Сабатиновки II¹⁷², Александровки¹⁷³ и Даниловой Балки¹⁷⁴, то есть ряда памятников южно-бугского бассейна.

Несмотря на то, что на этих поселениях, встречаются уже изделия из меди необходимо отметить, что присущая им материальная культура характеризуется переживанием конца эпохи неолита.

С наибольшей, убедительностью о неолитических переживаниях свидетельствует такая важная категория производственного инвентаря как орудия, изготовленные из кремня и камня.

В целом комплекс орудий из кремня, присущий этой древнейшей фазе в развитии трипольской культуры, может быть охарактеризован как поздний микролитический. Ассортимент орудий в эту пору отличается значительной простотой состава. Его можно подразделить на две основные группы, различающиеся по технике изготовления — орудия изготовленные из пластин, куда условно относятся и сами пластины, а также орудия сформированные на отщепе.

Соответственно необходимость в двух типах заготовок, определяет существование двух типов нуклеусов — небольших пирамидальных и призматических — для получения пластин, а также нуклеусов продолговатых форм, предназначенных для получения отщепов стандартизованных очертаний. Таких нуклеусов сравнительно немного, так как отщепы можно получить и без особой подготовки при расщеплении кремневых конкреций.

Наиболее массовым материалом таких комплексов являются небольшие (длина до 10 см. и ширине около 1 см.) довольно правильные пластины плоско — трапецевидного сечения. Правильность их профи-

ля объясняется двумя причинами - они или скалывались с правильных призматических нуклеусов, или же в том случае, если они были сколоты с обычных пирамидальных нуклеусов - концевые утолщенные части преднамеренно отламывались.

Большинство таких пластинок использовалось в качестве ножей, без дополнительной обработки. Однако, некоторые из них, имеют краевую и, реже, концевую формирующую ретушь. Нередко такие пластинки на концах имеют характерную залощенность в виде скошенного участка, изобличающую в них вкладыши в серпы так называемого карановского типа¹⁷⁵, (табл. I, 14 - 16) ; (табл. II, 2, 3) .

Подобные пластинки служили исходным материалом для получения ряда других, в целом довольно редких орудий: проколос с боковой постановкой жальца и острий лучковых сверл. Особого внимания заслуживают микролитические орудия геометрических очертаний, изготовленные из сеченных пластин - наконечники стрел ромбических очертаний, имеющие на диагонально скошенных концах формирующую ретушь (табл. II, 6, 7), а также изредка встречающиеся микролиты в форме трапеций (табл. II, 4).

Вторую чрезвычайно характерную группу описываемого комплекса орудий составляют скребки округлой или сегментовидной формы, изготовленные на отщепках (табл. II, 5, 10, 11); (табл. I, 7 - 9). Лишь изредка встречаются концевые скребки, сформованные на пластинчатых отщепках, имеющие помимо закругленного рабочего края также ретушь на концах. Среди скребков довольно многочисленна группа орудий, имеющих в диаметре менее 1 см., что дает полное основание называть их микролитическими (табл. II, 10, 11). Однако, встречаются орудия и значительных размеров, достигающие в наибольшем диаметре 3-4 см.

Многие из скребков, особенно среди крупных и плоских, имеют весьма характерный рабочий край, ретушь на котором, в зависимости от изгиба профиля заготовки, наносилась то с брюшка, то со спинки - с целью создать острый и «зубчатый» край (табл. II, 5).

Из приводимого ниже описания нетрудно видеть, что охарактеризованный выше комплекс кремневых орудий первой фазы развития трипольской культуры имеет почти полную аналогию в инвентаре собственно неолитического возраста, полученном при исследовании ряда поселений на Южном Буге. Мы можем говорить о таком же на-

боре нуклеусов, пластинок, проколов, скребков и, что особенно показательно - также и о специфических микролитических наконечниках стрел, весьма архаического типа. От собственно неолитического этот комплекс отличается лишь в двух отношениях - здесь почти отсутствуют геометрические микролиты трапецевидной формы, а также проявились кремнивые вставки для серпов, редкие в неолитических комплексах и более архаичные.

Известную аналогию для такого комплекса представляет позд-неолитический комплекс кремневых орудий степной полосы, который в целом производит впечатление более архаического¹⁷⁶. Однако, он несомненно древнее не только комплекса кремневых орудий таких памятников как Средний Стог II¹⁷⁷, но и таких как поселение на острове Малый Дубовый¹⁷⁸ или Мариупольский могильник¹⁷⁹, набор кремневых орудий которых, включая различные орудия из крупных пластин и наконечников дротиков, уже исполненных в технике двустороннего ретуширования, безусловно близок к инвентарю таких раннетрипольских памятников как Поливанов Яр¹⁸⁰, Лука Врублевская¹⁸¹, Солончены I¹⁸², и даже Сабатиновка I¹⁸³ и Кукутени А¹⁸⁴.

Инвентарь каменных орудий отличается особой простотой состава. По-существу его можно свести к одной характерной трипольской форме - небольшому и широкому топору-теслу асимметричного прямоугольного профиля, обычно изготовленному из сланца (табл. II, 13).

Более специфичны небольшие долота арочного профиля, изготовленные из того же материала, имеющие определенные аналогии в миниатюрных изделиях типа так называемых клиньев в виде башмачной колодки (табл. II, 12).

Подчеркиваем, что неолитизм кремлевого инвентаря, характеризующийся переживаниями архаической микролитичности, типичен лишь для самого начала Триполья. Несколько позднее, уже на этапе памятников типа Греновки, Луки - Райковецкой от этого архаизма почти ничего не остается.

С недавних пор, нам известен в достаточной степени комплекс орудий, изготовленных из кости и рога. Исключительно интересны переживания мотыг из рога оленя с продольной постановкой рабочей части (табл. I, 1), костяных лоцил для обработки поверхности сосудов (табл. I, 6, 10) хорошо нам известных ножей из эмали клыков

кабана (табл. I, 4, 5), костяных наконечников стрел игольчатой формы и пр.

Из числа более редких форм следует назвать муфты из рога оленя для крепления небольших кремневых орудий, своеобразные концевые скребки, из кости, несколько напоминающие «лопаточки» кёрешско-тордошской культуры. Многочисленны, хотя и не характерны костяные шилья с острием правильно округлого сечения, обычно изготовленные из грифельных костей копытных.

Переходим к основной, с точки зрения определения этнографического своеобразия культуры, категории инвентаря трипольских памятников начальной фазы развития - к глиняной посуде и предметам художественной и культовой пластики. Первоначально в этом плане речь преимущественно пойдет о восточных раннетрипольских памятниках, Прежде чем приступить к сопоставлению краткой характеристики древнейшей трипольской посуды, следует указать на ее неоднородность, зависящую от хронологического положения конкретных групп керамических изделий.

Так, например, во время изучения глиняной посуды из земляночных и площадочных (наземных) жилищ II Сабатиновского поселения было установлено, что в составе керамических изделий, происходящих из землянок, а также с поселения Гайворон и Чернятка определяются всего две технологические группы посуды: изделия из простой серой глины кострового обжига и изделия чернолощеные, обожженные в печи с медленной тягой. Именно эти технологические группы мы отмечаем и для глиняной посуды Побужья конца неолитической эпохи.

Иным оказывается технологический состав керамических изделий, связанных с более поздним типом жилищ - с так называемыми «площадками» того же памятника и его культурных аналогов. В числе керамических изделий, происходящих с вышеназванных «площадок», и с таких памятников как Александровка¹⁸⁵, Лука Врублевская¹⁸⁶, Греновка¹⁸⁷ и др., помимо двух названных выше групп посуды, встречается третья - сосуды светлорыжевого, почти красного цвета. Появление этого типа посуды, обжиг которого требовал печей с искусственной тягой, определенно является чертой дальнейшего развития ранне-трипольского керамического производства.

Косвенным указанием на появление керамических печей являются как сами «площадки», по характеру обжига глины приближающиеся к кирпичу, так и появление купольных духовых печей, отмечаемых для всех глинобитных жилищ. Прямым указанием на сооружение их в раннетрипольское время является находка обжигательной печи с люфтами на раннетрипольском поселении Лука Врублевцевка и некоторые другие аналогии¹⁸⁸.

Для сравнения нелишне подчеркнуть, что такой же по составу оказывается и посуда из Извоара I, в то время как посуда таких памятников, как Трудешти (Гигоешти) и др. характеризуется более простым технологическим составом¹⁸⁹.

Древнейшая трипольская посуда подразделяется на две основных различающихся по назначению группы - сосуды грубой выделки, предназначавшиеся для сохранения продуктов и приготовления пищи, а также обиходные сосуды из отмученной глины, с лощеными стенками.

Следует отметить, что подобное деление, не лишено известной условности - в наборе посуды заметное место занимает так называемый переходной тип изготовлявшихся из недостаточно отмученной глины, но характеризующийся старательно сглаженной поверхностью стенок, и украшенных со всей тщательностью сосудов.

Сосуды первой группы представлены двумя, хронологически несколько различающимися, формами: плечистыми горшками с небольшими прямыми или отогнутыми венчиками, а также приземистыми и высокими банками. Сосуды первого типа преобладают в составе инвентаря таких архаических памятников, как первый строительный период Сабатиновки и Гайворона. (табл. IV, 5, 9).

Преобладание сосудов второго типа отмечено уже для второго периода заселения «площадочных жилищ» того же поселения Сабатиновка, Луки - Врублевцевкой, Греновки, Сабатиновки I и пр.

Следует отметить, что более архаические кухонные горшки также сохраняют некоторые переживания кёрешского орнамента: обычные ногтевые углубления, настоящий защитной «колосовый» орнамент, а изредка даже барботины и пр. (табл. IV, 10). Горшки баночной формы украшались, как правило, иначе - венчик сглаживался, ниже его помещался ряд углублений, а по тулову наносился намазной полосчатый орнамент, образующий угловатые «текстильные» композиции.

Обоим типам сосудов свойственен пластический орнамент в виде различных шишечек, а также небольшие ручки, помещенные в один - два яруса в обычном или шахматном порядке. (табл. IV, 6),¹⁹⁰. Обе формы сосудов восходят к кёрешским прототипам¹⁹¹.

Широкое распространение изделий баночной формы в более развитую пору раннего Триполья объясняется тем, что наряду с собственно кухонной посудой, функцию которой также начинают выполнять «обиходные» горшки, возникает особая группа тарных сосудов. Ее появление вызвала интенсификация земледелия, выразившееся в преобладании пашенной обработки земли, которая потребовала специальной тары для хранения выросших урожаев зерна. Перемещение поселений на высокие террасы и плато, в свою очередь потребовало особых сосудов для хранения запасов воды. Вполне естественно, что украшению этой группы сосудов уже не уделялось большого внимания.

Сосуды второй группы, серо и - чернолощенные, а также тяготеющие к ним сосуды переходного типа - более разнообразны в отношении формы и орнамента. Последний, в основном ограничивается зоной горла и плечиков. Окончание орнаментальной полосы нередко подчеркивается прямой или фигурной линией. В отношении размещения орнамента исключение составляют лишь сосуды на высоких поддонах или с воронковидным низом, у которых, как правило, тщательно орнаментируются оба конструктивные элемента и особенно, нижние части.

Среди сосудов обиходной группы, присутствуют несомненно архаичная посуда с воронковидным низом на плитчатом основании и плечистым туловом, типа глубокой закрытой миски, близкой к горшку (табл. IV, 10).

В качестве деривата этой формы следует рассматривать крупные, приземистые горшки репчатой формы, также с узкой воронковидной придонной частью с плитчатым дном и невысоким венчиком, приспособленным для закрывания крышкой - особым полусферическим дополнением к сосуду, имеющим пуговичевидный выступ посередине. (табл. IV, 7) и рис 1.

Орнаментальные композиции, помещавшиеся на таких сосудах, отличаются особой сложностью, в них мы усматриваем полное или

частичное воспроизведение фантастического образа дракона (рис. 1, 2). Элементы таких же орнаментальных композиций употреблялись и для украшения крышек, (табл. IV, 7). Углубленная часть орнамента иногда имеет белое пастовое заполнение. В качестве производных от закрытых мисок рассматриваются открытые миски с воронковидным характером нижней части. Для более архаических памятников, например, для того же Гайворона характерны широкооткрытые, так называемые профилированные миски с высоко поставленными, закругленными, обычно орнаментированными плечиками и отогнутым наружу венчиком (табл. IV, 3, 11).

Встречается глубокая («закрытая») разновидность мисок, отличающаяся низким положением плеча, нередко с орнаментальными выступами на нем. Для них, помимо обычных орнаментальных мотивов, характерен часто встречающийся архаический текстильный орнамент (табл. IV, 8 - 12).

В составе инвентаря более поздних памятников раннего Триполья мисок заметно меньше видимо потому, что эта необходимая в быту форма посуды теперь часто выступает не самостоятельно, а как верхний элемент, так называемых ваз на ножках.

Далее следуют довольно многочисленные горшки с закругленным ребром посредине высоты сосуда. В отношении характера украшения они отличаются особой тщательностью лощения поверхности и хорошим качеством орнамента. Последний состоит из нескольких элементов наколов или отпечатков гребенчатого штампа по основанию венчика и чуть повыше дна, а также волютовых овальных или «текстильных» каннелюр, подчеркиваемых линейным рисунком (табл. IV, 4).

В качестве дальнейшего развития этой формы, принимаются высокие ребристого профиля сосуда с высоким стянутым, нередко каннелированным, венчиком. По тулову такие сосуда украшены обычным фигурно - каннелюрным орнаментом, а между горловиной и туловом - налепами различных типов.

«Вазы на ножках», представляют собой группу сосудов, более или менее единообразную в отношении формы цилиндрического поддона, обычно орнаментированного и имеющего боковое отверстие, но сильно отличающаяся формами самих «ваз». Последние до-

вольно разнообразны - открытые и закрытые миски, а иногда и обычные горшки (табл. IV, 8, 12).

В составе инвентаря более архаических памятников (Гайворон), поддоны длиннее и тоньше с характерной развернутостью в верхней части (табл. IV, 12).

У сосудов несколько более поздней группы (от «площадок» Сабатиновки II до Греновки и ее аналога на Днестре - Лука - Врублевецкой) поддоны короче и их переход к «вазе» (чаше) более выражен.

Весьма любопытна чисто трипольская группа сосудов, занимающих промежуточное положение между вазами на ножках и сосудами с воронковидным низом - своеобразные вазы с воронкообразным низом. Однако, и без этой формы очевидно принципиальное отличие ранне-трипольских «ваз на ножках» от боянских (Видра, Вэрэшти, а затем и Петру-Рареш), где характер ваз, и поддонов совершенно другие.

Определенное место в наборе посуды этой группы занимают небольшие своеобразные сосуды, предназначенные для питья. Изредка встречаются глубокие круглодонные кубки, а также черпаки простой полусферической формы, всегда с плоскими орнаментированными ручками, имитирующими человеческую фигуру, нередко с рогатым окончанием. Венчики сосудов для питья всегда гладкие, а тулово отличается простотой орнаментального рисунка, имеющего вид радиальных или закрученных в спираль каннелюр.

Напоминаем, что изложенное выше относительно характера посуды в большей степени относится к тем раннетрипольским памятникам, которые находятся в восточной половине трипольской области обитания, преимущественно на Южном Буге. В противоположность им даже такие приднестровские памятники, как Флорешти, Брага, Дубоссары и др. и такие памятники как Унгени (Богдавешти) на Пруте, не говоря уже о довольно многочисленных поселениях Румынии, размещающихся на Среднем Серете и западнее - обнаруживают заметное своеобразие предоставляющей их глиняной посуды. Особенно глубоки различия в характере орнамента.

Имея ввиду памятники именно с такой посудой, мы в свое время писали, что если поселения на востоке дают посуду с гребенчатой

орнаментацией, то на западе, поселения того же времени, «дают керамику бояновидную и собственно боянскую»¹⁹².

В такой формулировке несколько переоценивалось значение боянского элемента, но этим подчеркивалось своеобразие некоторых типов посуды, распространенной в юго-западной части расселения раннетрипольских племен. Значение этого факта с точки зрения определения этнографических различий в среде раннетрипольских племен очевидно. Однако, черты местного своеобразия сводить в настоящее время к одним боянским влияниям было бы неправильно. Это своеобразие следует понимать в более широком территориальном контексте, учитывая не только на боянские связи, но также и связи уводящие нас на Дунай - в область Хаманджии¹⁹³, на запад в область переживания кёрешской культуры¹⁹⁴ и в область восточного крыла культуры линейно-ленточной керамики¹⁹⁵. В настоящее время мы должны сделать еще одно дополнение - многое в природе соседей Бояна и в природе его самого может быть объяснено только в аспекте генетических связей с предшествующей им буго-днестровской неолитической культурой. Намереваясь на всех этих вопросах остановиться с необходимой обстоятельностью, в другом месте, возвращаемся к вопросу об отражении боянских черт в орнаменте местной посуды.

«Боянские» черты на описываемой посуде проявляются двояко - с одной стороны в виде угловатых композиций меандровой схемы, а с другой, что даже более показательнее - в особом характере сопроводительного орнамента. Речь идет о широко известном по боянским памятникам приеме создания орнаментальных зон, состоящих из вырезанных в глине треугольников и квадратиков, размещаемых в линию или в шахматном порядке. Иногда из треугольников компануются более сложные геометрические фигуры, которые завершают части линейных композиций.

Орнамент этого рода имеет значение хронологического показателя. Как это доказано Е. Комшей, подобный орнамент восходит к системе небольших треугольных наколов первой фазы боянской культуры - фазы Болинтиняну. Позднее на протяжении фазы Джулешти они уже имеют характер треугольных вырезов¹⁹⁶, но особенно характерны для третьей фазы Видра (Боян А, в прежней терминологии)¹⁹⁷.

В плане выяснения генезиса боянского вырезного орнамента нелишне напомнить, что его шахматно - крестовидный вариант свойственен также посуде энеолитического слоя анатолийского поселения Алишар, дотрипольский возраст которого вне сомнения¹⁹⁸.

Для румыно-молдавских памятников типа Зэнэшти (Дялул Вией)¹⁹⁹, выделяемых Г. Думитреску в культуру Зэнэшти²⁰⁰, весьма характерен также сложный волнисто-волкотовый врезанный орнамент, который скорее всего остался в наследство от бывших здесь прежде памятников культуры линейно-ленточной керамики²⁰¹.

Наконец следует упомянуть, еще о западном направлении связей, восходящих к переживаниям кёрешской культуры. Наличие подобных генетических связей необходимо отметить как для западной оконечности раннетрипольского ареала, - Поднестровья, например, памятников типа Флорешти²⁰², и так как это было отмечено при описании керамики, также и для Среднего Побужья²⁰³.

Эти связи обнаруживаются, как отмечено выше, в развитии применяющихся для орнаментирования посуды рельефных украшениях в виде шишечек, ручек - ушек и пр., а также в виде специфической манеры украшать сосуды лощением венчика и придонной части, с заполнением промежутка между ними многими однородными отпечатками ногтевых углублений, парных пальцевых защипов, промазанными линиями, барботинами и пр.

Таким образом, подтверждается, что у раннего Триполья, были довольно распространенные связи, уходящие в юго-западном направлении (Боян), в западном (переживания кёрешской культуры), в северозападном («дунайская» культура линейно-ленточной керамики) и пр. Однако, основные признаки собственно раннетрипольских памятников, то есть памятников, распространенных к востоку от Днестра, все же ведут нас в глубь времен - к местной дотрипольской неолитической культуре.

Для того чтобы проиллюстрировать это положение, в настоящее время, мы уже располагаем достаточными данными, что и будет сделано в дальнейшем. Ниже переходим к описанию следующей слагающей материального комплекса древнейших трипольских памятников - культовой пластике.

Антропоморфные и, в меньшей степени, зооморфные культовые терракоты составляют не менее характерную группу раннетрипольских находок, чем, например, кремень или глиняная посуда.

Весьма показательно, что антропоморфная пластика, в целом не типичная для боянской культуры, составляет обязательный элемент всех без исключения древнейших трипольских памятников, расположенных от среднего течения Южного Буга до верховий Бистрицы²⁰⁴. При этом следует подчеркнуть, что находимые здесь скульптурные изображения составляют - главным образом женские статуэтки, а также изображения зобастой птицы (табл. XI, 2) и др., обнаруживающие исключительное сходство и в тоже время резко отличающиеся от пластики соседних культур, например, Хаманджии²⁰⁵.

Особенно характерны небольшие, орнаментированные, полусидящие женские статуэтки, с выделенным низом и длинной шеей, заканчивающейся головкой наподобие птичьей, а также относящиеся к ним рогатые креслица (табл. XI, 1, 3) и рис. 3. Очень выразительны женские статуэтки сходного типа, встречающиеся как в восточной, так и в западной частях раннетрипольской области, отличаются от описанных выше наличием прижатых к груди - животу рук, в которых находится продолговатый предмет, являющимся скорее всего пластическим воспроизведением синкретического символа священного змия, связанного с культом зачатия и плодородия²⁰⁶.

Особый интерес представляют сохраняющие черты глубокой архаичности плоские женские статуэтки с округлым низом, двумя короткими выступами рук и головой, трактованной вместе с шеей в виде приостренного выступа, которые в целом рассматриваются как воспроизведение священного образа женщины, сидящей с поджатыми ногами²⁰⁷.

Такие статуэтки изготавливались из глины - Брага²⁰⁸, Гигоешти²⁰⁹, Зэнэшти²¹⁰, или, реже, из кости - Сабатиновка II²¹¹. В несколько измененном виде подобные статуэтки встречаются на поселениях ранней кукутенской поры и называются румынскими археологами «эгейско-анатолийскими» идолами²¹². Впрочем, такое обозначение значительно сужает представление об исключительно широком ареале бытования и культового использования подобных изображений.

Помимо перечисленных выше антропоморфных изображений, в раннюю пору развития трипольской культуры уже довольно распространена и культовая зооморфная пластика. Встречаются изображения быка²¹³, козла²¹⁴, кабана²¹⁵, которые в стилистическом отношении, а следовательно и в характеристики культуры, дают значительно меньше, чем антропоморфная пластика.

Из числа зооморфных символов наибольший интерес представляет пластическое изображения зобастой птицы неопределенного, но несомненно не домашнего вида, отражающего какой-то культовый сюжет, распространенный в пределах всей раннетрипольской области. Следует отметить, что этот специфический символ иногда проявляется и в культурном комплексе Винча²¹⁶. В целях экономии места мы не останавливаемся на менее значительных пластических изображениях раннего Триполья. Полагаем, что и приведенные выше сюжеты в немалой степени восполняют картину своеобразия и одновременно единообразия культа, царивших в границах всей области обитания раннетрипольских племен.

ГЛАВА II. § 3.

Об основной линии и течениях в развитии трипольской культуры.

Выше, с возможной в настоящее время полнотой, была охарактеризована начальная фаза трипольской культуры в том виде, в каком она выступает на Западе - в Румынии и Молдове и на востоке - в пределах южно-бугского бассейна.

Фиксируемое своеобразие культуры, отмечаемое для западного и восточного районов раннетрипольской области не составляет специфики только данного этапа. Оно сохраняется и в последующем. Именно поэтому, целесообразно в более или менее полном хронологическом объеме остановиться на вопросе об основной линии и течениях в развитии трипольской культуры.

В той части развитого Триполья, которая отвечает времени Кукутени А (Извоар II) и, как известно, характеризуется широким распространением глиняной посуды с полихромной росписью, определенно существует очевидное различие между культурой восточной, точнее, Южнобугской части трипольской области и западной, захватывающей днестровский бассейн, румынскую Молдавию и восточную Трансильванию (Ариушид).

Во внешнем археологическом, выражении эти различия определяются рядом признаков. Прежде всего нужно отметить, что в восточной части трипольской области посуда с полихромной росписью практически не получила распространения и ее место занимает развившаяся из архаических форм глиняная посуда, украшавшаяся глубоким линейным орнаментом²¹⁷. Имеются такие некоторые различия в формах посуды. Так, например, в составе инвентаря западных памятников почти нет так называемых «биноклей», зато как бы взамен их часто встречаются низкие и высокие трубообразные подставки под сосуды, глиняные ложки и др. формы, не получившие распространения в восточных районах трипольской области. Различия в полной мере распространяются и на орнамент. В западной части трипольской области, наряду с обычными волютовыми и сопровождающими их сюжетами, заметное место занимают такие схемы, о которых говорилось выше в связи с вопросом о влиянии боянской культуры. Речь идет об особом «угловатом» стиле росписи, в которой заметное место занимают различные варианты меандрового рисунка. Встречаются также разной формы орнаментальные поля, заполненные обычным «шахматным» рисунком и пр.²¹⁸.

Особенно ярко все эти черты проявляются в орнаменте памятников ариушдского типа. Попытки выяснить истоки этого стиля неизменно приводят к западным аналогиям, например, к фессалийским памятникам типа Димини и, отчасти Сескло, которые получают продолжение в характере росписи посуды таких западноевропейских памятников расписной керамики как Мольфетта и Матера²¹⁹.

В тоже время на востоке архаический углубленный орнамент продолжал сохранять свое значение и тогда, когда на западе полихромная роспись уже получила повсеместное распространение; спи-

рально-волютовые композиции орнамента продолжают занимать доминирующее положение²²⁰.

Все сказанное выше обрисовывает динамичный процесс, в котором западной части трипольского этнического массива пришлось сыграть роль передатчика восточным племенам достижений балканских и трансильванских племен.

О характере самых достижений речь будет идти особо. Здесь важно отметить, что мы не располагаем достаточными данными о том типе культуры, который лежит в основе ариушдского варианта Триполья.

Однако ясно главное - памятники типа Ариушд и Кукутени находятся в таком же органическом единении как, например, Фрумуши-ка²²¹, Журы²²² и др.

Вполне очевидно, что на примере этих явлений мы имеем дело с заимствованием из определенных центров конкретных культурных достижений, но отнюдь не с ассимиляцией этно-культурных массивов предшествующего времени.

Вместе с тем, неправильно было бы думать, что распространение этих достижений происходило без движения самих их носителей, без перегруппировок племен в пределах традиционной территории, а так же без расселения за ее пределы.

Происходившие в период сложения и распространения старшего Кукутенского культурного комплекса перегруппировки племен, по-нашему глубокому убеждению совершались в трех направлениях - в западном то есть в трансильванском, что привело к сложению ариушдского варианта культуры²²³, в северном то есть в верхнее - днепровском, что привело к появлению памятников типа Городницы²²⁴, и, наконец, в восточном, что привело к расселению с Южного Буга части трипольского населения на Средний Днепр в чуждую среду носителей днепро-донецкой культуры и возникновению там ее собственно трипольского варианта.

Не вдаваясь в выяснение деталей этого процесса, заметим, что осевой территорией, где относительное перенаселение давило с наибольшей силой несомненно являлся Средний Днестр и примыкающие районы румынской Молдавии. То, что происходило в масштабах буго-днепровской части трипольского ареала имело характер внутреннего

процесса, а те явления, которые захватили верхний Днестр и Средний Днепр, имели характер частичного вытеснения, расселения, сопровождавшегося или ассимиляцией местных племен. Тоже возможно следует сказать и о трансильванско - ариушдском районе. Утверждать что-то более определенно нет оснований так как вопрос о доариушдском субстрате в этом районе все еще остается неясным*.

Классическая пора этнографического своеобразия боянской культуры к этому времени давно прошла - процесс трансформации этой культуры в гумельницкую, вероятно не без влияния Триполья, зашел уже довольно далеко. Нужно подчеркнуть, параллельность и синхронность процесса развитая Триполья и Бояна-Гумельницы - как показали данные радиоуглеродного анализа, Кукутени А (Хэбэшешти) и бояно-гумельницкий этап (Вэрэшти) относятся к одному и тому же времени - концу IY тыс. до н. э.²²⁵.

Нечто подобное, но в меньших территориальных масштабах, и, снова таки в силу процессов, происходивших в западной части трипольской области, наблюдается и позднее - в пору возникновения культурного комплекса Кукутени В - Петрены. Нет никакого сомнения, что и на этот раз Поднепровье явилось тем импульсирующим центром, внутреннее развитие которого наложило глубокий отпечаток на культурное развитие населения всей трипольской области.

Процесс этот был преимущественно внутренним, разворачивавшимся главным образом на востоке. Именно в это время произошло раздвоение путей развития культуры во всей восточной части трипольской области. С наибольшей яркостью это явление обнаруживает себя на Среднем Днепре - с одной стороны - в памятниках типа Веремье, продолжающих глубоко архаическую линию развития, с другой - в спорадических примесях инвентаря кукутено-петренского типа к инвентарю обычных поселений или в виде отдельных местонахождений с преобладанием посуды с монохромной росписью.

Суммируя сказанное выше отметим.

Первичная кристаллизация трипольской культуры и ее дальнейшее развитие, приведшее к возникновению ряда локальных вариантов и отдельных культур являлась сложным процессом, в котором принимал участие ряд этнокультурных слагаемых. Говоря иными сло-

* Возможно, что таким субстратом, открытым в последние годы являются памятники типа Петрешти.

вами, культура находилась в непрерывном развитии чему неизменно сопутствовали различной силы и направленности этнокультурные перегруппировки, но плавная линия этнокультурного развития неизменно сохранялась.

Так, в объеме почти всего историко-культурного диапазона Триполья обрисовались главные моменты его развития.

При этом рассмотрение названных и им подобных признаков, должно быть проведено по двум основным рубрикам. Под первую подойдут все признаки, составляющие динамическую сторону развития культуры, или, иначе говоря, эпохальные признаки последней, меняющиеся в прямой зависимости от уровня развития производительных сил общества, под вторую – объединяются так называемые этнизирующие признаки культуры²²⁶, отражающие ее этнографическую специфику. Как на это уже неоднократно указывалось, только оценка всего комплекса признаков культуры даст нам право на оценку археологической культуры как исторического явления.

В противном случае неизбежна путаница, когда, локальные различия могут быть приняты за хронологические признаки, относящиеся к характеристике уровня развития производительных сил, или же могут быть приняты за этнографические, либо религиозные переживания, за показатель общественного развития и пр.

В приведенных выше разделах нами с возможной полнотой были рассмотрены две главных слагаемых настоящего исследования - неолитическая буго-днестровская культура и трипольская культура в ее наиболее архаических проявлениях. Это сопоставление разрешает нам сделать ответственные выводы.

Хронологический рубеж возникновения трипольской культуры, как историко-археологической индивидуальности, отличающейся от буго-днестровской культуры, был определен выше, как время несколько ранее середины IV тыс. до н.э.

Приведенными выше данными, иллюстрируется необходимость различать как общеисторические процессы и закономерности то есть своего рода стадийный момент, так и возникающие внутри единой этнокультурной области течения, проявляющиеся в появлении ряда локальных вариантов, что почти неизменно предполагает участие инородных этно - культурных компонентов.

Из приведенных выше разделов явствует, что процесс развития буго-днестровской культуры был в достаточной степени сложным и динамичным, а явление трансформации ее в трипольскую культуру с неизбежностью должно было иметь характер революционного скачка, который был обусловлен как крупными историческими, экономическими и культурными сдвигами, так и вхождением в него новых этно-культурных компонентов.

Прежде чем на основании приведенной выше оценки главных черт буго-днестровской культуры сделать общее заключение, необходимо рассмотреть вопрос об этно-культурном наследии буго-днестровской культуры, а равно и тех новых, нередко привнесенных элементах, которые характеризуют начальный этап развития трипольской культуры.

ГЛАВА II. § 4.

Заключение о процессе сложения трипольской культуры.

Выше с возможной в настоящее время полнотой были рассмотрены материалы буго-днестровской и трипольской культур, отражающие длительный и сложный процесс сложения последней, в котором сталкивались и взаимодействовали различные этнокультурные образования заселявшие обширные пространства, отмирали старые и возникали новые формы хозяйственно-культурного развития, на определенных этапах развития приводящие к эпохальным изменениям, в которых неизменно присутствуют два компонента - автохтонный и пришлый, проявляются две закономерности - общеисторическая, обуславливающая прогресс как таковой, а так же этнографическая, обуславливающая конкретные формы этнической истории.

Буго-днестровская культура возникла на пограничье двух миров - восточного, охотничье-скотоводческого, лежащего между Прикаспием и Днестром, и западного - земледельческого, охватывавшего Восточное Средиземноморье и примыкающие к нему балкано-дунайскую часть южно-европейского ареала.

И поздний мезолит и особенно, продвинувшиеся сюда памятники кукрекского типа, как субстрат буго-днестровской культуры, и ее ранненеолитический этап насыщены шедшими с востока элементами

культурного развития, которые обуславливали такой общеисторический признак культуры как ее неолитичность, – проявляющаяся в специфике набора кремневых орудий, технологии и формах керамики, определенных навыках ведения скотоводства и пр. Имеются основания утверждать, что в основе орнаментации посуды этой поры, определенно так же лежат восточные мотивы, больше говорящем об этнографической стороне культуры.

Иными словами, возникновение буго-днестровской культуры являлось частью процесса развития и расселения восточных охотничье-скотоводческих племен.

Однако, особенно на печерском этапе специфика культуры в небольшой степени изменилась и стала так же зависеть от вхождения культуры в качестве периферийного звена в обширный древне-земледельческий восточно-средиземноморский ареал, (развитие мотыжного земледелия, отдельные черты из арсенала строительного искусства, заимствование лощеной монохромной посуды, приемы ее украшения, элементы из религиозно- идеологических представлений и пр.).

В самчинское время существование культуры происходило в депрессированных формах, что было обусловлено, с одной стороны, изменением природной обстановки, определявшейся явлениями атлантического периода и, в частности, сокращением размеров приречных полей, а с другой - инфильтрацией с севера носителей днепро-донецкой культуры.

В это время линия развития культуры раздваивается - его традиционные формы удерживаются в границах южной половины средней части южно-бугского и, надо полагать, днестровского бассейна, где происходила кристаллизация савранского варианта культуры. Предполагается, что тогда же, какая-то часть населения с печерским типом культуры, была вытеснена на Дунай в район современного болгаро-румынского пограничья и, вместе с местным карановско-кёрешским субстратом, выработала архаические формы боянской культуры.

И савранская фаза, и, тем более, заключительная пора неолита проходили под знаком усиления связей с населением Нижнего Подунавья и примыкающих к нему районов балкано-карпатского пограничья, что проявлялось в перекрещении буго-днестровских, боянских, хаманджийских и, что особенно важно, винча-тордошских элементов.

Сама винча-тордошская группа памятников возникла на кёрешской основе, но не без участия восточного элемента, возможно даже, проникшей и сюда части населения буго-днестровской культуры.

Знаменем времени тогда было южное - азиатское влияние, обусловившее переход от мотыжного к пашенному земледелию и явившегося внешним импульсом возникновения южно-европейской (балкано-трансильванской) металлургии меди.

Завершение процесса сложения трипольской культуры в общеисторическом плане означало стремительный переход от неолита к медному веку, от мотыжного земледелия к пашенному, от первых опытов в разведении домашних животных к стадному придомному скотоводству, а в плане этнокультурного развития - к скрещению архаических форм буго-днестровской культуры с более прогрессивными формами балкано-дунайских культур, сохраняющих переживания старчевско-кёрешского культурного типа.

Все привнесенное, как в плане общеисторическом, так и в плане дальнейшего развития местной материальной культуры, исходило главным образом из винча-тордошского района, примыкающего к Дунаю и одновременно к отрогам Балкан и Карпат. Хаманджия и Боян были передатчиками этих новых явлений, а что касается боянской культуры, то она в восточной части несомненно сомкнулась с периферией буго-днестровского неолита, что, следует думать, и привело к сложению зэнэштского бояно-трипольского смешанного типа культуры, в котором, как правильно предполагает Х. Думитреску, кое-что сохранилось и от культуры линейно-ленточной керамики²²⁷.

Все изложенное относительно сложения трипольской культуры, можно свести к одной фразе: трипольская культура, как явление раннего медного века, основанное на пашенном земледелии и стадном скотоводстве, возникла на местной основе буго-днестровской неолитической мотыжно - земледельческой культуры, вследствие крупных эпохальных изменений, обусловленных прогрессивным влиянием культуры родственного населения, обитавшего в винча-тордошской части балкано-карпатского Подунавья.

Таким образом, мы подошли, как полагаем, к обоснованному выводу о том, что сложение и развитие буго-днестровской культуры, а равно и процесс ее трансформации в трипольскую культуру, представляли собою различные части единой линии этнокультурного раз-

вития. Иными словами, мы подошли к необходимости рассмотреть буго-днестровскую культуру как предмет этнической истории, что в определенном смысле затрагивает и вопрос об этнической принадлежности так же и носителей трипольской культуры.

ГЛАВА III.

Реалии религиозно-идеологической системы буго-днестровской и трипольской культур.

Реалии, отражающие конкретные элементы религиозно-идеологической системы населения буго-днестровской культуры, представлены несколькими группами артефактов: несколькими вариантами так называемых орнаментальных композиций на глиняной посуде культовой антропоморфной пластикой, культовыми захоронениями частей животных, и, наконец, погребениями.

Последовательно рассматриваем каждую из названных групп и приводим соответствующие параллели.

Целый ряд линейно-ленточных композиций, одновременно служивших для украшения разнообразной глиняной посуды, представлял собою конкретные смысловые сюжеты, содержание которых в ходе привлечения обширного сравнительного материала в конце концов удалось дешифровать. Было, в частности, выяснено, что, несмотря на разнообразие орнаментальных схем и приемов их нанесения, число смысловых сюжетов, весьма невелико и, среди них почти безраздельно доминирует один рассматриваемый ниже сюжет (символ).

Во внешнем разнообразии названных схем как раз и проявляется их орнаментальность, украшательность, в то время как в смысловой детерминации - проявлялись конкретность и устойчивость религиозно-идеологических представлений.

Рассмотрим это положение на конкретном материале.

Обычно как это можно заключить на основании анализа соответствующего материала, добытого в нижних слоях поселений Базькова и Митькова островов, носители буго-днестровской культуры в начале керамического неолита для украшения глиняной посуды воспроизводили две главных линейно-ленточных композиции:

- 1 - позитивно-негативную шевроно-волютовую;
- 2 - позитивно-негативную меандровую.

В отношении техники обе композиции должны быть охарактеризованы как линейно-проглаженные. Ленты композиций нередко дополнялись наколами (табл. XII, 1, 4). «Позитивность» или «негативность» орнамента определялась тем, что составляющие его основные элементы, чередовавшиеся по вертикали и по горизонтали заполнялись то сеткой (негативный элемент), то оставлялись свободными и лишь обрамлялись наколами (позитивный элемент). Как увидим ниже, за подобным, казалось бы чисто стилистическим различием орнамента обычно скрывается его религиозно-идеологический дуализм. В материалах из нижнего слоя поселения Сокольцы II мы имеем дело с дальнейшим развитием обоих названных выше сюжетов (табл. XIII).

Композиции шевроно-волютовой схемы утрачивают верхнее и нижнее соединение элементов и превращаются в ряды вертикальных элементов, по горизонтали не связанных друг с другом. В одном случае удалось установить, что для соединения нижней части орнаментальной схемы на остром дне сосуда S-видного профиля была нанесена ромбообразная фигура (табл. XIII, 4).

Композиции меандровой схемы сближаются со схемами волютового характера. Они состоят из лент, отдельные из которых заполнены наколами. Подобное заполнение, так же в определенном чередовании, получают и основные элементы композиции (табл. XIII, 2, 3).

На протяжении всего раннего неолита, но преимущественно в соколецкое время распространены вертикальные зигзаговые линейно-проглаженные схемы, которые, как выяснилось, в смысловом отношении тесно соприкасаются с описанными выше (табл. XIII, 4).

В развитом неолите (главным образом в печерское время) линейные композиции получают дальнейшее развитие (табл. XIV – XV и рис. 4). Сохраняются все композиции, иногда обнаруживающие признаки схематизации (табл. XIV, 3).

Интересны широко распространенные именно в это время, композиции сочетающие в себе отчетливо обособленные обе схемы – главную горизонтальную, состоящую из зигзагов, волют или спиралей и второстепенную вертикальную, состоящую из зигзага или волнистых линий (рис. 5).

Отмечаем, что появившиеся в это время почти правильный меандр и спирали обнаруживают некоторые признаки зооморфизации (табл. XIV, 4).

В том же плане, но особо отмечаем появление мотива т. н. букrania, включающегося в более сложные композиции (табл. XV, 1).

В самчинское время, как неоднократно подчеркивалось, привычные композиции уступают место зональным, исполнявшимся с использованием различных штампов (табл. XVI, 1, 2). Линейные композиции сохраняются, однако встречаются сравнительно редко, и, при этом, заметно схематизируются (табл. XVI, 1, 3) и рис. 6.

В конце неолита линейные композиции численно возрастают и усложняются (табл. VII) и рис. 7. Среди них определенно преобладают композиция угловатого рисунка (табл. VII, 3, 5, 6), которые в отношении содержания ничем в принципе не отличаются от орнаментальных композиций всех предшествующих этапов буго-днестровской культуры.

Приведенные выше сведения о характере орнаментальных схем, присущих глиняной посуде исследуемой культуры, можно свести к установлению следующих композиций: шевроно-волюты, волюто-меандра, волюто-спирали, меандра, а так же сложных вертикальных линейных схем, простых вертикальных зигзагов, и, наконец, элементов букrania.

Как показали многочисленные сравнения все названные выше варианты ленточных композиций не представляют собой исключения присущего буго-днестровской культуре. Определилась картина, в которой все названные выше композиции, с теми или другими локальными различиями, составляют характерные черты орнамента глиняной посуды всех нео - энеолитических культур, существовавших в границах обширной зоны, ограниченной на западе Италией, на востоке Средним Днепром и на юге - Западной Анатолией. Ближайшие аналогии для названных выше меандровых и угловатых композиций обнаруживаются в круге южноевропейского, этно-культурного ареала культур расписной керамики.

В тоже время спирально-волютовые композиции более характерны для культур развившихся к северу от зоны древнейших европейских культур расписной керамики - таких как буго-днестровская,

культура линейно-ленточной керамики, отчасти бюккская и железовская культура (табл. XVII, 1, 2, 3).

В этом смысле мы готовы подтвердить мнение ряда исследователей в том смысле, что настоящий спиральный орнамент, в определенную пору появляющийся на посуде культур расписной керамики, действительно является показателем северных, и, как, мы полагаем, в определенном смысле так же и восточных влияний.

Вместе с тем нет сомнений, что и спиральный волотовый, и меандровый орнамент, служивший для украшения глиняной посуды целого ряда европейских древнеземледельческих культур, по смыслу означал одно и то же, и, несмотря на очевидные стилистические различия, в основном отвечал одному и тому же образу религиозно-идеологической системы.

Как о том говорят соответствующие орнаментальные схемы, восстановленные для сосудов с поселений Базьков и Митьков острова, Сокольцы II, Сокольцы I и др. (табл. XII, 1; табл. XIII 1, 3; табл. XIV, 4 и др.) спирально-волотовый и меандровый рисунки в смысловом отношении раскрываются как довольно реалистические воспроизведения образа змия. Последние имеют близкие аналогии в соответствующих изображениях на посуде эпохи неолита - начала эпохи металла целого ряда других южно-европейских и западно-анатолийских культур (табл. XVII, 1, 2, 5, 8); (табл. XX 1, 3, 5, 7). В особенности же эту близость необходимо подчеркнуть для раннего Триполья (табл. XVII, 3, 4, 6, 7).

Таким образом так называемый. спиральный, волотовый и меандровый орнаменты на посуде средиземноморско-причерноморско-древне-земледельческого ареала в целом дешифруются как символ змия или, как это уточняют довольно многочисленные аналогии, полученные для Триполья, Гумельницы, Крита и пр. - дракона (табл. XVII, 3, 5, 6, 8); (табл. XX, 7 и др.).

Речь идет о крылатом и рогатом драконе. В сложных композициях он выступает в виде соединенных пар драконов, смыкающихся головами и входящих в ленты двух уровней - верхнего и нижнего, а так же об изображениях того же дракона, но составляющих более простые одноярусные композиции.

Примером композиций первого рода являются рисунки на плечистых сосудах с воронковидным низом из Сабатиновки II (табл. XVII,

б), на сходном сосуде из Извоара, на поддоне вазы из Трудешти (табл. XVII, 4) и пр., примером изображения второго рода является композиция на плечистом же сосуде из Александровки (табл. XVII, 3), и, вероятно, на таком же из Карбуны.

Более подробно описываем композицию второго рода на Александровском сосуде, так, как она исключительно интересна воспроизведением атрибутов, сопровождающих основной образ, а именно солнечного диска и двулезвийного топора - лабриса (табл. XVII, 3).

Схемы первого и второго типа в конечном итоге воспроизводят хорошо известную сдвоенную или простую свастическую композицию. Прекрасный образец такой композиции второго типа, образованный вокруг двулезвийного лабриса, в применении к культуре линейно-ленточной керамики, приводит Й. Неуступный²²⁸ (табл. XX, 3).

Лабрис, как космический символ, в данном случае, солнечный, неоднократно выступает в искусстве Крита (табл. XX, 4 - 6). Триполья (табл. XX, 7, 8, 9), Гумельницы (табл. XX, 10). Лабрисы по-видимому, составляют основу всего сюжета, то есть символ изирует солнце, а сопровождающие его неоднократно повторяющиеся изображения драконов всего лишь воспроизводят свет и тепло, идущие от солнца на землю.

Таким образом, намечается раздвоение какого-то более древнего сюжета, в котором дракон является лишь частью более сложного синкретического образа.

Объяснение содержания первичного элемента в этом синкретическом образе мы получаем в его воспроизведениях *en face*.

Прекрасным примером подобных композиций являются изображения дракона с распластанными крыльями на статуэтках из Греновки (табл. XX, 7; табл. X, 1, 2); Луки-Врублевецкой (табл. X, 5) и др., где голове дракона сопутствует букраний то есть голова быка, вероятно зооморфизированный образ самого солнца.

На сабаатиновском сосуде и на его аналогах оба названные выше элемента то есть голова дракона и букраний слились и выступают уже в виде рогатой головы дракона. Таким образом можно заключить, что в основе фантастического образа солнечного дракона лежит представление о быке, становящемся с течением времени солнечным и крылатым. Одним из символов его является лабрис.

На крыльях быко-дракона, на определенном этапе сливающихся со схемой лабриса, или в несколько иной комбинации с ними, нередко воспроизводился глазастый лицевой мотив или стилизованное изображение глаза - одного из символов «глаза неба» то есть солнечного диска (табл. XVII, 3, 6, 7) (табл. XX, 4, 5, 7 - 10); (табл. X, 4).

Важно отметить, что в составе расписных мотивов на сосудах из Хаджилара букраний, в том числе и в лабрисной комбинации, выступает в исключительно выразительных формах (табл. XXII, 2), в то время, как сюжет дракона едва лишь стал оформляться (табл. XVII, 8).

Повидимому в смысле распространения образа солнечного дракона Западная Анатолия составляет своеобразную периферию обширного южно-европейского ареала, в который входили и буго-днестровская и трипольская культуры.

В других частях азиатской области расписной керамики этот образ не получил развития, и, как о том говорят примеры северо-индийской культуры Мохенджо - Даро - Хараппа, его место занимает представление о космическом быке-солнечном и лунарном.

Таким образом, в становлении образа небесного мужского начала намечается два ареала: - азиатский, где этот образ выступает в виде быка, и южно-европейский, где он проявляется в сильно усложненном образе дракона.

Как это определяется по материалам Хаджилара, находящегося на пограничье этих двух ареалов, образ быка хронологически предворажает образ солнечного дракона и последний постепенно изменяется, получив особое развитие на территории Южной Европы.

Как указывалось выше, образ дракона в орнаментальных композициях выступает в раздвоенном - дуалистическом виде. На примере композиции Александровского сосуда можно заключить, что солярному дракону соответствует верхняя схема «спирали», за хвостовой частью которой следует солнечный диск, а затем и лабрис (табл. XVII, 3).

В исключительно выразительной передаче отмеченная двойственность солнечного дракона выступает на сосуде из гумельницкого слоя поселения Банята, где символ крылатого и глазастого дракона, исполненный красной краской выступает в сочетании с аналогичным символом, но исполненным черной и белой красками (рис. 8).

Имеются немалые основания полагать, что подобное раздвоение символа космического дракона отвечает его двум аспектам – солнечному и лунному. На настоящем этапе исследований трудно заключить имеем ли мы уже дело с двумя обособившимися образами, или же речь должна идти о едином символе, выступающем в дневном и ночном воплощениях.

Религиозно-идеологическая функция охарактеризованного выше синкретического образа предстанет перед нами в более рельефном виде, если этот образ попытаться рассматривать в комбинации с другими образами того же порядка.

В этом смысле, прежде всего, речь идет об антропоморфной пластике и лишь затем о других источниках, например, о графических композициях на глиняной посуде где названный символ играет, так сказать, служебную роль и функция его подчеркивается содержанием основного образа. Подобного рода комбинации интересны вдвойне – они не только раскрывают функцию небесного дракона, но подчеркивают специфику сопровождаемого им антропоморфного образа. В нашем распоряжении находятся несколько антропоморфных статуэток, выступающих в сочетании с образом дракона.

Из них наилучшей является фрагментированная статуэтка женщины, изготовленная из мергеля, относящаяся к типу стоячих, длинноногих, о развитой седалищной частью, найденная в печерском слое многослойного поселения Митькова острова. Замечательной особенностью этой статуэтки является то, что она украшена сложным врезанным зигзаговым орнаментом, состоящим из вертикальных и горизонтальных линий. Присутствие этого орнамента на статуэтке представляет особый интерес т. к. в смысловом отношении он несомненно связан с описанными выше композициями, воспроизводящими различные варианты образа солнечного дракона (табл. XVIII, 1).

В оценке религиозно-идеологического содержания статуэтке с Митькова острова, на настоящем этапе исследования буго-днестровской культуры, принадлежит роль основного источника, так как описываемые ниже материалы куда менее выразительны.

Любопытна антропоморфная статуэтка, происходящая с поселения Гайворон-Полижок, изготовленная из небольшого кристалла горного хрусталя. На остром конце кристалла надпилами с одной стороны обозначена голова и грубо намечены элементы лица. Предполо-

жительно, что она относится к числу статуэток стоячего типа (табл. XVIII, 2).

Повидимому в качестве антропоморфной статуэтки следует воспринимать и продолговатую гальку красного кварцита, со следами дополнительной обработки, найденную в самчинском комплексе Савранского поселения. По форме она напоминает хорошо известный тип сидящих статуэток с длинной шеей и закругленным низом. О том, что галька именно так, первоначально была воспринята, а затем дооформлялась, говорят следы шлифовки по всей передней плоскости и с тыльной стороны основания. На передней плоскости статуэтки имеется простой довольно неясный гравированный рисунок (табл. XIX, 1).

Четвертой антропоморфной скульптурой является небольшой продолговатый глиняный слепок треугольного сечения с уплощенными концами, происходящий с поселения Миколина Брояка. На основании отдаленной аналогии глиняной и костяной пластики гумельницкой культуры, можно допустить, что мы имеем дело с крайне примитивной передачей стоящей человеческой фигуры.

Подчеркнув, что мы имеем основания предполагать преобладание в пластике буго-днестровской культуры антропоморфных (женских) изображений, воспроизводимых в стоячей позе, вернемся к интерпретации нашего наиболее важного в рассматриваемом плане источника - статуэтки с Митькова острова.

По принципу совмещения в одном сюжете двух культовых образов - стоящей или сидящей женщины и дракона - эта статуэтка имеет аналогии в материалах многих южно-европейских древнеземледельческих культур Южной Европы: Триполья, (табл. X, 1, 3-5), Гумельницких культур (табл. XX, 4, 6, 8, 10), Бояна (табл. XIX, 2, 4), Минойской (табл. XIX, 5), и наконец, в особенно близких аналогиях Хаманджийской (табл. XIX, 3). В архаических проявлениях этот же образ выступает в неолитическом теле Отцаки - Магула (табл. XXI) и, что особенно важно, также в Анатолии (табл. XVIII, 5).

Для Триполья, Гумельницы и Хаджилара также отмечаем факт распространения антропоморфных сосудов воспроизводящих стоящую или сидящую женскую фигуру, обвитую многими драконами, которым нередко сопутствует символ лабриса (табл. XX, 10).

Характер смысловой комбинации этих двух символов проясняется в связи с тем, что драконы в основном обвивают нижнюю часть женской фигуры, а иногда и прямо воспроизводятся в области генеталий (рис. 9). Налицо несомненная религиозно-культурная чета, в которой бык-дракон отражает солнечное, оплодотворяющее мужское начало, а женщина - плодородие земли. Главное в характере взаимоотношений этой четы определяется не идеей плодородия вообще, а конкретно идеей растительного плодородия.

Это можно заключить на основании по меньшей мере двух признаков: - примеси зерен или муки к керамической массе статуэток, а также по своеобразному вплетению символа быка-дракона в растительный контекст.

Начиная с Хаджилара, а затем и в южно-европейских комплексах - в материалах культуры линейно-ленточной керамики, средне-европейской культуры расписной керамики (моравской, тисской и лендельской), бюккской, минойской и, наконец, трипольской культур, мы обнаруживаем органическое переплетение символа быка-дракона с растительным символом.

В наиболее архаических проявлениях последний выступает в сочетании с усложненным букранием, дополняемым помимо растительных элементов также пучками волнистых или зигзаговых линий, воспроизводящих солнечных змиев. (табл. XXII, 1 - 4).

Имеется, однако, и другой вариант, в котором быко-драконный элемент отходит на второй план, а доминирующим является растительный элемент, в данном случае воспроизводимый в виде настоящего дерева (табл. XXII, 1).

Исключительно важно отметить, что для всех перечисленных выше культур*, а равно и для обоих типов культуры Караново, для Сескло-Димини, Мальфетты-Матеры и др. оказываются типичными композиции, состоящие из повторяющихся изображений, призывающей небесные силы (адорирующей) женской фигуры и сложных букраниев или деревьев (рис. 10).

В стилизованной передаче, тот же сюжет встречается и в орнаментальных схемах, украшавших посуду буго-днестровской культуры (табл. XII, 6; табл. XIII, 4; табл. XV, 1 - 4;). Таким образом, перед

*Кроме Хаджиларсой, возможно в силу неполноты материала.

нами возникает поистине эпический и первозданный образ союза неба-солнца, персонифицируемых в животных образах, и земли, своего рода Деметры, выступающей в виде Великой матери. Несмотря на то, что представление об этой чете, обнаруживая изумительную религиозно-идеологическую устойчивость распространено во всем обширном ареале древнеземледельческих культур, его нельзя считать «мировым» и, следовательно, лишенным конкретного исторического содержания. Особенно в отношении солнечного дракона можно сказать, что он, несмотря на отражение его даже в библейском мифе о Еве, змие и древе, все же представляет собою в основе индоевропейское порождение.

В качестве позднейшего переживания этого же сюжета можно назвать композиции, используемые для украшения пасхальных писанок, в которых данный сюжет полностью доминирует, а христианский символ имеет характер явно позднейшего, слабого и привходящего наслоения.

Как это хорошо известно, все мифические персонажи, олицетворяющие растительность, в сознании древних земледельцев существуют в виде умирающих и воскресающих богов²²⁹, и в развитых религиозных системах, например, в древне-греческой, помимо «Деметры» с неизбежностью существовала так же «Кора-Персефона» - божество в определенном роде хтоническое²³⁰.

Можно думать, что подобный религиозный образ уже существовал в представлениях населения буго-днестровской культуры и ее соседей так как на глиняной посуде здесь нередко встречаются изображения деревьев и неопределимых растений, воспроизводимых то в обычном, то в перевернутом виде, что по представлениям первобытного мышления в первом случае означало - «живой» (наземный), во втором же - «мертвый» (хтонический)²³¹.

О вере в возрождающую силу земли, распространяющуюся не только на растительный, но и на животный мир, говорят довольно многочисленные случаи культового захоронения останков различных животных: оленя, кабана и раковин *Unio*.

Наиболее выразительным комплексом этого рода является захоронение черепов и конечностей четырех особей оленей, совершенное в небольшой круглой ямке на поселении Гайворон-Полижок (рис. 11).

Такие находки указывают на возможность, а скорее всего и необходимость существования религиозных персонажей типа Персефоны, с неизбежностью присутствующих всюду, где известно свойство посеянного зерна к возрождению. Возможно именно о таком раздвоении универсального земледельческого божества на посястороннее-земное, связанное с небесной, солнечной сферой, и растительное, связанное с потусторонней и глубинными сферами земли говорят украшающие трипольские сосуды антропоморфные изображения, воспроизводимые то в обычном, то в перевернутом виде.

О том, что в трипольское время в числе хтонических образов, наряду с женским существовал и мужской, говорит сделанная на поселении Трушешти в Румынии находка крупного зерновика, украшенного в верхней части рельефными литифалическими человеческими фигурами в перевернутом виде (рис.12).

Смысл композиции предельно ясен - перевернутые мужские фигуры передают хтонический персонаж, своего рода Осириса «Аид-а»²³² помещение которого на зерновике преследовало цель обеспечить плодородие зерна*.

Однако в фактах захоронения животных остатков в первую очередь все же следует видеть указание на особую категорию религиозно-идеологических представлений, восходящих к исключительно древнему-охотничьему и затем-скотоводческому прошлому.

Говоря об охотничьем прошлом, мы имеем в виду универсальный, еще с палеолита образ прародительницы²³³ по отношению к которой возрождающая сила земли, если исходить из факта появления именно в это время утробно-скорченных захоронений²³⁴ - представляла собою одну из функций этого поистине всеобъемлющего религиозного персонажа.

Упомянув о скотоводческом прошлом, органически вытекающем из охотничьего состояния экономики и культуры, мы имеем в виду в основе скотоводческое продолжение образа матери-прародительницы, или, переводя на язык греческой мифологии - «Артемиды» сохраняющей так же функцию покровительницы диких животных и охоты²³⁵. В описанных выше захоронениях животных остатков мы видим

*Издавший памятник М. Петреску-Дымбовица названным фигуркам пытался дать инос. с нашей точки зрения, не мотивированное объяснение.

отражение идеологической функции уже второго персонажа, однако, проявляющегося еще в начальных формах.

Что - же касается статуарной или графической передачи этой первобытной *ποτύλα ἑρσον*²³⁶, являющейся одной из функций Артемиды²³⁷, то в материалах буго-днестровской культуры она еще не установлена. И вместе с тем, у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что этот образ Великой Матери был известен и почитался племенами буго-днестровской культуры.

Подчеркиваем - речь идет о матери, а не о целомудренной деве, в которую фантазия древних превращает божество типа Артемиды (олицетворение луны, покровительствующей охоте, стадам, родам и пр.) по мере выдвижения на первый план земледельческого варианта Великой богини с функцией плодovitости - «Деметры».

Возможно, что именно с этим исключительно древним божеством, уже близким к Артемиде последующих эпох, придется связывать изредка встречающиеся в буго-днестровской культуре изображения типа букраний (табл. XV, 1).

Однако в несравненно более ярких проявлениях этот образ выступает в украшениях посуды и изредка в статуарных изображениях Триполья, а равно и в других его южно-европейских и малоазиатских культурных аналогах.

В исключительно выразительном, но далеко не по неолитически развитом виде этот образ выступает на известной усатовской стеле, где изображена стоящая женская фигура с рогатой головой и лабрисом над ней, сопровождающаяся несколькими изображениями лошадей, а также оленя²³⁸, (рис. 13). Несомненно отражением того же образа является и костяная букраний из Бильче Золотого, сопровождающийся изображением женской адорирующей фигурки (табл. XXIII, 5). В той же связи следует рассматривать и своеобразное изображение лица с круглыми глазами и лунным серпом между рогами, воспроизведенное на сосуде из Касеновки (табл. XXIII, 6). Сходное изображение присутствует на одном из Петренских сосудов, где рогатое божество сопровождается стилизованным изображением собак (табл. XXIV, 2).

В кругу памятников линейной керамики этот образ передается в виде рогатой женщины - стоящей или, что особенно важно, сидящей в позе роженицы.

С полной очевидностью тот же образ присутствует в пластических украшениях на глиняной посуде старчевско-кёрешской культуры. Здесь женская фигура, в ряде случаев рогатая, подобно тому как это отмечено для Триполья (Петрены) выступает в сопровождении фигур различных животных: козла, оленя и быка.

Этот архаический вариант великого женского божества представлен в исключительно ярком воплощении в культурно-исторических комплексах различных древнеземледельческих культур Азии (табл. XXIII, 11, 12).

Одним из наиболее древних воспроизведений этого образа является красочное изображение стоящей антропоморфной фигуры на амфоре из 1-го слоя Хаджилара. (табл. XXIV, 1). Можно думать, что в этом изображении мы имеем дело с одним из наиболее древних воспроизведений того мифологического образа, который с течением времени превратится в классический азиатский образ Артемиды Эфесской, обладающей помимо ряда зооморфных атрибутов, так-же и полимастностью - чертой, мало соответствующей образу непорочной девы. (табл. XXIII, 13).

Правда, в литературе существует мнение о том, что на изображениях Артемиды Эфесской воспроизводятся не многочисленные груди (полимастия), а ряды страусовых яиц, так же связанных с культом плодovitости²³⁹. Если подобное мнение нельзя опровергнуть путем разъяснения какого-то конкретного случая, Артемиду в том смысле, как мы ее понимаем, из числа полимастных женских божеств исключить никак нельзя. Во всяком случае, этому противоречил бы тот, довольно уже многочисленный фактический материал, отдельные примеры из которого мы приводим ниже.

Полимастия ряда трипольских антропоморфных статуэток, в числе которых имеются полукруглые, повидимому подражающие неполной луне, обладают несколькими ярусами грудей - факт известный, уже нашедший отражения в работах исследователей²⁴⁰.

В качестве примера развития этого же образа назовем рогатую антропоморфную костяную статуэтку из Трои, украшенную глазковым орнаментом, в котором допустимо усматривать передачу многогрудости²⁴¹ (табл. XXIII, 4).

В исключительно ярких проявлениях этот же образ выступает в росписи посуды, ряде статуэток и на печатях древней северо-индийской культуры Мохенджо-Даро-Хараппа. Здесь женская рогатая фигура, иногда с хвостом, иногда с явными признаками беременности или полимастии, выступает в множестве вариантов и комбинаций, что указывает на многофункциональность этого древнего образа в скотоводческо-земледельческой Азии (табл. XXIII, 11, 12). Интересно отметить, что здесь этот персонаж выступает не только в сопровождении животных, но и в комбинации с деревом, что обнаруживает в нем особый азиатский вариант великой матери-богини не чуждой и функциям «Деметры».

Не приходится сомневаться в том, что в условиях скотоводческой среды этот образ передавался в виде изображения коровы. Учитывая это и то, что в основе представлений о солнечном драконе, оплодотворяющем землю, лежит исходное представление о солнечном быке, считаем, что рассматриваемый образ, как и положено «Артемиде», в космическом плане был не только лунарным и в тех религиозно-идеологических системах где он встречается вместе с другими названными образами, воспринимался как сестра и супруга солнечного быка-дракона*

В то же время, образ этого божества по отношению к представлениям о плодородящей земле основывается лишь на нормах отношений матери к дочери.

Итак, существование образа женского антропоморфного божества, олицетворяющего плодородие земли и вступающего в брачную связь с солнечным быком-драконом - факт реальный не только для Триполья и синхронных с ним культур, но и для буго-днестровской культуры, вместе с синхронными ей неолитическими земледельческими культурами Южной Европы и Западной Азии.

Подчеркивая обособленность образа земледельческой Великой богини, и высказывая мысль о ее молодости в сравнении с возрастом образа Великой матери мифологии охотничье-скотоводческого периода, в рассматриваемой системе представлений мы вправе ожидать существования промежуточной формы между образом «Артемиды» и «Деметры» то есть архаической формы древнейшего земледельче-

*Как показывают примеры из самых разнообразных религиозных систем, брачные отношения между кровными родственниками - членами примитивных пантеонов - дело исключительно привычное.

ского божества, сохраняющего черты предшествующего состояния, что было отмечено для Мохенджо-Даро-Хараппа.

Насколько это удалось установить на основании анализа культурной пластики ранней поры трипольской культуры, а равно и по некоторым другим данным, такой образ действительно существовал и, при этом, в сравнительно позднее время²⁴².

Исследователи Триполья установили, что в начальную пору развития культуры получают сравнительно широкое распространение круглые троны с рогатыми спинками, на которые усаживались обычные женские статуэтки*

Наряду с ними встречается особая форма черпаков, которая в стилизованном виде воспроизводит женскую фигуру с рогатым окончанием на конце ручки черпака, соответствующем голове фигуры (табл. XXIII, 7 - 10).

Для установления подлинного содержания этого, ушедшего на второй план, в сравнении с обычным изображением земледельческой богини, образа, отметим, что его основная часть, соответствующая нижней половине антропоморфной фигуры в ряде случаев обнаруживает уже хорошо знакомый нам мотив солнечного дракона**.

Говоря иначе, в этом стирающемся во внешних проявлениях образе мы видим отражение великого кризиса идеологических норм матриархального общества, когда в условиях бурного развития первобытного воспроизводящего хозяйства, происходил распад, или, точнее говоря, разделение первичного образа всеобщей материпрародительницы на два образа - земледельческой богини и богини скотоводческой, сохраняющей вместе с тем функции божества - покровителя охоты.

Первая, в экстраполяции на античную мифологию, служила прототипом «Деметры», со всеми атрибутами присущего ей культа, включая элевсинский²⁴⁴, вторая, прототипом Артемиды - покровительницы покровительницей стад и, в качестве переживаний глубокой древности, покровительницей родов и всяческого молодняка,

* По смыслу идеологических представлений сюда же, конечно, следует отнести и комбинации из черепов «быка» и «воссе-дающих» на них раннетрипольских статуэток²⁴³.

Менее вероятно, что в подобных комбинациях мы имеем дело с расщеплением слитного образа быка- дракона на два отдельных образа быка и дракона. Полагаем, что исследования будущего помогут окончательно решить этот исключительно интересный вопрос.

включая человеческий, а также богиней охоты, оставшейся в качестве переживаний периода экономического доминирования охоты²⁴⁵.

Наконец, несколько слов следует сказать о погребальном культе сведения о котором ограничены. Об этой стороне буго-днестровской культуры мы узнаем из описания коллективного захоронения двух скорченных безинвентарных погребений, ориентированных головами в разные стороны, открытого в процессе исследования Савранского поселения.

Однако, гораздо больше об этой стороне культа говорит одна старая и недостаточно понятая в свое время находка.

Речь идет о коллективном захоронении посыпанных охрой, скелетов, открытом Е. Ф. Лагодской в 1930 г. близ с. Прибугское (Ак-Мечетка), на Среднем Буге²⁴⁶. Оно объединяло два скелета взрослых и один детский. Первый, вероятно, мужской, плохо сохранившийся скелет, был ориентирован на запад. Второй, женский был уложен на правом боку, и обращен черепом к северу; остатки детского погребения лежали у него «на руках». Близ черепа ребенка находилась гладкостенная чашечка с острым дном, наполненная порошком охры - находка, определяющая неолитический возраст памятника.

Обычно, когда говорят о погребальном культе, его приводят в качестве доказательства веры в душу²⁴⁷. Древность и широта распространения анимизма настолько очевидна, что в настоящем очерке обосновывать его существование нет никакой надобности²⁴⁸. Гораздо интереснее рассмотреть данные погребального культа в связи с его отношением к другим, определенным выше сторонам религиозно-идеологической системы.

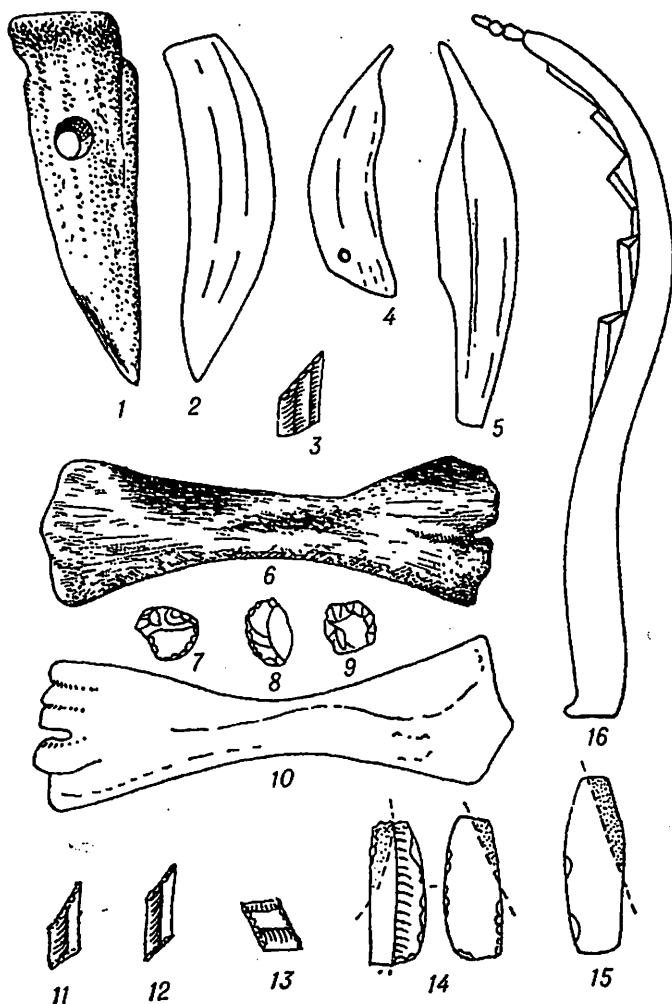
Если попытаться сопоставить захоронение умерших сородичей в землю с посевом зерна или ритуальным «посевом» остатков животных, перед нами предстанет необычайно древнее представление о первой абстракции сил плодородия земли, намного более древней, чем абстракция, сформулированная в земледельческой «Деметре» или в скотоводческой «Артемиде». Речь идет об абстракции, воплощенной в первом и наиболее крупном идеологическом образе первобытно-общинного периода, а именно - во всеобъемлющем образе Великой матери-прародительницы.

В качестве непосредственной предстации религиозно-идеологического развития населения буго-днестровской, и следующей за ней трипольской культуры, мы все же должны признать существование нормы охотничье-скотоводческой системы, воплощенной в образе «Артемиды». Это положение, в частности, вытекает из уже высказанной выше мысли о приоритете восточного скотоводческого импульса в процесс сложения буго-днестровской культуры*.

Об экономическом, хронологическом и идеологическом приоритете скотоводства на территории между Днепром и Волгой, мы знаем из предшествующего изложения. Именно поэтому, для проникновения в содержание сложного процесса сложения трипольской культуры, мы и стремимся с предельной полнотой привлечь все данные, освещающие те формы религиозно-идеологической надстройки, которые возникли на территории великого пограничья двух миров первобытности - скотоводческого, заканчивающегося Днепром и смыкающегося с обширными пространствами евразийских степей, - и земледельческого, начинающегося на Южном Буге и уже в классических формах проявившегося на Нижнем Дунае, который является ближним форпостом обширных территорий Восточного Средиземноморья - где впервые зародились благородные идеи земледельца и были посеяны впервые в истории человечества зерна, что привело к возникновению пусть наивной, извращавшей многие явления природы, но все же исключительно сложной и содержательной философской системы.

* Если держаться строго заданной темы исследования надстроечных явлений, следует заметить, что уже в настоящее время имеются некоторые основания полагать существование мотивов стилизованной букрании, как для раннего этапа буго-днестровской культуры, а так же, что наиболее важно, и для ее восточной, почти скотоводческой соседки - сурско-днепровской культуры.

Таблица I.

Производственный инвентарь памятников типа Флорешть - раннего Триполья, Поднестровье

Рис. 1, 2

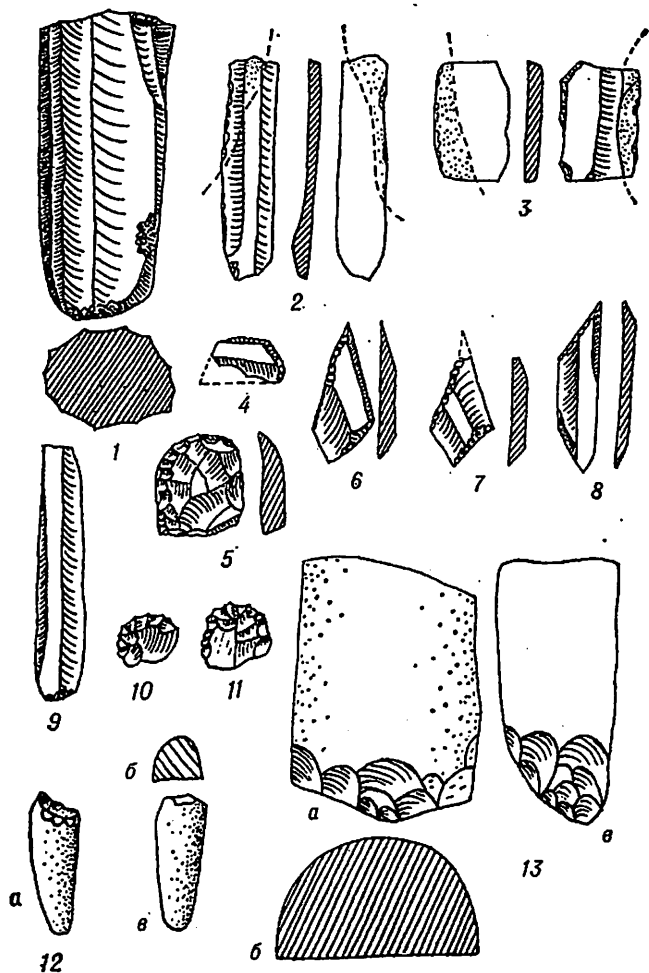
Рис. 1

Рис. 2

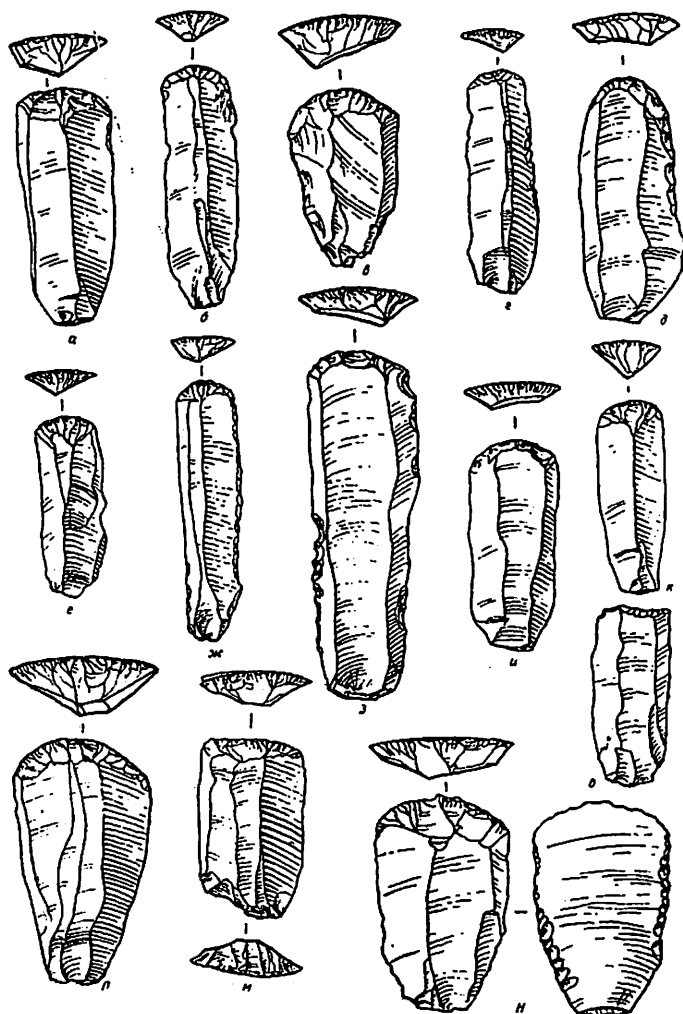
Сосуды с воспроизведением фантастического образа дракона

Таблица II.

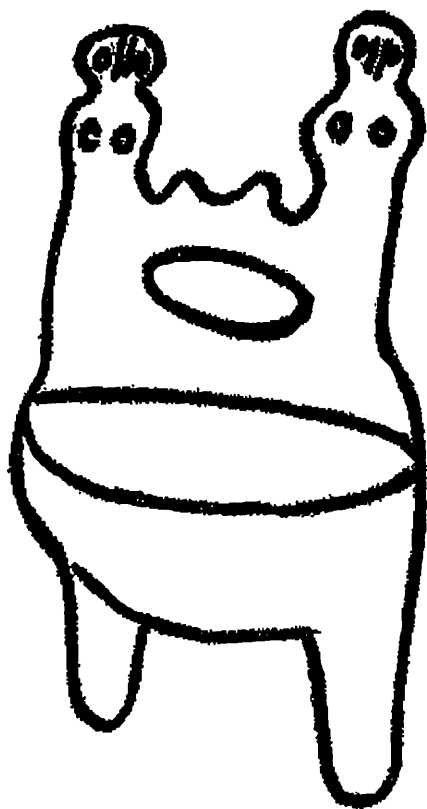
Производственный инвентарь начальных фаз Триполья (Побужье)
 1-11, 13 - Гайворон, 12 - Сабатиновка-II

Таблица III.

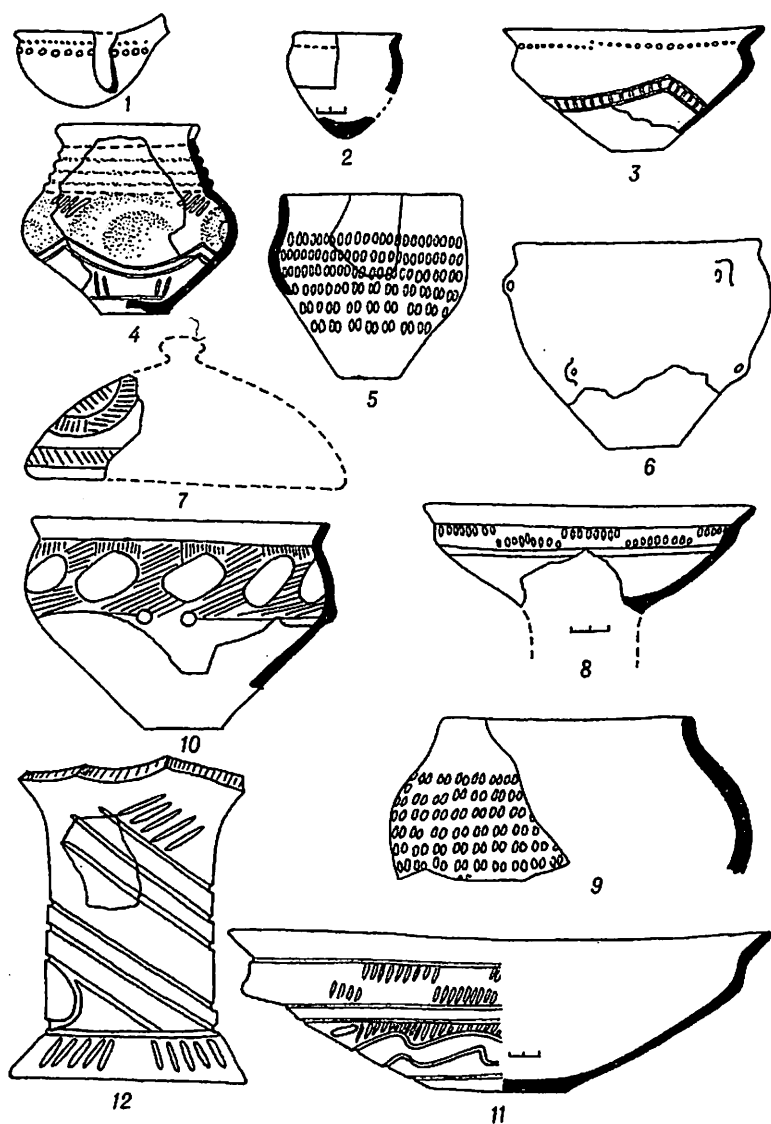
Концевые скребки. Лука-Врублевская

Рис. 3

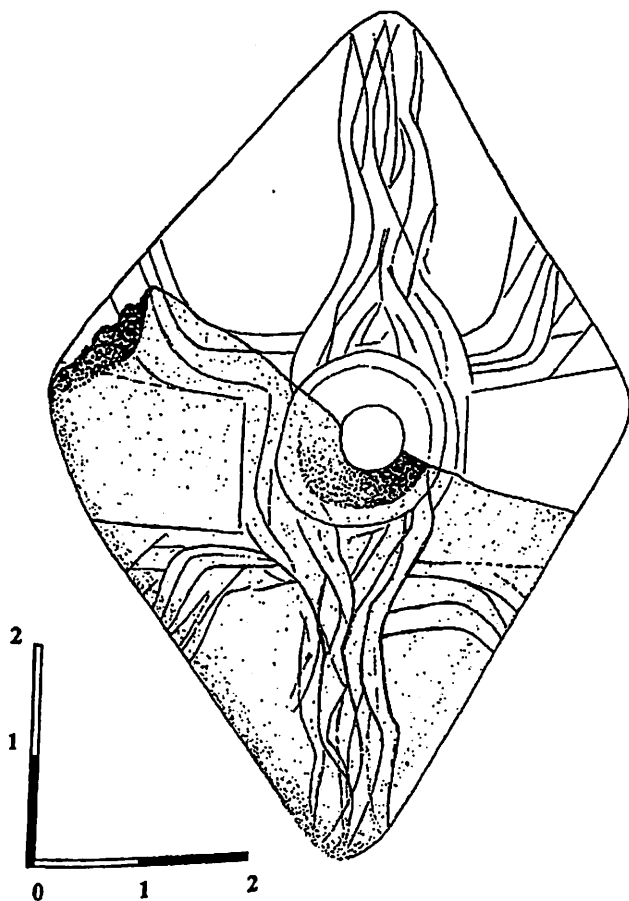
Рогатое креслице для полусидячих антропоморфных женских статуэток.
Южный Буг

Таблица IV.

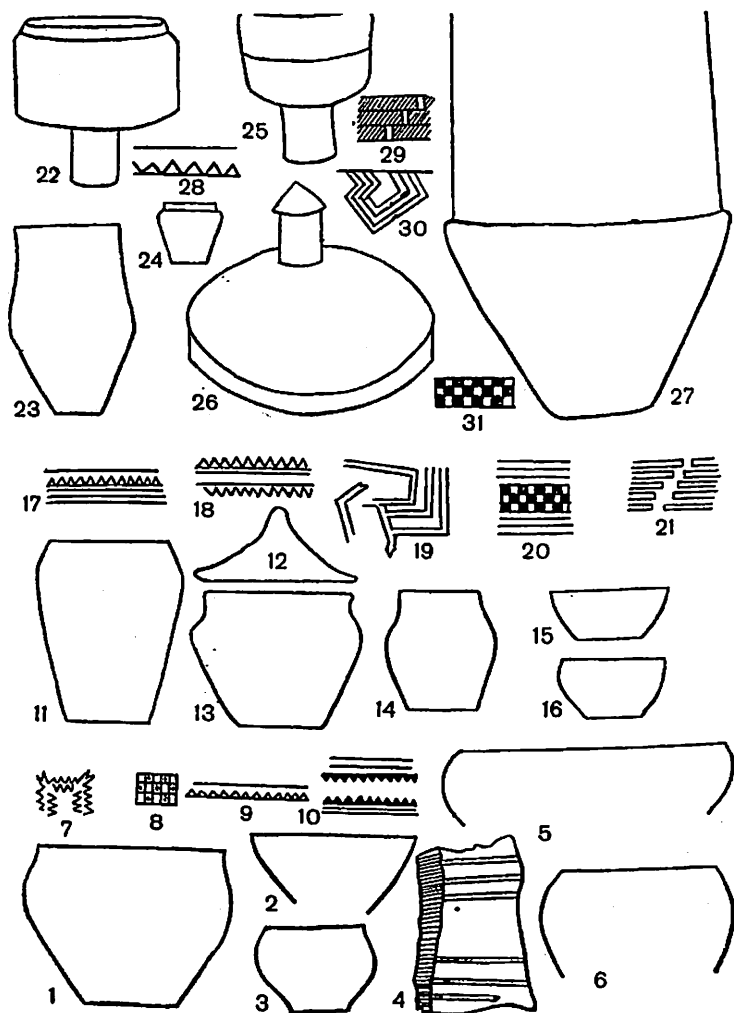
Набор древнейшей трипольской посуды. Побужье, Гайворон

Рис. 4

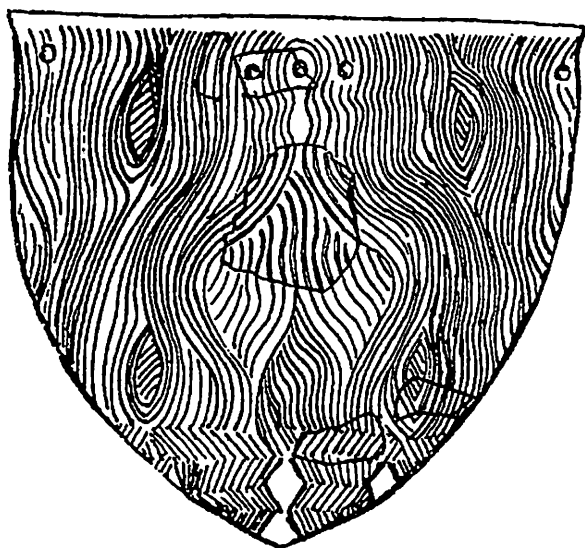
Линейные композиции буго-днестровской культуры.
Печерская фаза

Табл. V

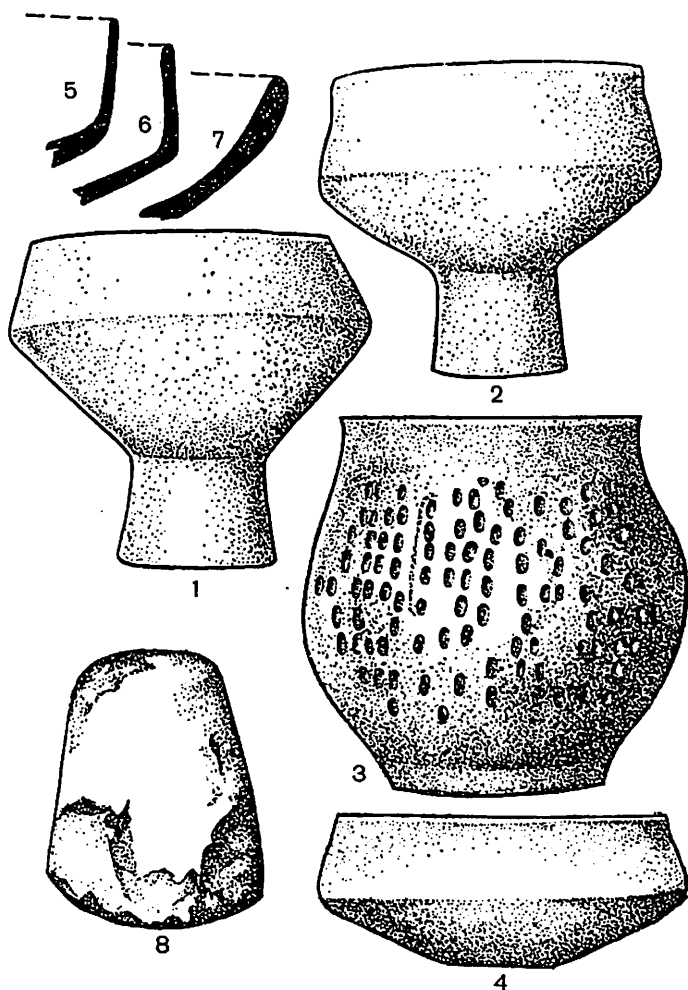
Румыния. Керамика и образцы её орнамента ранних фаз культуры Боян

Рис. 5

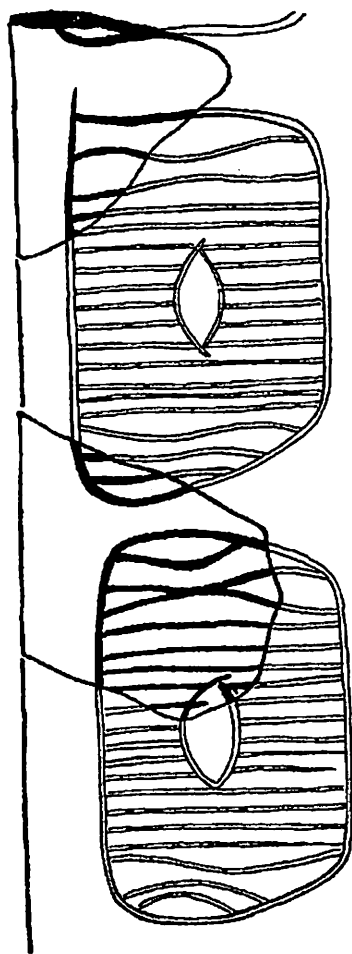
Широкооткрытый сосуд буго-днестровской культуры, украшенный сложным меандровым орнаментом. Соколецкая фаза. Шимановское

Табл. VI

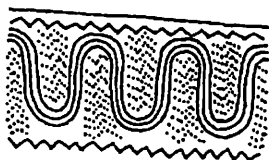
Румыния. Петрень. Керамика кёрешкой (кришской) культуры.
Поднестровье

Рис. 6

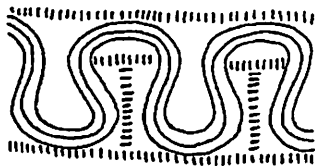

Сосуд с линейными композициями.
Самчинская фаза

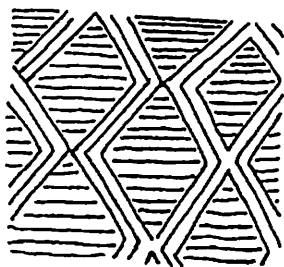
Табл. VII

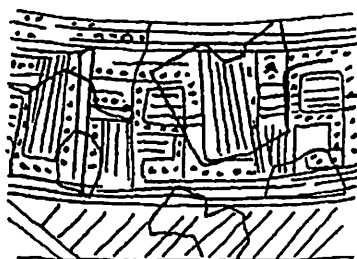
1

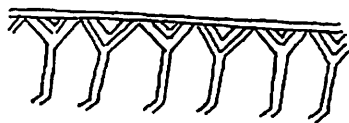
2

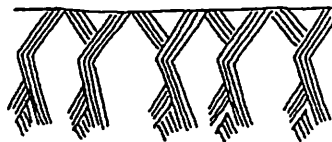
3

4

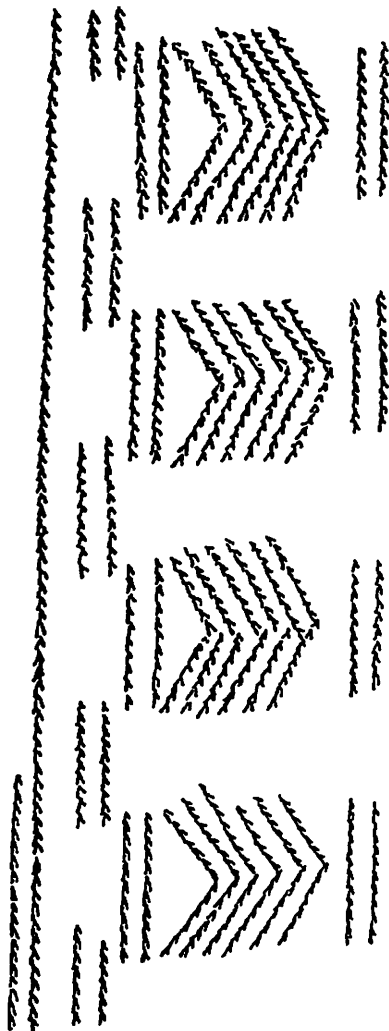
5

6

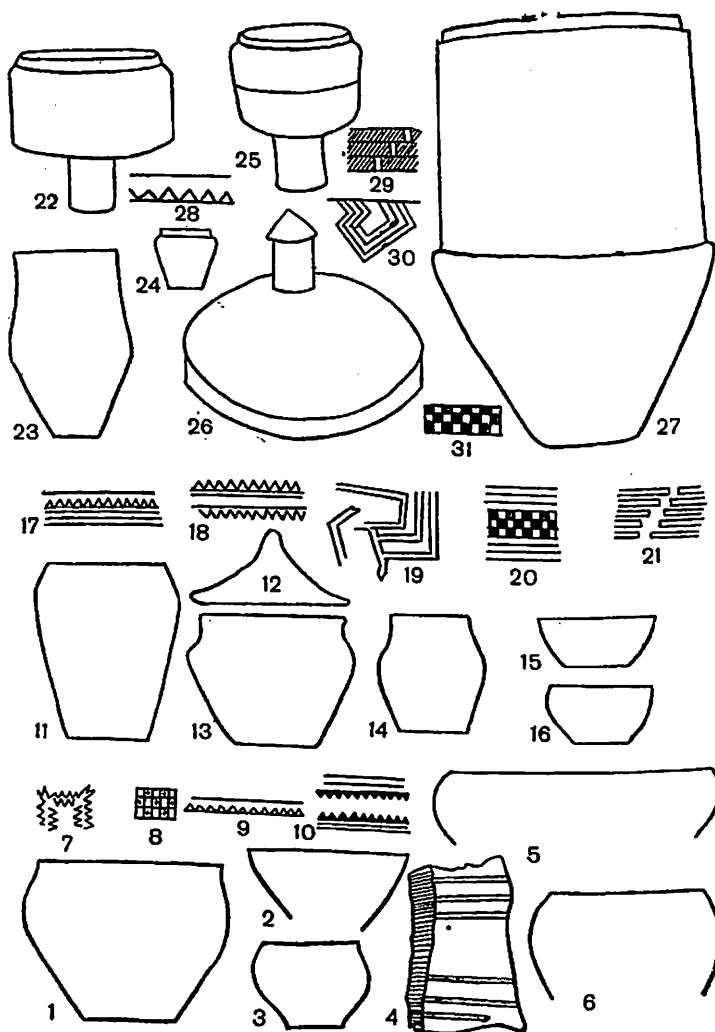
Орнаментальные схемы на керамике буго-днестровской культуры.
Совранская фаза

Рис. 7

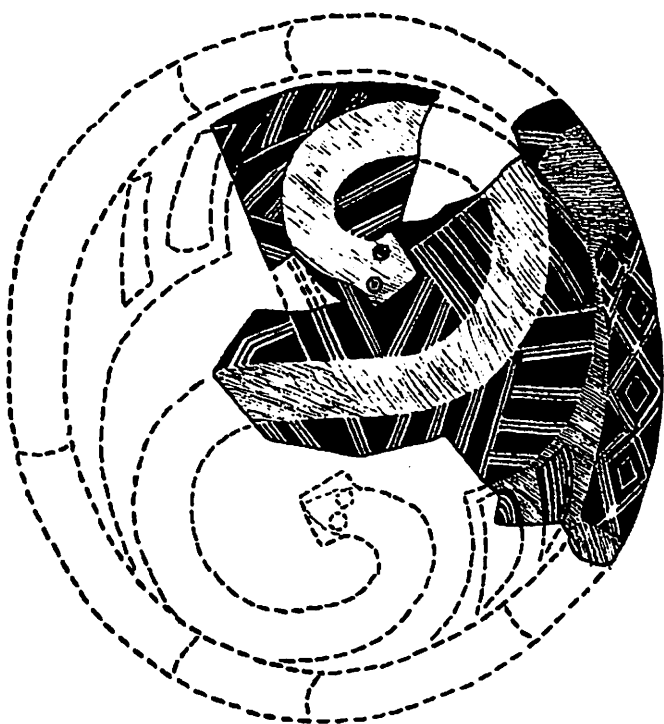
Буго-днестровская культура. Усложненные меандровые композиции
углового рисунка

Табл. VIII

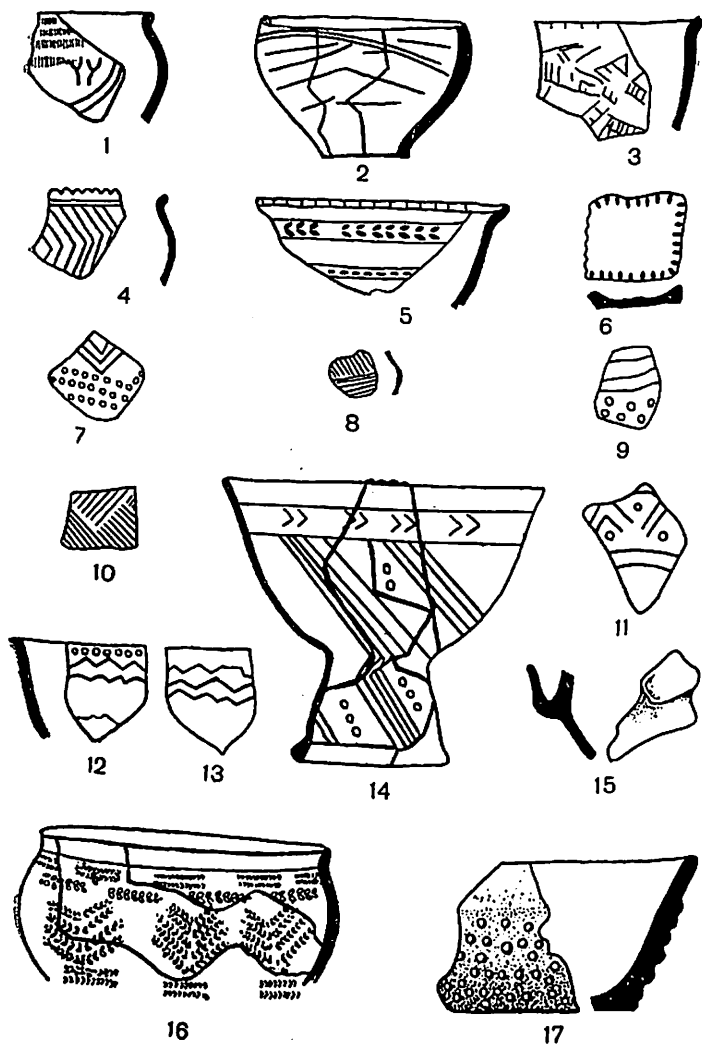
Румыния. Керамика и образцы её орнамента ранних фаз культуры Боян

Рис. 8

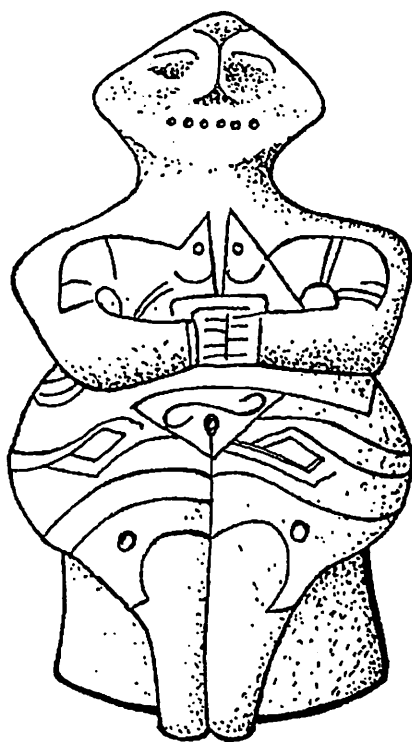
Глиняное блюдо с изображением «глазастого» дракона. Банята (Румыния).
Раннетрипольское время

Табл. IX

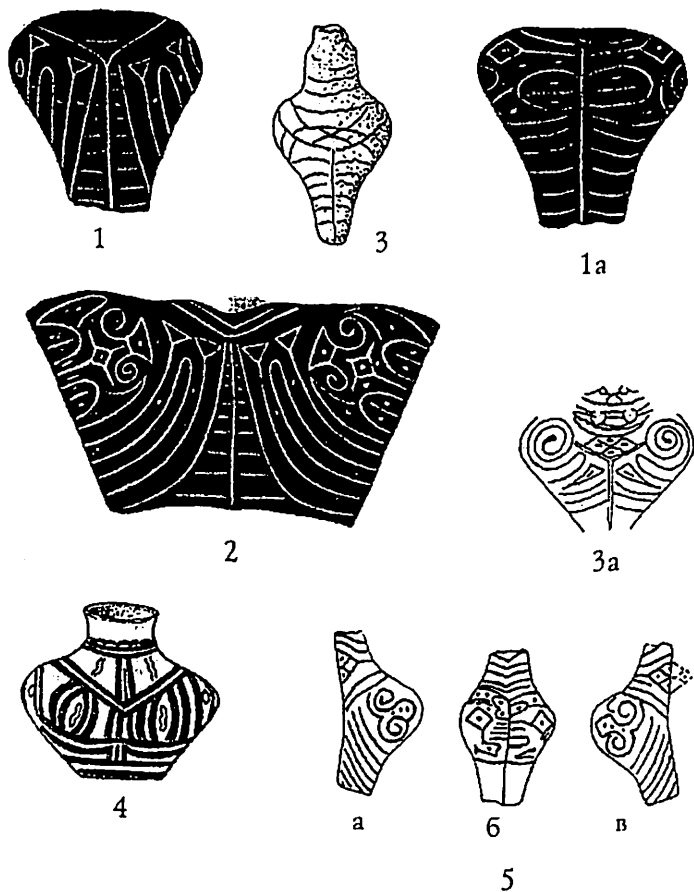
Буго-днестровская культура. Комплекс Хмельникской фазы, обнаруживающей черты Хаманджийского и тордожского влияний

Рис. 9

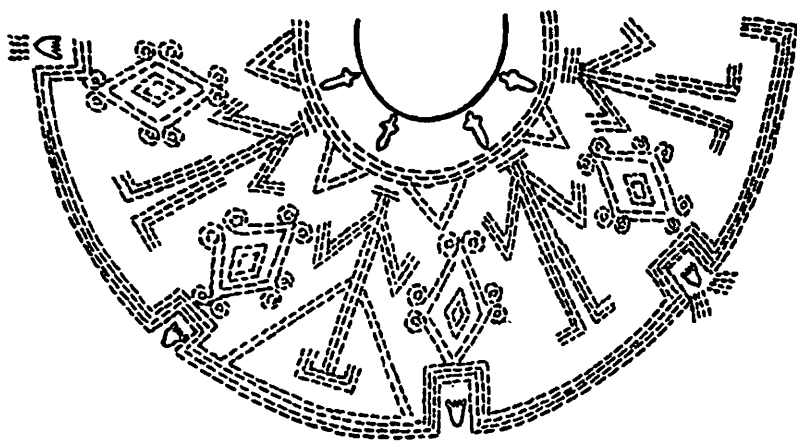
Сидящая женская фигура, обвитая драконами.
Выражает идею растительного плодородия

Табл. X

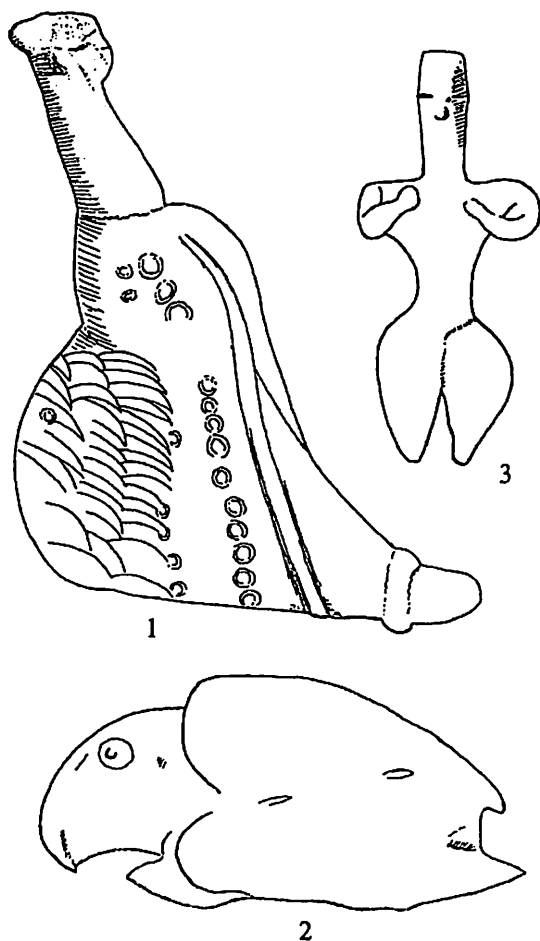
Трипольская культура. Изображения солнечного драконов и лабрисов.
 1, 2 - Греновка, 3 - Солончены, 5 - Лука-Врублевская

Рис. 10

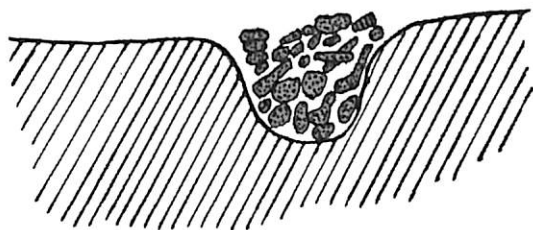
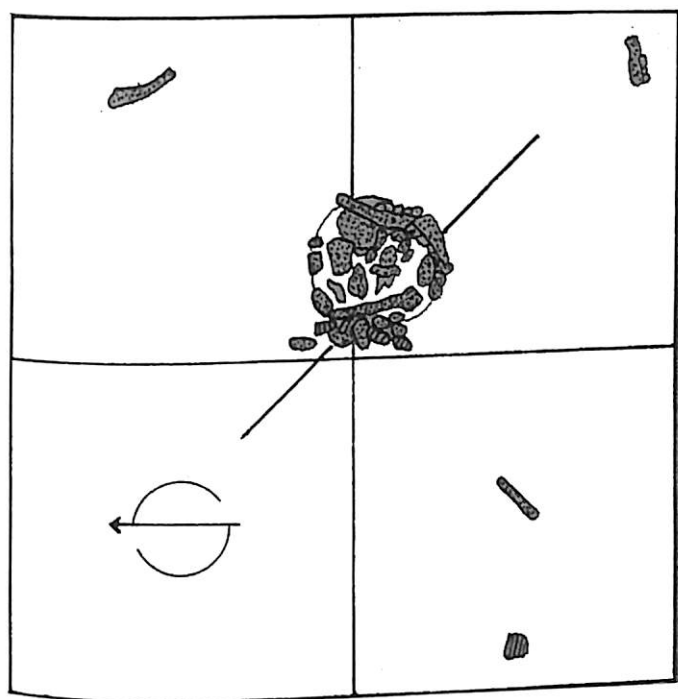
Композиция, состоящая из повторяющихся изображений, адолирующей женской фигуры и сложных букраниев

Табл. XI

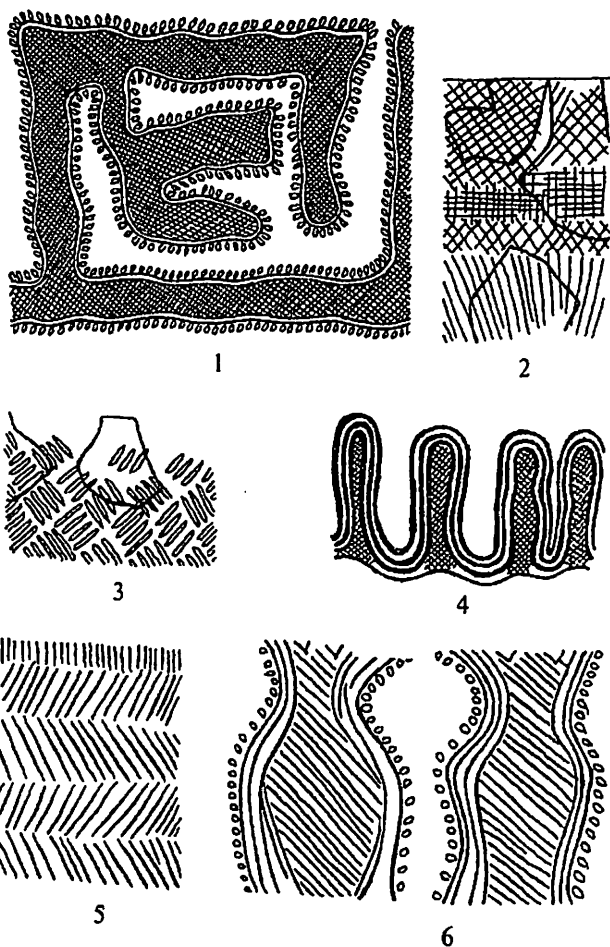
Антропоморфная пластика древних трипольских памятников

Рис. 11

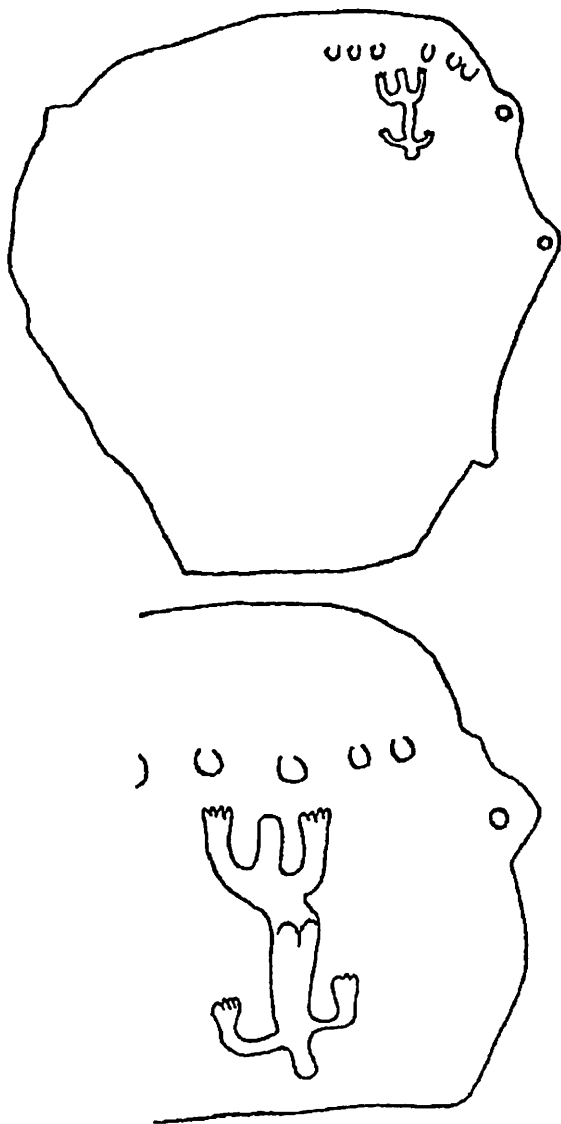
Гайворон - Полижок. Схема жертвенной ямы пещерской фазы, содержащий остатки черепов и конечностей четырёх особей оленей

Табл. XII

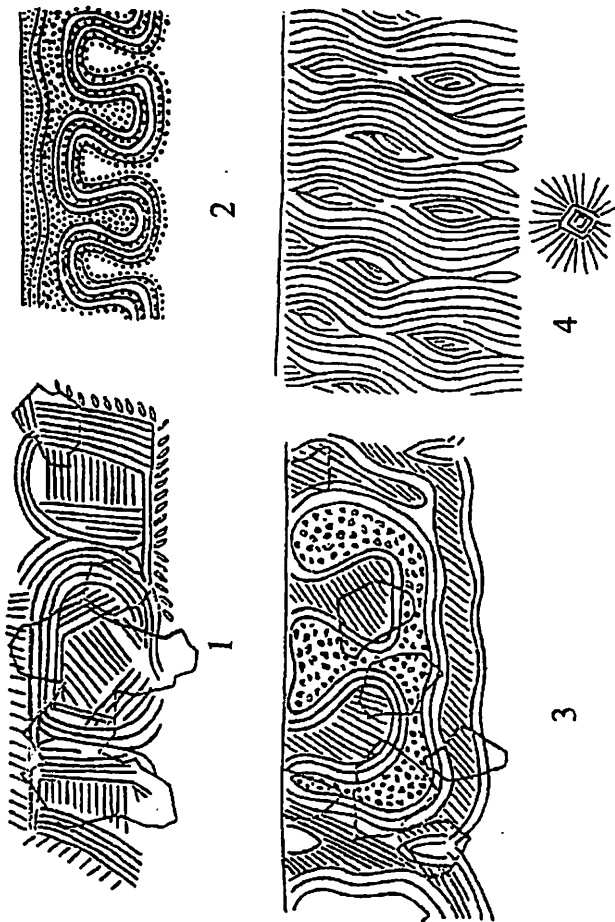
Таблицы XII - XIV. Негативно-позитивный орнамент. Шевронно-волютовые и меандровые композиции раннелитической керамики буго-днестровской культуры

Рис. 12

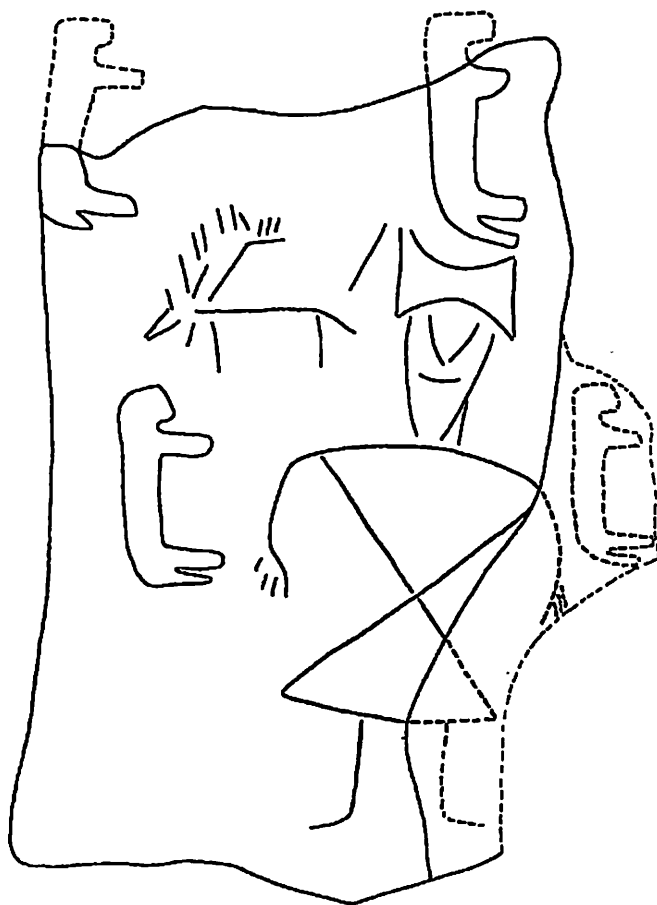
Зерновик, украшенный рельефными литифаллическими человеческими фигурами, передающими хтонический персонаж Осириса «Аид-а». Тушешти

Табл. XIII

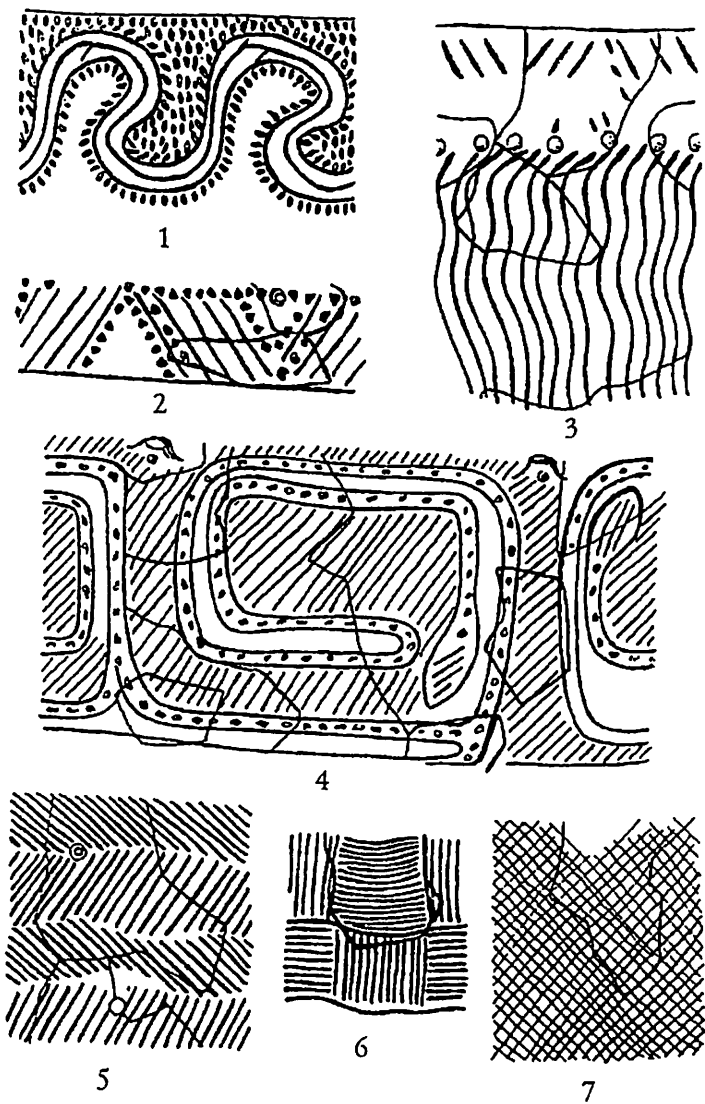
См. табл. XII

Рис. 13

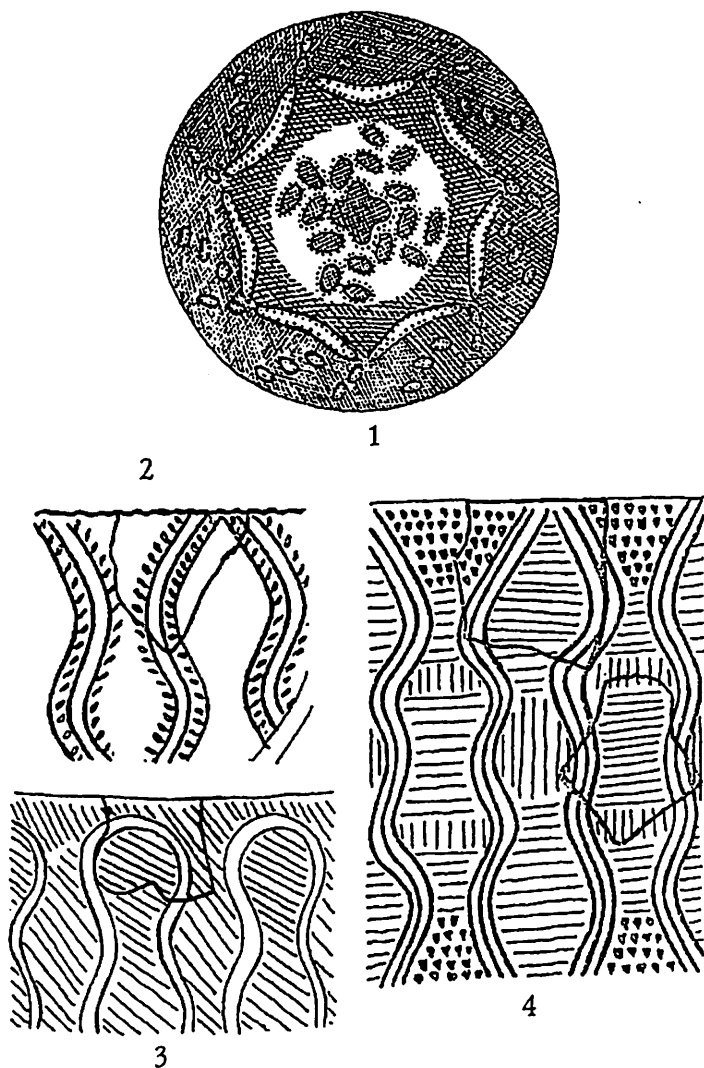
Стелла с изображением «Хозяйки зверей» женской рогатой фигуры в сопровождении лошадей и оленей.
Поздний этап трипольской культуры.
Усатово

Табл. XIV

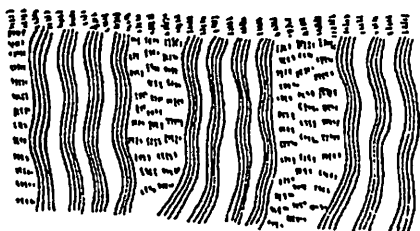
См. табл. XII

Табл. XV

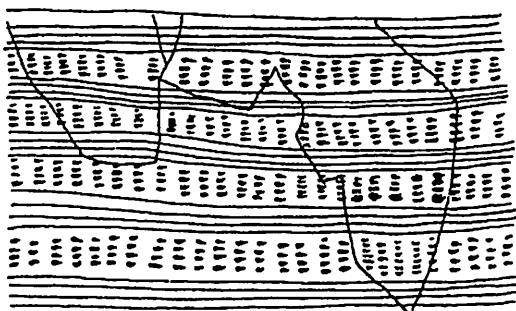

Орнамент керамики пещерской фазы с элементами зооморфизации:
 1,2 - мотив букрания
 3,4 - изображение культовых змиев

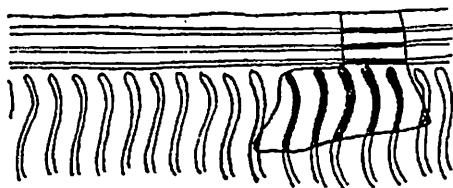
Табл. XVI

1

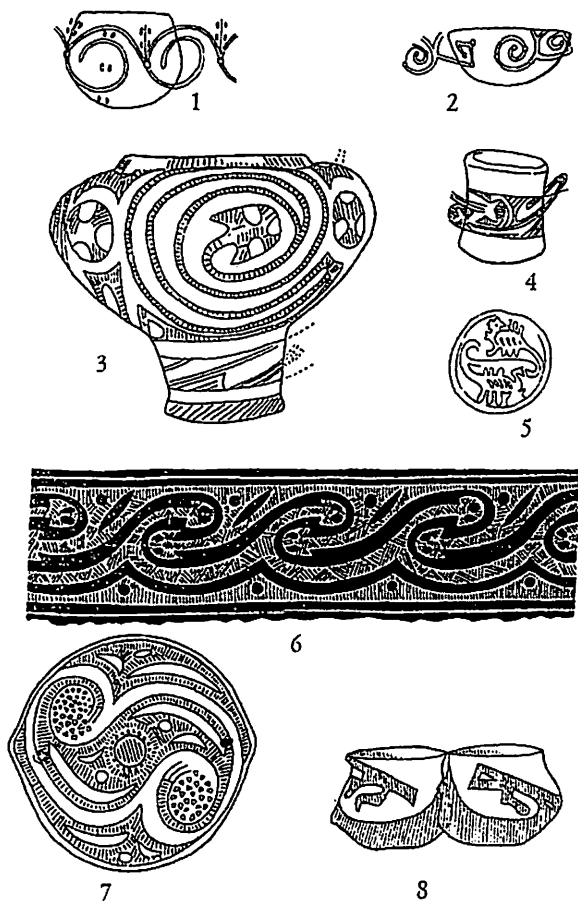
2

3

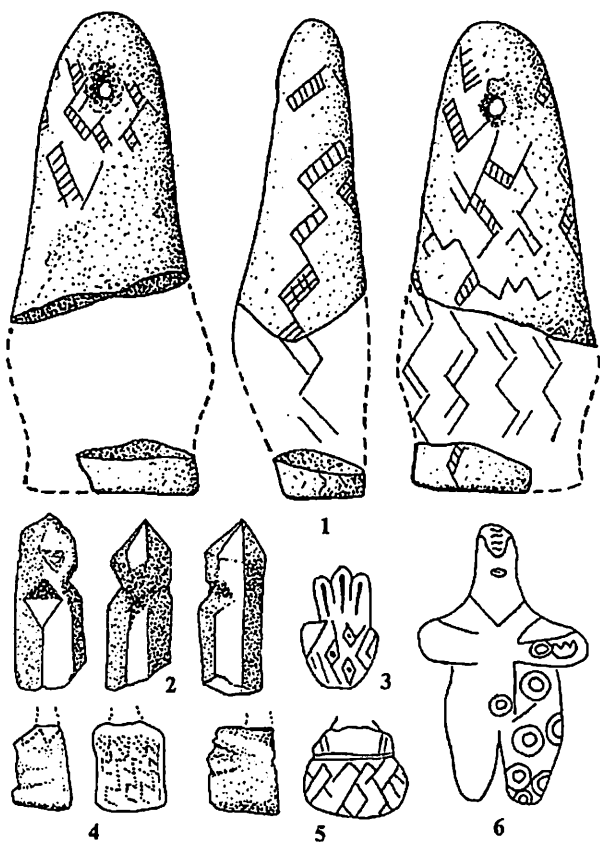
Зональные композиции на керамике буго-днестровской культуры
с применением штампов. Самчитская фаза

Табл. XVII

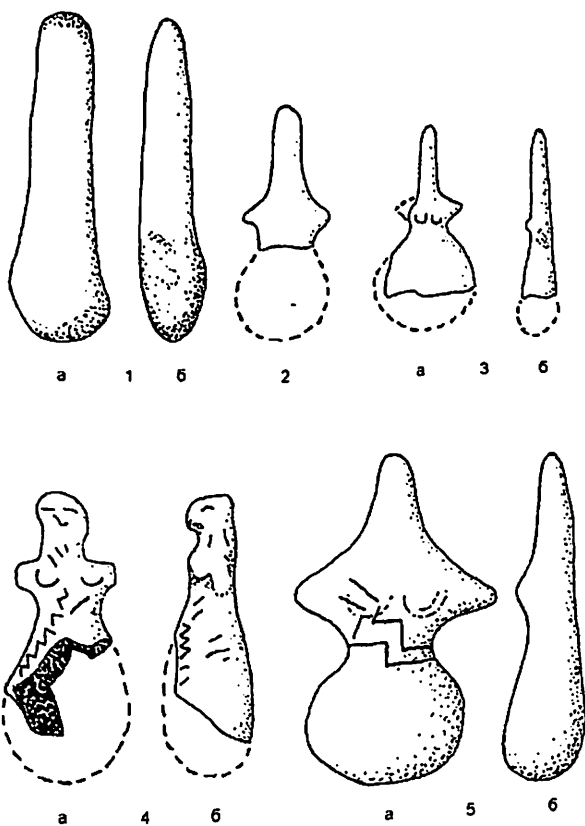
Орнаментальные схемы расписной керамики южноевропейских и западно-анатолийских земледельческих культур

Табл. XVIII

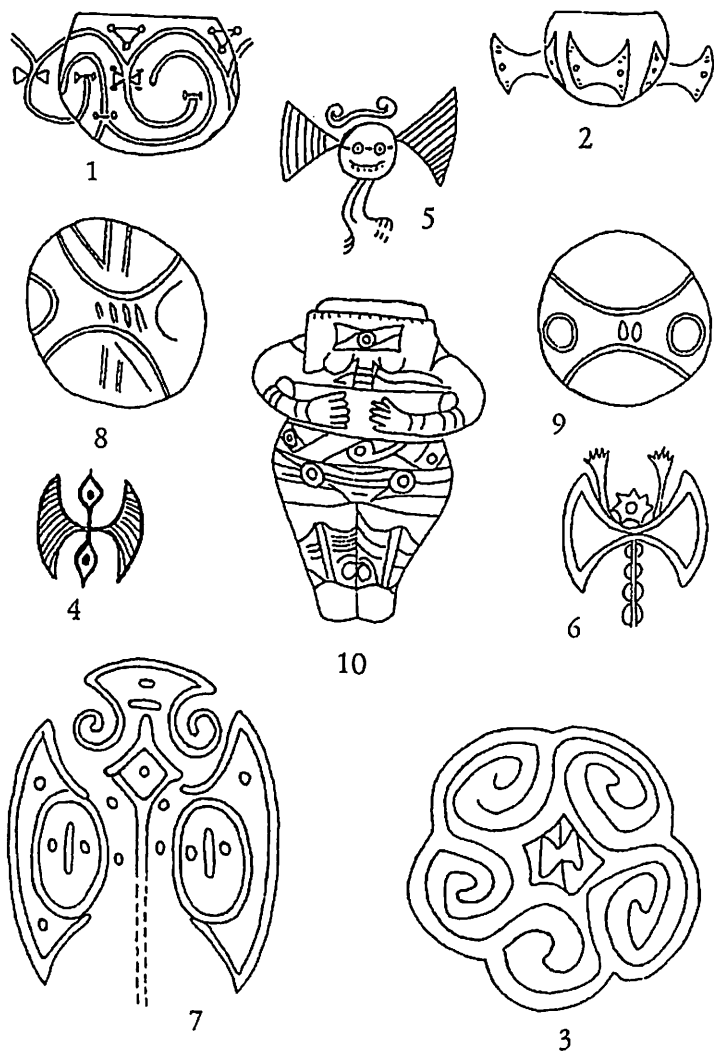
Антропоморфные статуэтки буго-днестровской
и раннетрипольской культур

Табл. XIX

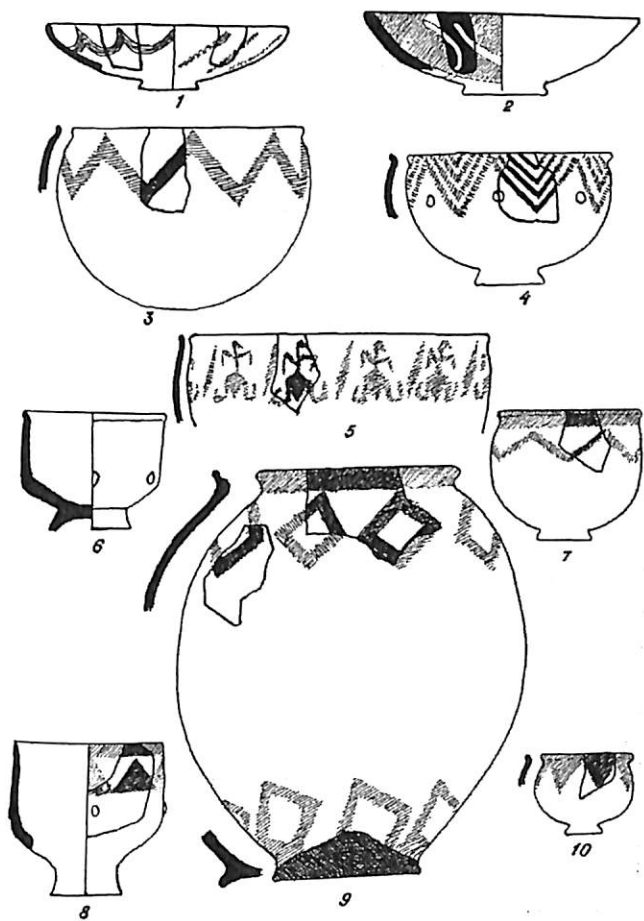
Антропоморфные статуэтки со следами гравированного рисунка

Табл. XX

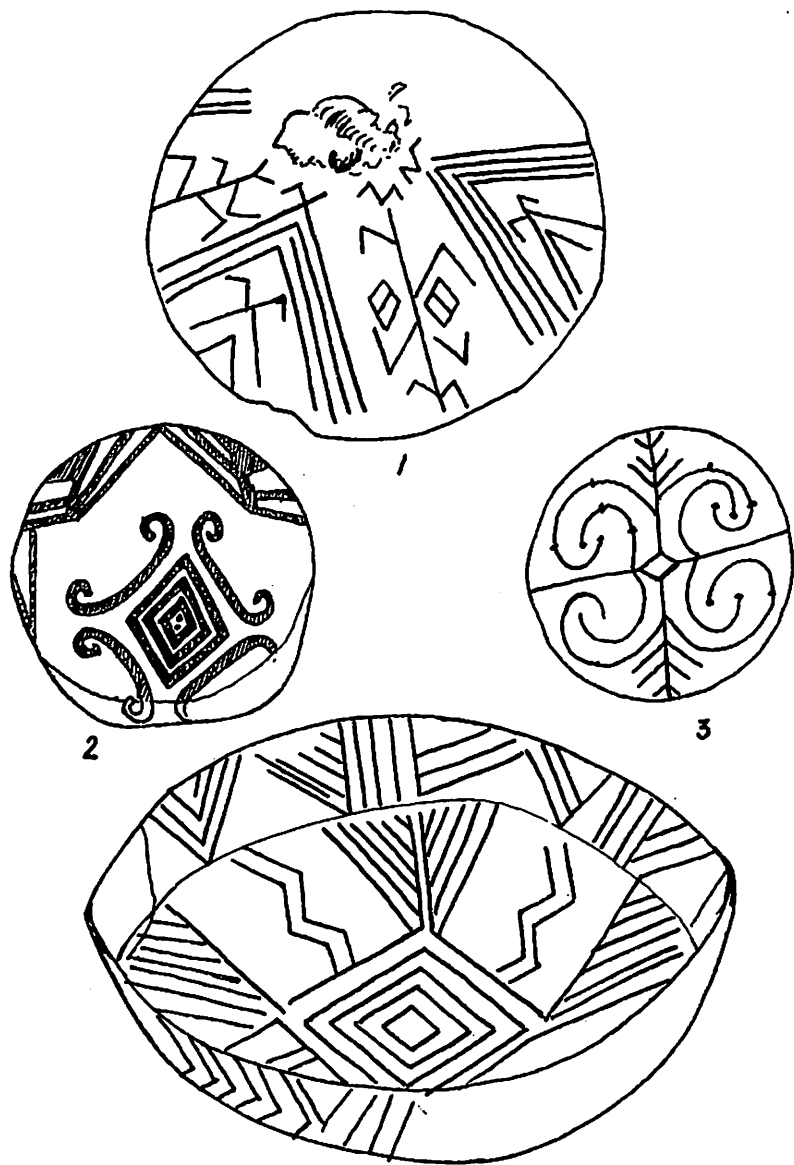
Изображение космического символа лабриса в искусстве Крита, Гувельницы и Триполья (Греновка). Культура линейно-ленточной керамики

Табл. XXI

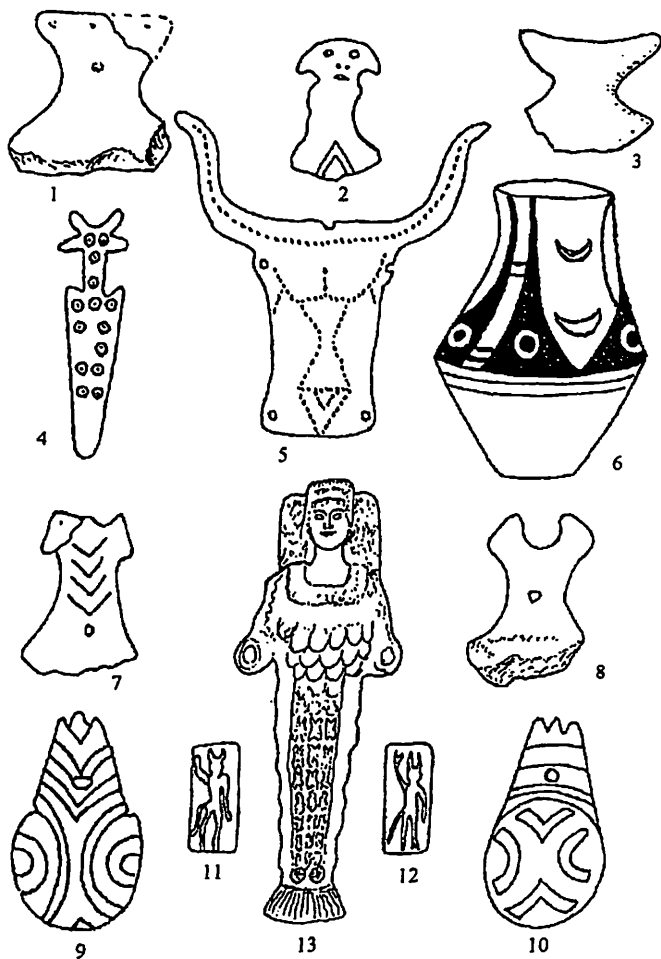
Фрагменты керамики из нижнего слоя Отцаки-Магула.
Центральные Балканы

Табл. XXII

Изображение усложненного букрания на расписной керамике
Западно-Анатолий и Южноевропейского ареала

Табл. XXIII

Антропоморфные изображения женского божества

Табл. XXIV

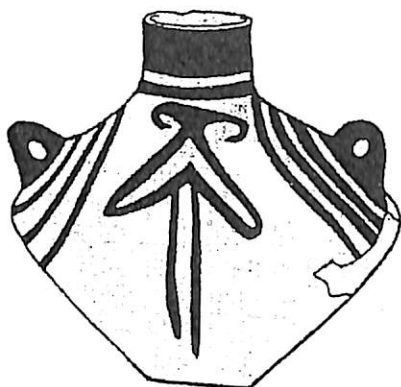

Рис. 1. Древнейшая амфора из 1-го слоя Хаджилара

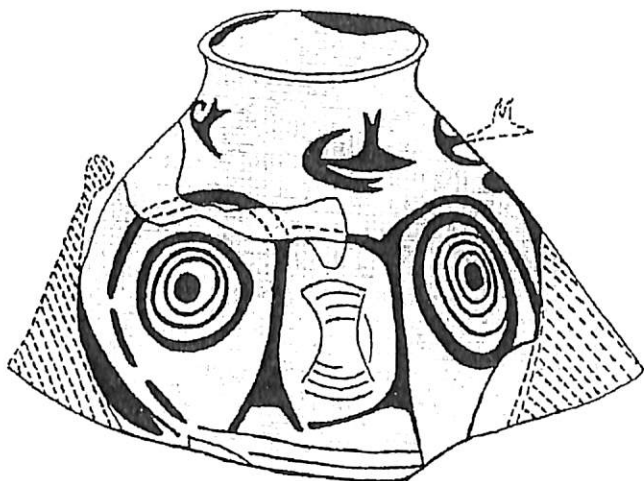

Рис. 2. Изображение божества в сопровождении собак на сосуде из Петрен

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Marchall J., Mohenjo-Dare and the Jndus Zivilization, Vol. I, Vol. III, London, 1931.
2. Содержательный критико-историографический экскурс, посвященный этому вопросу, имеется в книге С. Н. Бибикова Раннетрипольское поселение Лука - Врублевцевкая на Днестре МИА № 38, М. - Л., 1953, стр. 193 сл.
3. Хвойка В., Каменный век Среднего Поднепровья. Тр. XI Археологического съезда, т. I, М., 1901, стр. 779 сл.
4. Болсуновский К., Символ змия в трипольской культуре К., 1905.
5. Болсуновский К., Символика эпохи неолита. К., 1908.
6. Цит. по Богаевскому Б. Л., Орудия производства и домашние животные Триполья, Л., 1937, стр. 225, рис. 75.
7. Скрыленко А., Глиняные статуэтки домикенской культуры, открытые в Среднем Поднепровье, Тр. XII археологического съезда, т. I. 1905, стр. 145.-152.
8. Childe G., Shipenitz; Jourhal of the Rojal Ahthropological Institute, 53, London, 1923, стр. 263-288.
9. Указ. соч. там же.
10. Богаевский Б. Л., Орудия производства и домашние животные Триполья, Л., 1937.
11. Пассек Т. С., Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10. М.-Л., 1949, стр. 96-98.
12. Цит. соч., стр. 89.
13. Neustupný J., Studie o enelitické plastice, Plastice Praha, 1956.
14. Попов Р., Предисторические мряморяни идоли намерени в България. Известия на Вългарския археологически Институтъ, т. III София, 1925.
15. Миков В., Идолната пластика през новокаменната эпоха въ България, Известия на Българския археологически Институт, т. VIII, София, 1934, стр. 202 сл.
16. Majewski K., Plastyka temakotowa kultury ceramiki malowanej w zbiorach Lwówskich, Światowit, XVII, Warszawa, 1936/37, стр. 63-86.
17. Cohak H., Plastyka eneliticznej kulturi ceramiki malowanej w Polsce, Światowit, XIV, Warszawa, 1930/31, стр.164-250.

18. Rozetti P., Steinkupferzeitliche Plastik aus einem Wohohügel bei Bukareřt, Berlin, 1939.
19. Neustupný J., Egejská dvojbřita sekera v páskove kulturni oblasti, Pamatky archeologické, XL, 1934, Praha, стр. 1 сл.
20. Weinberg S. S., Neolithie Figurines and aegean Interrelations, AJA, vol. 55, №2, стр. 123-134, рис. 1-3.
21. Majewský K., Chronologia i styl pŁastyki figuralnej zachodni otrypilskiej, Archeologia, II, Wroslaw, 1948.
22. Bulanda E., Kult bogini-matki w kulturach prehistorii i etnologii, Swiatowit, XVIII, Warszawa, 1947.
23. Majewský K., Studia nad kulturą Trypilską, Archeologia, I, Wroclaw, 1947, стр. 19.
24. Георгиев Г., Ангелов И., Раскопки, на селищната могила до Русе през 1950-1953 година, Известия на археологическия Институт ХХI, София, 1957, стр. 124; Детев П., Селищна могила Банята при кап. Димитриево, Годишник на народния археологически музей. Пловдив II, София, 1950, стр.19,21; Vulpe R., Izvoare, Bucureřti, 1957, стр. 223, интересны наблюдения над полимастными фигурками, стр. 203. фиг: 2/232. фиг, 233.
25. Кричевский Е. Ю., Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы, Ученые записки ЛГУ им. А. А. Жданова, серия исторических наук, вып. 13. Л., 1949, стр. 110-54.
26. Бибииков С. Н., Лука-Врублевецкая, стр. 193 сл.
27. Цит. соч., стр. 256 сл.
28. Цит. соч., стр. 203 сл.
29. Цит. соч., стр. 255-256.
30. Брюсов А. Я., Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М. 1952, стр. 245.
31. Его же. Археологические культуры ... стр. 5-27.
32. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена М., 1953, стр. 30 сл.
33. В настоящее время довольно осторожно, ввиду сложности вопроса, по этому поводу пишет Н. Н. Гурина, см. Древняя история на Северо-западе Европейской части СССР, МИА, 87, М. - Л., 1961, стр. 153-171.

34. Мерперт Н. Я., Энеолит степной полосы Европейской части СССР, сб. *Z' Europe á la fin de l' âge*, Praha, 1961, стр. 161-175, особенно стр. 172-173.
35. Штерн Э. Р., Доисторическая греческая культура на юге России; Тр. XII, АС. I, 1907, стр. 40 сл.
36. Hrozny В., *Die Öalterste Geschichte Vorderasiens und Indiens*, Прага 1943, стр. 121 сл. и 145. Десницкая А. В. О хеттском языке, вступительная статья к книге Фридриха. Краткая грамматика Хеттского языка. М., 1952, стр. 14.
37. Hrozny В., Ук. соч., стр. 141 сл.
38. См. Брюсов А. Я., Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, 1956. стр. 5-27.
39. В советской литературе мысли о глубокой древности индо-европейцев в Малой Азии придерживался Н. Я. Мерперт, см. К проблеме абсолютной датировки археологических культур энеолита и поздней бронзы в Европе. СА, № 1 1957, стр. 260-268, особенно стр. 267, а также некоторые вопросы истории восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой, КСИА, 1961, 83. стр. 8-3.
40. Ventris M., Chandvick J. Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives, *Journal of Hellenic Studies*, LXXXIII, 1953; См. также работу, характеризующую начальный этап открытия. Hrozny В., *Kretas und Vorgriechen Lands Inschriften, Geschichte und Kultur, Archivum Orientale Pragense*, XIV, 1-2, 1943, Praga, стр.1-117.
41. Там же.
42. Ук. соч., а также В. И. Георгиев, *Исследования по сравнительно-историческому языкознанию*, М. 1958.
43. Георгиев В. И., *Исследования ...* стр. 87-104.
44. Dečev D., *Charakteristik der Thrakischen Sprache*, Приложение к *Балканско языкознание II*, София, 1960, стр. 147-202, особенно 202.
45. Marinatos Sp., *Grete and Mycenaee*, London, 1960.
46. Milojčić V1., *Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel und Südosteuropas*, Berlin, 1949, С. 39.
47. Ук. соч., стр. 41 сл.
48. Ук. соч., стр. 32 сл., табл. I. Evans Artur., *the Palace of Minos*, Vol. I, London, 1921, стр. 32-55.
49. Anderson J. D., *Researshes into the Prehistory of the Chinese*, The museum of for Eastarn Antiquitiuus, Stockholm, 1943.

50. Marshall John, Mohenjo-Dare and the Indus civilization, London, 1931, Vol. I, II.

51. Fairservis W. A., Excavations in the Quetta Valley West Pakistan, Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, Vol. 45, New-York, 1956.

52. Его же, Archeological Studies in the Seistan Basin of South-Western Afganistan and Eastern Iran, Anthropological Papers ..., Vol. 48. New York, 1961.

53. Braidwood R. I., The Near East and the Foundations for Civilisation Oregon 1952, стр. 23.

54. Berghe L. V., Archéologie de l' Iran Ancien, Leiden, 1959, с. 1-133.

55. Kenyon K., Digging up Jericho, стр. 77 фиг. 7.

56. Schaeffer C. L., Ugaritica, I, Paris, 1939, стр. 35.

57. То же Мерсин и его окружение, См. Garstans, Prehistoric Mersin, Oxford, 1953.

58. Самый яркий пример - неоднократно рассматривавшаяся ханджиларская культура, см. An. St., VII, IX, X и т. д.

59. Dikaios., La civilization néolithique dans l' île de Chypre, Syria, 17, 1936; Exavations at Chirokitia Khan, Nikosia, 1938; New Idght on Prehistoric Cyprus, Irakq, 7, 1940. Gjerstad E., The Swedish Cyprus Expedition, I-III, Stocholm, 1937.

60. Andersson I. G., Ук. соч.

61. Hrozný V., Цит. соч., стр. 66.

62. Hrozný V., Цит. соч., там же.

63. Baumgartel E. H., The cultures of Prehistoric Egypt, 1955.

64. Hrozný V., Цит. соч., стр. 121 стр. 121 сл. и карта после стр. 64.

65. Разділ О. Ф.Лагодовської, Нариси стародавньої історії Української РСР. К., 1957. стр. 77 сл.

66. Киселев С. В., Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 23-66.

67. Попова Т. Б., Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры. М., 1955, Тр. (ГИМ, вып. 1955).

68. Киселев С. В., Древняя история ... стр. 67-105.

69. Толстов С. Н., По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 47-60.

70. Кривцова-Гракова О. А., Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, 46, 1955, стр. 1-167.

71. Czalog J., Die Chronologie der Bükker und Theis-Kultur; Folia Archaeologica, № 3-4, Budapest, 1941, стр. 17. Novotny Bohuslav, Slovensko v mladšej dobe kamenný Bratislava, 1958, стр. 14, табл. VII-VIII, XXIV.

В том же смысле интересна и «восточно-славянская керамика», см. Там же стр. 16, рис. 2.

72. Tompa F., Die Bandkeramik in Ungarn, стр. 18-39.

73. Filip J., Pravěké Československá, Praha, 1948, стр. 115 сл., а применительно к хронологически следующей за ней «накольчатой керамике» - стр. 133-128.

74. Mellart James, Anatolia and the Balkans, Antiquity, XXXIV (136, 1960), стр. 270-278.

В определённом смысле автор этой содержательной статьи идет по стопам Childa, Neolithie blac in Greet and on the Danube; The Annals of the British School at Athens, XXXVII, 1940, стр. 32 сл.

75. Mikov V., The Prehistoric Mound of Karanovo, Archaeology, 12/2, 1959, стр.93.

76. Berciu P., Contribuții ...,стр.193, 252-266.

77. Vilojčić VI. Chronologie der Jungeren Steinzeit Mittel - und Südosteuropas, 1949, табл. 9-10.

78. Dörebeld W. Troja und Hion, Athen, 1902, I, стр. 42-49 и 244-252.

79. Lamb W. Excavations at Thermi in Lesbos, Cambridge, 1936.

80. Herlig Reinhard, Archäologische Funde in den Jahreu 1927-1928, Subneolithische Funde aus Tigani, Jarbuch des Deutschen Archäologischen Institut, Bd., 43, № 3/4, 1928, стр. 626, фиг.19-22.

81. Evans Artur., The Palace of Minos at Knossos, vol. I, Londjn, 1921, стр. 35 сл.

82. Мовша Т. Г., К вопросу о трипольских погребениях с обрядом трупоположения; Материалы и исследования по археологии юго-западной части СССР и Румынской Народной Республики, Кишинев, 1960. стр. 59-76.

83. Мовша Т. Г., цит. соч., а также устное сообщение Ленинградского антрополога И. И. Гохмана.

84. Garaschanin M. V., Neolithikum und Bronzezeit in Serbien und Makedonien, 32 Bericht der Römisch-germanischen Kommissston, 1958, Berlin, 1959, стр. 4, фиг. 1.

85. Vulpe R, Izvoare ..., см. стр. 5, фиг. 2-4.
86. Бибииков С. Н., ... Лука-Врублевская, стр. 13. рис. 1-4.
87. Пассек, Раннеземледельческие племена, стр. 77. рис. 18/7,8.
88. Цит. соч. стр. 57, сл., рис. 10/1,2, рис. 13/1, стр. 77 рис. 18/16, 17.
89. См. например, Пасек Т. С., Цит. соч., стр. 57, рис. 10/9,10; Бибииков С. Н., ... Лука-Врублевская, стр. 113 сл., особо стр. 116, табл. 27-28. Сведения о таких орудиях, происходящих с культурно-родственных поселений, см., в статьях Alecsandrescu A. D., Şlefuitoare de os neolitice, SCIV, XII, 2, Bucureşti 1961, стр.339-343; Neustupny J., Polissoirs neolithiques en os., Acta Archaeologica, XXXIII, Kopenhagen, 1952, стр. 172.
90. Robenhausen, Real Lexikon d / Vorgeschichte, XI, Berlin, 1927-1928, стр. 149.
91. Вкладыши из «Карановских» серпов в настоящее время нам известны из Гайворона, Сабатиновки II, Бернова-Луки, Солончен, Луки-Врублевской и др. См. например., Бибииков С. Н. Лука-Врублевская, стр. 87 сл. и первое специальное о них исследование Семенов С. А., Жатвенные кремневые ножи из позднее-неолитического поселения Лука-Врублевская на Днестре; СА, XI, М.-Л., 1949, стр. 151 сл.
92. О Гайвороне; по раскопкам М. Л. Макаревича 1960-1961 гг.
93. Даниленко В. М. та. Макаревич М. Л., АП, VI, 1956, стр. 134 сл., рис. 1.
94. Пасек Т. С., Раннеземледельческие ... племена, стр. 42 сл., рис. 1-3.
95. Пассек Т. С., Цит. соч., стр. 60 сл., рис. 11,12.
96. См., например, Бибииков С. Н., ... Лука - Врублевская, где эта форма уже представлена единичными примерами, табл. 35/д, е, а в своде керамических форм особо не учитывается стр. 131.
97. Общеизвестные примеры, Пассек Т. С., Периодизация ... рис. 67 (сводная типологическая таблица).
98. Например, Comşa E., в статье Stadiul cercetărilor cuprivire la faza Giuleşti a culturii Boian, SCIV, VIII, № 1-4, стр. 48 отмечает, что для посуды памятников типа Ларга-Жижия, хронологически следующих за типом Зэнэшти, определенно характерны «трипольские» элементы. Правильнее было бы, разумеется, учитывать буго-днестровские элементы.

99. Comşa E., Considerații... стр. 372; Quelques données etc., табл. 11.
100. Comşa E., Stadiul cercetărilor despre viața camenilor din faza Bolintineanu a culturii Bria, SCIV, V, 1-2, 1955, стр. 13 сл., фиг. 1. См. также Миков В., Джамбазов Н., Деветашката пещера, София, 1960, стр. 33 сл. (Караново-Кѳреш) стр. 47 сл. (поздний неолит- Болинтиняну).
101. Comşa E., La civilisation Criş ..., Acta Archaeologica, Carpathica, I, fasc. 2, 1959; Petrescu-Dîmbovița M., Contributions etc ..., Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae, 9 (1958).
102. Osten H. H., Alishar ..., стр. 56, фиг. 64-66.
103. Oppenheim M., Der Tell Halaf, Berlin, 1931.
104. См., например, Массон В. Н., Первобытнообщинный строй на территории Туркмении (энеолит) бронзовый век и эпоха раннего железа и др. его статьи в сборнике Труды Южно-Туркменской комплексной археологической экспедиции, т. VIII, Ашхабад, 1956.
105. Comşa E., Considerații etc., SCIV, V, № 3-4, 1954, стр. 261 сл.; Его же, Stadiul etc ..., SCIV, VI, № 1-2, 1955, стр. 13 сл., фиг. 12/1-6, фиг. 13/1-4; Миков В., Джамбазов Н., Деветашката пещера, стр. 47 сл., рис. 33 и 34.
106. Бибииков С. Н., ... Лука-Врублевская, стр. 176 сл., стр. 279 сл.
107. См. один из многочисленных примеров, Stocký A., Pravěk Země České I, стр. 72, рис. 33.
108. Даниленко В. М. та Макаревич М. Л., Дослідження на II Сабатинівському поселенні ... АП, VI, стр. 141 сл.
109. См. об этом в общем историческом построении Istoria Romîniei том. I, Bucureşti, 1960.
110. См. там же стр. 44 - 37, дается в целом правильная картина исторического процесса, хотя и не учитывается большая роль металлургии меди времени трансформации кришской культуры в более поздние, энеолитические культуры.
111. Хвойка В. В., Каменный век Среднего Приднепровья, Тр. XI АР, в Киеве в 1899 г., т. 1, М., 1901, стр. 812-736.
112. Спицин А. А., Археологические разведки, СПб., 1908, стр. 67.
113. Городцов В. А., Бытовая археология. М., 1907, стр. 149-154.
114. Чайльд Г., У истоков Европейской цивилизации М., 1952, стр. 149-150.

115. Menghin O., *Weltgeschichte der Steinzeit*, Wien, 1931, стр. 369 сл.
116. Childe G., *The Danubian in prehistory*, Oxford, 1929, стр. 36-47, 60-III.
117. *Pravěk Zeme Česke, I, věk kamenný*, Praha, 1926, стр. 32 -45.
118. См. *Die Bandkeramiker in Ungarn*, стр. 17 сл.
119. Пассек Т. С., Периодизация трипольских поселений, МИА, № 10, М.-Л., 1949, стр. 28-30.
120. Кричевский Е. Ю., из истории Дунайского понизовья в неолитическую эпоху, КСИИМК, VIII, М.-Л., 1940, стр. 49-50.
121. Его же, Ранній неоліт і походження трипільської культури; Сб. «Палеоліт і неоліт України, I, К., 1949, стр.351 сл., стр. 390-391, стр. 398-401.
122. Бибииков С. Н., Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре, МИА, № 38, М. - Л., 1953, стр. 281-278 и 286.
123. Цит. соч., стр. 278.
124. Цит. соч. стр. 106, 279-280 и др.
125. Цит. соч. стр. 100-106 и 279.
126. Цит. соч., стр. 219-238.
127. Цит. соч., стр. 278.
128. Цит. соч., там же.
129. Цит. соч., стр. 281 сл.
130. Цит. соч., стр, 281 и 286.
131. Цит. соч., стр. 204 сл., особенно стр. 247 сл.
132. Цит. соч., стр. 280-281 и др.
133. Рудинська Е., (составительница подборки, состоящей из авторских текстов), V наукова конференція Інституту археології АН УРСР, Археологія II, К., 1948, стр. 212-213, а также Даниленко В. Н., Неолит Побужья и вопрос о сложении трипольской культуры, КСИА, 9, К., 1959, стр. 4.
134. Там же.
135. Там же.
136. Comşa E., *Considerații cu privire la evoluția culturii Boian*, SCIV, V, № 3-4, București, 1954, стр. 375; Berciu P., *Contribuții la problemle neoliticalui in România in lumina noilor cercetări București*, 1961 стр. 58, 365, 367-414.

137. Vulpe R., *Izvoare București*, 1957, стр. 111 сл. и стр. 341, специально по этому вопросу. Его же, *Problemele neoliticului Carpato-Niprovian in lumina Săpăturilor de la Izvoare*, SCIV, VII, 1-2, 1952, стр. 81-86; Dumitrescu H., *Șantierul arheologic Traian*, SCIV, V, 1-2 București, 1954, стр. 64-65.

138. Пассек Т. С., Новые открытия на территории СССР и вопросы поздних трипольских культур дунайско-днестровского междуречья, СА, № 1, 1958, стр. 46. Та же мысль повторена названным автором в книге *Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья*, МИА, № 84, М., 1961, стр. 203. В своем докладе, прочитанном на конференции Института археологии АН УССР весной 1962 Пассек Т. С., уже без указаний на «сравнительно небольшой археологический материал» приняла основные положения нашего построения, включая и предложенную систему хронологического расчленения буго-днестровской культуры. Позднее аналогичный доклад был ею прочтен на Международном Конгрессе доисториков в Риме.

139. Рудинська Є., (составительница), V наукова конференция, стр. 212-213.

140. Там же.

141. Vulpe R., *Izvoare ...*, стр. 13; автор ограничился указанием на то, что Даниленко подтвердил путем шурфования стратиграфию Извоара, опубликованную в *ESA*, XI, 1957, стр. 134 сл., но не указал на наше мнение о большом архаизме памятников типа Трудешти в сравнении с нижним слоем Извоара, ссылаясь на нашу публикацию – V. N. Danilenko, in «Археология», II, 1948, p. 212.

142. Comșa E., *Stadiul cercetărilor cu privire la faza Gjuleş ti a culturii Voian*, SCIV, VIII, 1-4, стр. 46-48; здесь интересна мысль о возможности хронологического расчленения типа Зенешти (собственно Зенешти и Ларга-Жижиа) и о большей близости поздних памятников к Триполью.

143. Подробно этот вопрос рассматривает Д. Берчу, сопоставляющий обе схемы; см. *Contribuții ...* стр. 58 сл.; и тут же приводится попытка по-своему наметить генетические связи Бояна и Триполья.

144. Vergiu P., *Цит. соч.*, стр. 72.

145. *Цит. соч.* стр. 72-79.

146. Пассек Т. С., Периодизация ... стр. 28-41 сл. Ее же. Раннеземледельческие ... племена..., стр. 100-32; стр. 112-111; Черныш Е. К., Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы, КСИИМК, XI VII 1952, стр. 51; Сабатиновка II, как тип памятника, см. Даниленко В. М. та Макаревич М. Л., Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипільському поселенні АП, VI, К., 1956, стр. 134 сл.

147. О Луке-Врублевецкой, см. монографию С. Н. Бибикова, МИА., № 38, М.- Л., 1953.

148. О Берновой Луке, см. Пассек Т. С., Раннеземледельческие племена, стр. 42 сл.

149. О Солончанах, см. там же, стр. 60 сл.

150. О Борисовке, см. Біляшевський М., Борисівське городище; сб. «Трипільська культура на Україні» К., 1925, стр. 1 сл.

151. Наиболее развернуто об этом памятнике см. Пассек Т. С., Новые открытия..., стр. 28 сл.

152. Vulpe R, Izvoare ..., см. стр. 29-14, где помещены неполные данные относительно состава находок в слоях (Извоар 2/1) и (Извоар 1/1), а сами слои графически не выделены.

153 Vulpe R, Izvoare ..., Цит. соч. см. например: стр. 340 и в более определенное виде, в русском резюме, стр. 356. – « На основании находок и исследований последних 20 лет автор может внести значительные изменения в хронологические распределения, указанные им в 1936 году.

154. См. О периодизации культуры Боян в сочинениях Комши и Берчиу: «Considerații...», «Contribuții...».

155. Comșa E., Stadiul cercetărilor..., SCIV, 1957, VIII, 1-4 стр.27 сл.

156. Его же, Contribuții est. Довольно интересно наблюдение Вульпе (см. Izvoare, стр. 33) о том, что материалы комплекса Извоар 1/2 непосредственно связывались с обожженными платформами т. е. с площадками («Acest strat de pământ și cenușa este în strînsa legatură cu platforma arsă dedesubt»). Это обстоятельство разрешает думать, что слой Извоар 1, подобно тому, как это имеет место в сходном случае в Сабатиновке II, (см. Даниленко, Макаревич) Дослідження на Сабатинівському II поселенні), в определенной мере синхронне площадкам.

157. Белановская Т. Д., Трипольское поселение Красноставка, КС ИИМК, 69, М. - Л., 1957, стр. 31-39.

158. Пассек Т. С., Периодизация... стр. 28-41, в частности, стр. 38-39, рис. 7/3.

159. Сымонович В. А., Раннетрипольское поселение у с. Данилова балка, КСИИМК, XXXIX, 1951; Нами уже указывалось, что коллекция, обычно относимая Т. С. Пассек к Саврани, в действительности, как об этом свидетельствуют иллюстративные описи С. С. Гамченко, хранящиеся в архиве ИА АН УССР в Киеве, - происходят из Даниловой балки см. КСИА, IX, стр. 6, примечание 24. Последнее возражение Т. С. Пассек в «Раннеземледельческие ... племена...», стр. 83 основано на неудовлетворительных данных.

160. Описание Сабатиновки II, как типичного памятника, см. Даниленко В. Н., та Макаревич М. Л., Дослідження на ... Сабатинівському Поселенні.

161. Есипенко А. Л., Раннетрипольское поселение Александровка. Материалы по археологии Северного Причерноморья, I, Одесса, 1957. стр. 10-23. Его же. Памятники ранней поры триполья у с. Кирилловки, Одесской области, КСИА, вып. 4, К., 1955, стр. 142-140.

162. Пассек Т. С., Новые открытия... и т. д.

163. Борисковський П.І., Деякі доповнення до археологічної карти Середньої Наддніпрянщини, Археологія, IV, К. 1950, стр. 120-122. Пассек Т. С., Раннеземледельческие племена..., стр. 34 сл. 164. Пассек Т. С., Периодизация..., стр. 28-41, рис. 7/1,2.

165. Dumitescu H., Şantierul Troian, SCIV, V, 1-2, Bucureşti, 1954, стр. 63-55; SCIV, VI, № 3-4 1955, стр. 474.

166. Dumitescu H. Şantierul Troian, SCIV, VIII, № 2-3, 1955, с 459.

167. Colectivul, Şantierul Valea Jijiei SCIV, III, 1952, стр. 41.

168. Там же, стр. 43-44.

169. Dumitrescu H., Şantierul Troian, SCIV, V, 1-2, стр. 43-41.

170. SCIV, III, 1952, стр.41-44 и 47-56.

171. Опыт хронологического расчленения раннего триполья, см. Даниленко В. Н., Археологические исследования в зонах строительства ГЭС на Южном Буге в 1960-1959 гг. КСИА, XII, стр. 25 сл.

172. Макарович М. Л., Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури, АП, IV, К., 1962, а так же Даниленко В.

М. та Макарович М. Л., Дослідження на II Сабатинівському поселенні, стр. 141 сл. Опыт неполной реконструкции одного из таких жилищ, см. Макаревич М. Л., Об идеологических представлениях у трипольских племен. Записки Одесского Археологического Общества, т. I (34), Одесса; 1960, стр. 290 сл. рис 1.

173. Есипенко А. Л., Памятники ..., КСИА, 4, К., 1955, и его же Раннетрипольское поселение Александровка ... Материалы по Археологии ..., Одесса, 1957.

174. Симонович В. А., ... Данилова балка, КСИИМК, XXXIX, 1951.

175. Миков В., Культура неолита, энеолита и бронзы в Болгарии; СА, № 1958 ,1, стр. 50, рис. 3/1.

176. Речь, например, может идти о наборе кремневых орудий с таких Надпорожских поселений как Вовчок, Собачки, Вовноги, раскапывавшихся А. В. Добровольским и до сих пор, к сожалению, не изданных. К тому же типу относится и набор орудий из района Лоханского порога, см. Рудинський М., Деякі підсумки та ближчі завдання палетнологічних вивчень у межах УРСР. Антропология. IV, К., 1931, стр. 157 сл., фиг. 4-2.

177. Добровольський Аркадій, Звіт за археологічні дослідження на території Дніпрельстану р. 1927; 1927; Збірник I (Дніпропетровський краєвий історико-археологічний музей). Дніпропетровське, 1929, стр. 61 сл. и особенно стр.126-123, а также табл. X, рис. 7.

178. Раскопки автора в 1946 г., Отчет и материалы сохраняются в Институте археологии АН УССР в Киеве.

179. Макаренко Микола., Маріюпільський могильник, К.,1933, стр.12, а также стр.38-34 рис.55-52 ,51-49 41-40 ,28 ,24-22 19-16 ,8-6 и др.. стр 80-75 и др.

180. Пассек Т. С., Трипольское поселение Поливанов яр, КСИИМК, XXXVII, М. - Л., 1951, стр. 63-41.

181. Бибииков С. Н., ... Лука-Врублевецкая, стр. 83 сл., табл. 1-14.

182. Пассек Т. С., Раннеземледельческие ... МИА, 84, стр.60 сл.

183.Добровольський А. В., Перше Сабатинівське поселення, АП, IV, К., 1952, стр. 78 сл. особенно стр. 83.

184. Schmidt H., Kukuteni, стр. 14 сл., табл., 9 -1.

185. Есипенко А. Л., КСИА, 4, К., 1955, стр. 140, а также «Материалы по археологии», Одесса, 1957, стр. 16 сл.

186. Бибииков С. Н., ... Лука - Врублевецкая; стр. 150-125, в частности, интересны соображения А. И. Августинника о технологии черненной посуды, стр. 150, а также табл. 70-29.
187. Макаревич М. Л., Середньобузька експедиція ...
188. Бибииков С. Н., ... Лука - Врублевецкая, стр. 20 сл. рис. 5.
189. Судим на основании коллекции переданной в 1944 г. в наше распоряжение румынским археологом К. Матасэ, а также по его публикации, *Deux Stations á cérami que peinte de Moldavie, Dacia, VII-VIII, 1937-1940, București, 1941* стр. 69-84.
190. Примеры горшков архаического типа см. Пассек Т. С., Раннеземледельческие племена, стр. 192, рис. 16-13/54 или Vulpe R., Izvoare, стр. 102, фиг. 19/7, фиг. 52/1-10; второго типа - Бибииков С. Н., Лука - Врублевецкая, табл. 29, а - в, Vulpe R., Izvoare, стр. 215, фиг. 211-214 и 216.
191. Kutzian I., The Köröa ..., табл. XXI/4, табл. XXII/2, табл. XXIV/2 табл. XXVI/1-2. Здесь лишь малые петельчатые ручки; Petrescu-Dîmbovița, Contributions au problème de la culturé Criș en Moldavie (Separate), стр. 61, фиг. 4/5-6, фиг. 5.
192. Даниленко В. М., До питания про ранній неоліт Південної Наддніпрянщини, Археологія, III, стр. 119-146, стр. 145-146.
193. Berciu P., ... la civilization Hamangia, стр. 1 сл; его же Contributii стр. 72 сл. и др.
194. Например, Petrescu-Dîmbovița, Une Civilization ... Comșa E., Civilization Criș sur le territoire de la R. P. Roumanie, Acta Archaeologica Carpathica, I, fasc. 2, 1959.
195. Comșa E., Betrachtungeu über die Zinearband-keramik auf dem gebiet der RVR und angrenzenden Zändern, Dacia, S. N. III.
196. Об эволюции орнамента боянской культуры, см. Comșa E., Quelques donné relatives á la periodisation et á l evolution de la civilization de Boian, Dacia, Nouvelle série, I, București, 1957, стр. 61, табл. 11.
197. Christescu V., Les stations préhistoriques du lac de Boian, Dacia, II, 1925, стр.249-276; Posetti D. V., Sapăturile de la Vidra; Pulcații le Vuzeului Vunicipului București, № 1, 1934.
198. Osten H. H., The Atishar Nüqün, I, Chicago, 1937, стр. 56, рис. 64-66.
199. О Дялул - Вией см. Dumitescu H., SCIV, V, № 1-2, стр. 55-63; ee же, SCIV, VI, № 3-4, стр. 474, фиг. 16 и 17.

200. Культурная самобытность Зэнэштн в той или иной мере признается большинством неолитологов Румынии (Н. Нестор, Г. Думитреску, Д. Берчиу и даже Е. Комшой, который включает местонахождение Зэнэшти в число боянских памятников фазы Джулешти).

201. Устанавливая генетическую связь памятников зэнэштинско-го типа с кудьтурой линейно-ленточной керамики, Г. Думитреску вместе с тем подчеркивает их особое значение для раскрытия процесса сложения «прокукутенской культуры», см. *Contribuții la problema originii culturii precucuteni*, SCIV, VIII, № 1-4, 1957 стр. 70.

202. Пассек Т. С., Новые открытия ..., рис. 11-6/5; Ее же. Раннеземледельческие племена..., рис. 16-11/45.

По обилию «кёрешских» черт этого рода близкой аналогией для населения Флорешти в условиях Среднего Побужья в настоящее время является поселение Гайворон, исследованное М. Л. Макаревичем в 1960- 61 гг.

Несмотря на несомненную древность, возможно даже некоторую синхронность с боянскими памятниками фазы Болинтиняну, ярко выраженную антропоморфную пластину дают памятники типа Зэнэшти. См. SCIV, VI, стр.318-319, фиг. 7, 2.

205. Berciu P., ... la civilization Hamangia, стр. 12, фиг. 5/1-7; *Contribuții* стр. 510 фиг. 275-206. Макаревич М. Л., Об идеологических представлениях ..., стр. 295, рис, 3/10.

207. Weinberg S. S., *Neolithic Figurines and Aegean Interrelations*, AJA, v. 55, № 2, стр. 121-134, табл. 1-3.

208. Из разведок П. И. Борисковского 46-1945 гг.; хранится в ИА АН УССР.

209. Из раскопок К. Матасэ (см. его *Deux ... Stations etc --- Dacia --- VII-VIII*, 1941, стр. 69 сл.) передана последним в ИА АН УССР.

210. SCIV, VI, № 1-2, стр. 318 сл.

211. Макаревич М. Л., Статуэтки трипольского поселения Сабатковка II, КСИА, К., 1954, стр. 90 сл. рис. 2/6.

212. Примеры сходных идолов см. *Dimitrescu H., VI., Hăbășești* стр. 410 сл, фиг. 36.

213. Бибииков С. Н., ... Лука-Врублевская. стр. 238 сл., табл. 113, а-е; Пассек Т. С., Раннеземледельческие ... племена, стр. 77, рис. 18/1; Кравець В. Я., Ранньотрипільське поселення в Городищі на Дністрі, Наукові Записки, II (Інститут суспільних наук, Львів) К., 1954, стр. 61,

рис. 7/4 и 8/4, по мнению Кравец В. Я., ...обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех приведенных выше изображениях мы по существу имеем «протомы» изображений быков, которыми украшались различные сосуды.

214. Бибииков С. Н., ... Лука - Врублевецкая, стр. 238 сл., табл. 115/а.

215. Бибииков С. Н., ... Лука - Врублевецкая, стр. 238 сл., табл. 114/а, б; Кравец В. Я., Городница В. А., фиг. 4/6.

216. О зобастых птицах см. Даниленко В. М. та Макаревич М. Л., Дослідження на II Сабатинівському ... поселенні, стр. 140, табл. IV/8, Бибииков С. Н., Из работ в Луке-Врублевецкой КСИИМК, XI, V, 1952, стр. 19 сл., рис. 11/1, Васић М. Преисторика Винча, III, СХХХI, № 615; Rozetti D., Steinkupberzeitliche Plastik aus einem Wohuhügel bei Bucareşti, Berlin, 1939, табл. 26/11; о голенастых: Бибииков С. Н., ... Лука-Врублевецкая, стр. 23 сл. рис. 11/2; Пассек Т. С., Раннетрипольские ... племена, стр. 51-52, рис. 4/1-2. Очень ярко этот символ представлен в хронологически более поздних Фрумушике, см. Mătăsa C., Frumuşica Bucareşti, 1946, табл. 1, VIII и гумельницкой Видре, см. Rozetti P., цит. соч., табл. XXIV/10.

217. Речь, прежде всего, идет о памятниках типа Сабатиновка I, см. Добровольський А. В., Перше Сабатинівське поселення; стр. 80 сл. в частности, о расписной посуде, стр. 83. В ходе работ Бутской экспедиций сходные по составу комплексы керамики исследовались в Гайворонском районе, Кировоградской обл. - у Березовской и Гайворонской ГЭС.

218. Картину постепенного нарастания этих «ариуждских» признаков в Извоаре – от II/1а через II/1в к II/2; VulpeR., Izvoare, стр. 35, а также 120 сл., что говорит о заимствовании техники настоящей росписи, а не эволюционном возникновении ее на месте, как думает Вульпе. См. Laszle F., Zes types de vases peints d-Ariusca, Dacia, I, Bucureşti, 1924, стр. 5-17; Dumitreşcu H. VI, Hăbăşeşti, стр. 274, 386, особенно 309 сл. Schmidt H., Kukuteni, --- стр. 14 сл.; Бибииков С. Н., Археологические раскопки у селений Попенки и Журы на Днестре в 1952 г., КСИИМК, 56, М.-Л., 1954, стр. 104 и мн.др.

219. Mayer M., Molfetta und Vatera, Leipzig 1924.

220. См. примечание 157, а также Пассек Т. С., Периодизация..., стр. 52 сл., рис. 20 – остатки настоящих полихромных сосудов типа Кукутени А, а также стр. 54 сл., о Коломийщине и пр., стр. 79 сл. - о

Владимировке и пр. Синхронность таких несходных памятников, как Извар II а-в и Борисовка также говорит о двойственности путей развития трипольской культуры этой поры.

221. Mataşă С., Frumuşică, Bucureşti, 1946.

222. Бибииков С. Н., КСИИМК, 56, 1954, стр. 107, рис. 56.

223. Laszle F., Fovilles á la station primitive de Erösd (1907-1912), Dolgozatok, Kolozsvár 1914.

224. Кравець В. П., Ранньотрипільське поселення в Городиці на Дністрі ..., стр. 66-49, рис. 225 .4-2. Berciu P., Contribuţii ..., стр. 13. примечание № 2. Боян-Вэрэшти – 70 ± 3160 и Кукутени А (т. е. Хебэшести В. Д.) – 80 ± 3130 л. до н. э.

226. Кнабе Б. С. Вопрос о соотношениях археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе, СА. № 3, 1959, стр. 243- 258, особенно стр. 248-250.

227. Dumitescu H., Şantierul archeologie Troian, SCIV, V, 1-2, Bucureşti, 1954 стр. 64.

228. Neustupny J., цит. соч. стр. 1 сл.

229. Фрезер Д., Золотая ветвь, III. Умирующие и воскресающие боги растительности, Л., 1928.

230. Nilsson M. P., Geschichte der Griechischen Religion München, 1942, стр. 67, 111, 112, 295 и др.

231. Шнитцер Я. В., История письма. 1913 стр.25-26, рис14 2 стр.35, рис21 и 22. Особо о мировом древе, перевернутом корнями кверху. См. Штернберг Н. Я., Первобытная религия, Л.,1936, стр. 122 сл.

232. Nilsson M. P., цит. соч., стр. 33, 67, 207, 302, 327,424 и др.

233. Ефименко П.П., Первобытное общество. К., 1953, стр. 392-394.

234. Автор поддерживает распространенную точку зрения о том, что скорченность древних погребений воспроизводит не только позу спящего человека, но и утробное положение людей.

235. Nilsson M. P., цит. соч. стр. 451-468.

236. Цит. соч., стр. 274-287.

237. Цит. соч., стр. 450-468, особо стр. 468.

238. Цит. соч., там же.

239. Даниленко В. М., Бибииков С. М., В Нарисах древньої історії УРСР, К., 1958, стр.70.

240. Wotschitzky A., *Ephesus, past Present and Future of an Ancient Metropolis; Archaeology*, v. 14, № 3, 1961, New-Jork, стр. 205-212.

241. Vulpe R., *Izvoare ...*, стр. 230; Захарук Ю. Н., Глиняный амулет из с. Кошиловцы, СА, № 2 М., 1960, стр. 229 сл. В примечании к древней юго-восточной Азии этот образ отмечен Мерри, см. Murray M., *Female Fertility Figures; journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, v. LXIV, 1934, стр. 93-100; Под эту рубрику более всего подходит сюжет «Универсальной Матери».

242. Например, Мовша Т. Г., Трипольское жилище на поселении Солончены II, ЗОАО, № 1 (34), Одесса, 1960, стр. 232-248, рис. 9/1.

243. Даниленко В. М., Макаревич М. Л. Дослідження на II Сабатинівському поселенні у 1949 р., АП, VI, К., 1956, стр. 135 сл., фиг. 1.

244. Nilsson M. P., Цит. соч., стр. 65, 68, 77, 290, 291, 317 и др.

245. Nilsson M. P., Цит. соч., стр. 451 сл. - Замятнин, Очерки по палеолиту, М. Л., 1961, стр. 54.

246. Козубовский Ф. А., Археологічні дослідження на території Богесу 1932-1930, К., 1933, стр. 45-46, табл. 28, в.

247. Штернберг, *Первобытная религия*, стр. 231 сл., а также 277 сл.

248. Тейлор Э., *Первобытная культура*, М., 1939, стр. 259 сл.

(НА ИА НАН Украины Ф. 521 № ,26).

Заключение

Новый вариант вышеприведенной работы, именуемый автором: «Космологические воззрения эпохи неолита – энеолита», имевший первоначальное наименование: «Религиозно – космогонические воззрения эпохи неолита – энеолита» планировался В. Н. Даниленко для включения в качестве пятой главы в монографию «Неолит Украины» состоящую из 1110 страниц машинописи. Рукопись монографии была похищена из домашнего архива и в НА ИА НАН Украины близкими к В. Н. Даниленко людьми. В НА ИА НАН Украины удалось обнаружить оглавление к монографии с автографом В. Н. Даниленко, датированном 17. XII. 1965 года Ф. 26 б/№. Ксерокопия оглавления также хранится в домашнем архиве. Планируется в ближайшее время опубликовать, с авторскими правками, обновленный вариант научной работы В. Н. Даниленко: «Космологические воззрения эпохи неолита – энеолита». Редактором работы является

известный ученый, ученица В. Н. Даниленко, профессор Днепропетровского Национального Университета доктор исторических наук Ковалева И. Ф. По ее словам, опубликованная Ю. А. Шиловым работа В. Н. Даниленко, основанная на репринтном издании Фастовской школы народного мастерства, является только частью большого исследования, (см. «Жизнь, проведенная в могиле», Днепропетровск, «АРТ-ПРЕСС», 2008, С. 87). Иллюстрации к своей работе В. Н. Даниленко перед своей кончиной не мог передать Н. М. Шаглию, так как с июля по октябрь месяц 1982 года, до дня ухода «в мир иной», находился на лечении в больнице. Тем самым Н. М. Шаглий дезориентировал Ю. А. Шилова, передавая ему приобретенные сомнительным образом иллюстрации.

Справка: год спустя после кончины В. Н. Даниленко семья, друзья и близкие к нему сотрудники Института археологии на Байковом кладбище почтили его память. По дороге с кладбища младший сын В. Н. Даниленко – Владимир спросил Н. М. Шаглия : «Когда можно подъехать в Институт чтобы забрать архив отца, который после его кончины, Вы настоятельно хотели перевезти в его квартиру». Последовал короткий и довольно неожиданный ответ: «Шкафы, где хранились бумаги В. Н. Даниленко, пусты. Осталась лишь шахтерская лампа»...

Приходится лишь надеяться, что когда нибудь научные работы В. Н. Даниленко, взятые на «хранение», будут возвращены в НА ИА НАН Украины.

Приложение:

1. Письмо от 15 мая 1968 года профессора Европейской Археологии Калифорнийского Университета, Доктора Марии Гимбутас на научную работу В. Н. Даниленко; «Космологические воззрения эпохи неолита – энеолита».
2. Содержание очередного варианта монографии «Неолит Украины» с автографом В. Н. Даниленко;
3. План – карта с. н. с., д. и. н. Валентина Николаевича Даниленко.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, LOS ANGELES

BERKELEY • DAVIS • IRVINE • LOS ANGELES • RIVERSIDE • SAN DIEGO • SAN FRANCISCO

SANTA BARBARA • SANTA CRUZ

DEPARTMENT OF CLASSICS
SECTION OF INDO-EUROPEAN STUDIES
LOS ANGELES, CALIFORNIA 90024

May 15, 1968

TO WHOM IT MAY CONCERN

In reference to Osnovy Kosmologii Epoxi Neolita-Rneolita
Yugo-vostechnoj Evropy by V. N. Danilenko.

The Osnovy Kosmologii... is a greatly inspiring study and an attempt to get an insight into the meaning and symbolism of magical-religious art of neolithic and meolithic peoples in southeastern Europe. This kind of work demands good knowledge of tremendous amount of archaeological materials of Europe and the Near East and as well as of ethnological materials and earliest recorded mythology. It also demands more intuition in reconstruction mythological archaeology than in reconstruction for instance the economic life of the Neolithic period. I think, the author of Osnovy kosmogonii has shown this capacity (although I had no chance to read through the whole text).

It is not surprising that a long preoccupation with the materials of the Dniester-Bug neolithic and of the exceedingly rich Tripolye eneolithic cultures have inspired the author to analyze not only the remains of the material but also of spiritual culture preserved in plastic art and symbols on pottery and stone. Danilenko's attempt to decipher symbols unveils whole cosmogonical systems of lost civilizations and shows us that mythology and symbolism of people living in southeastern Europe some seven to five thousand years ago was highly developed and very rich.

Apart of B.A. Rybakov's article on the cosmogony of the Tripolye

(cont.)

Peoples in Sovetskaja Arheologija

people in Sovetskaja Arxeologija a few years ago, Danilenko's study is a pioneering work bringing many ideas to the field the further investigation of which will greatly enrich our rather schematic knowledge of neolithic and eneolithic civilizations.

The publication of Danilenko's manuscript is very desirable since it will be useful not only for archaeologists but also for students of religious history and mythology.

Marija Gimbutas,
Dr. Marija Gimbutas

Professor of European Archaeology
University of California,
Los Angeles

422

КАЛИФОРНИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ЛОС-АНЖЕЛЕС

Классический факультет,
секция индо-европейских
исследований, Лос-Анжелес,
Калифорния

мая 15, 1968

КОГО ЭТО КАСАЕТСЯ

Отзыв на Основы космологии эпохи неолита-энеолита
Юго-Восточной Европы, В.Н.Даниленко.

Основы космологии... очень вдохновенное исследование, попытка проникнуть в мышление и символизм магико-религиозного искусства неолитических и энеолитических народов Юго-Восточной Европы. Этот род работы требует хорошего знания огромного количества археологического материала Европы и Ближнего Востока, а так же этнологических материалов и древнейших памятников мифологии. Он так же требует большей интуиции в реконструкции мифологической археологии, чем, например, при реконструкции экономической жизни неолитической эпохи. Я думаю, что автор основ космологии показал эти качества /хотя я и не имела возможности прочесть текст полностью/.

Не является неожиданностью, что долгие занятия материалами днестро-бугского неолита и исключительно богатого триполья воодушевили автора анализировать не только остатки материальной, но так же и духовной культуры, сохраненной в пластическом искусстве и символах на посуде и камне. Попытка Даниленко дешифровать символы раскрывает космогонические системы погибших цивилизаций и показывает нам, что мифология и символизм народов, живших в Юго-Восточной Европе от семи до пяти тысяч лет назад, были высоко развитыми и очень богатыми.

- 2 -

Если не считать статьи Б.А.Рибакова о космологии трипольского народа, напечатанной в Советской Археологии пять лет назад, Исследование Даниленко является ~~перво~~первым трудом, приносящим много идей в область дальнейшего исследования, которое значительно обогатит наши довольно схематические знания о неолитических и энеолитических цивилизациях.

Публикация рукописи Даниленко очень необходима так, как она будет полезна не только для археологов, но так же и для исследователей истории религии и мифологии.

Мария Гимбутас

Профессор Европейской Археологии,
Калифорнийский Университет,
Лос Анжелес

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	1-У1
ОТ АВТОРА	УП-IX
ГЛАВА I. НЕОЛИТ УКРАИНЫ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ	1-162
1. Основные положения историографии	1-8
2. Приазовская культура	8-32
3. Крымская культура	33-42
4. Сурско-днепровская культура	42-77
5. Некоторые вопросы ^{истории} Буго-днестровской культуры	77-79
6. Некоторые вопросы истории культуры линейно-ленточной керамики	79-81
7. Развитие культуры в днепродонецкой области	81-100
8. Отнокультурная область неолита с ямочно-гребенчатой керамикой	100-135
9. Предмет неолита	135-138
10. Примечания к главе I	139-162
ГЛАВА II. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ БУГО-ДНЕСТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	163-376
1. Историографические сведения	163-173
2. Принципы изложения материала	173-175
3. Главные естественно-исторические положения	175-183
4. О мезолите Северо-западного Причерноморья	183-206
Мезолитические культуры на Украине	185-186
Конец палеолита	186-191
Ранний мезолит. Михайловка	191-196
Поздний мезолит	196-206

Наброс

Описание материала
в архивах и музеях

- П -

	6. Об архайческом неолите	206-210
	6. НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В БАССЕЙНЕ ЮЖНОГО	
	БУГА	210-251
	Ранний неолит	210-253
<i>Определены встречены в ряде мест</i>	Бэзьков остров	210-220
	Нятков остров	220-230
	Сокольцы II	230-249
	Заньковцы II	249-253
	Стратифицированные поселения с отложениями развитой поры неолита	253-308
	Сокольцы UI	253-270
	Сокольцы I	271-274
	Шимановское II	274-278
	Глинское	278-280
	Мельнична круча	281-288
	Гайворон-Полянок	288-294
	Пещера	294-299
	Щуровцы	299-301
	Самчинцы	301-304
	Якчики	304-305
Завалье	306	
Ладыжин	307-308	
Памятники поздне-неолитического времени	308-351	
Чернятин	308-313	
Саврень	313-333	
Владимировка	333-335	
Николина Брояка	335-343	
Гард	343-351	

- III -

Структурное деление и формулировка
 Структурное деление и формулировка
 Структурное деление и формулировка

7. <u>Вопрос о конце неолита на Днэном Бугэ и памятниках хмельнякского типа</u>	361-367
8. Первые памятники на Днэстре	358-362
9. Примечания к главе II	363-376
ГЛАВА III. БУГО-ДНЭСТРОВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	
1. Вступительные замечания	377-456
2. Система периодизации и относительной хронологии буго-днэстровской культуры	377-382
3. Территория и явления зональности	382-399
4. Население	399-404
5. Экономическое развитие	404-405
6. Общественная организация	405-426
7. Особенности идеологического развития	426-430
8. Состав культуры	430-433
9. Этно-языковая принадлежность	433-437
10. Примечания к главе III	437-443
ГЛАВА IV. ВОПРОСЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И СИНХРОНИЗАЦИИ	
1. Вступительные замечания	443-448
2. Историко-хронологические соотношения с культурами охотничье-скотоводческого ареала	444-456
3. Неолит Днэного Прикаспья и его соответствия в неолите Днэ-восточной Европы	457-594
4. Периодизационные и синхронистические данные сурско-днэстровской культуры	457-461
	461-463
	463-484
	484-492

87

- IV -

	5. Периодизационные и синхронистические данные <i>неолит</i> днепродонецкой области	492-505
	6. Некоторые вопросы синхронизации неолитной ямочно-гребенчатой керамики	505-508
	7. Историко-хронологические соотношения с культу- рами древнеземледельческого ареала	508-509
	8. Восточное Средиземноморье Центральные Балканы	508-523
	Восточные Балканы (Керановская культура распис- ной керамики)	523-536
	Керановская культура	536-537
	Соотношения с придунайским районом культуры линейно-ленточной керамики	537-545
	Соотношения с поздним неолитом Нижнего Дуная. Преддунайское время	545-566
	8. Данные абсолютной хронологии	566-571
	9. Примечания к главе IV	572-594
	ГЛАВА V. РЕЛИГИОЗНО-КОСМОГОНИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЭЛАХИ ПРОБИТА-ЭЯЧОМТА	595-779
	1. Вступительные замечания	595-598
	2. О системе воззрений древних земледельцев -----	598-700
	Историографический момент	598-603
	Комплекс Неба в системе религиозно-космогони- ческих воззрений	603-636
	Комплекс Земли в религиозно-космогоническом системе	636-700
	3. Главное в религиозно-космогонических воззрениях племен скотоводческого ареала -----	700-708

Очерк истории культуры
 Восточного Средиземноморья
 и Балкан

Очерк истории культуры
 древних земледельцев
 - ямочно-гребенчатой
 керамики и
 линейно-ленточной
 керамики

- у -

<i>Новое</i>	4. Глазное в религиозно-космогонических воззрениях племен охотничье-рыболовческого ареала	708-729
	5. Общее, региональное и локальное в религиозно- космогонической системе	730-769
	6. Приращения к главе У ГЛАВА УГ. ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ИНДО- ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ	750-779
	1. Вступительные замечания	780-783
<i>Оправданно важное взглянуть, потому что</i>	2. Сложение трипольской культуры и связанные с ним этногенетические процессы	783-847
	Историко-географический момент	783-791
	О сложении трипольской культуры	791-792
	Древнейшее Триполье. Восточная и Галциня ареалы	792-809
	Об основной линии и течениях в развитии три- польской культуры	809-816
	Наследие буго-днестровской культуры	816-845
	Заключение о процессе сложения трипольской культуры	845-847
	3. Сложение древнейшей культуры и связанные с ним этногенетические процессы	847-983
	Историко-географический момент	847-859
	Миграции и разрыв в цепи развития южных культур	859-861
<i>Новое</i>	Возникновение двух областей культуры с ланцюго- накольчатой керамикой	862
	Земледельческий ареал	862-863
	Охотничье-скотоводческий ареал	864-869
	Днестро-днестровская культура	870-879
	Вопросы стратиграфии, хронологии и синхронизации	879-920

- У I -

Вопросы периодизации	920
Вопрос об ассимиляции азово-днепровской культуры	920-924
Первый-квитянский период развития древнейшей культуры	924-940
Роспийско-днепровская фаза	925-931
Чигириново-квитянская фаза	931-940
Второй-среднедонецкий период развития древнейшей культуры	960-968
Бережловская фаза	943-949
Скелеская фаза	949-964
Деревянская фаза	964-968
О третьем-михайловском периоде развития древнейшей культуры	968-983
Михайловская II фаза	976-977
Михайловская III фаза	977-978
Последняя фаза древнейшей культуры	978-983
О второй линии развития степного энсольта	983-994
Заключение о сложении древнейшей культуры	994-1002
4. Сопоставления некоторых выводов языкознания и археологии	1002-1040
5. О новом археологическом аспекте индоевропейской проблемы	1040-1050
6. Приложения к главе У I	1051-1110.

Материал

*Отсюда и материал
для статьи в Вестн.
- это и в архиве.*

17.XII.1965 *В. Даниленко*

ПЛАН - КАРТА
СТАРШЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ИА АН-УССР, ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ
НАУК В.Н.ДАНИЛЕНКО - на 1979 год.

1. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА.

- I. Начало работы над монографией "Свод наскальных изображений
Каменной могилы". - 1979 - 1983 гг.
В 1979 - собрание материалов.
Доклад - статья - "Русское письмо до устройства и его истоки -
1 п.л. апрель-май 1979 г.
- II. Экспедиционная работа - 2,5 мес. IU-УП - 1979 г.
- III. Участие в координационной работе - в течение года.
- IV. Участие в научных конференциях - в течение года.
- V. Научно-организационная деятельность - руководство группой
Каменной могилы.
- VI. Продолжение руководства докторской темой И.Ф.Ковалевой, руко-
водство докторской темой Н.М.Шмаглия, руководство кандидатской
темой И.Л.Алекстерой и Б.Д.Михалова.
- VII. Чтение лекций, консультации, определение археологического материа-
ла, написание рецензий, отанвов и пр. - в течение года.
- VIII. Научные командировки - 1,5 мес.
- IX. Участие в работе методологического семинара.

12.11.1979 г.

В.Н.Даниленко/

Наукове видання

**Валентин Миколайович
Даниленко.
Життя археолога**

Упорядник - М.В.Даниленко
Верстка - Д.О.Рубін

Підписано до друку 28.05.2013. Формат 60x84 1/16
Друк лазерний. Папір офсетний. Гарнітура Newton.
Умовн. друк. арк. 14.4.

ТОВ «Центр учбової літератури»
вул. Лаврська, 20 м. Київ

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до
державного реєстру видавців,
виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2458 від 30.03.2006 р.

ISBN 978-611-01-0539-2

9 786110 105392